

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Человек. Сообщество. Управление

Научно-информационный журнал

№ 2, 2002

Учредитель – Кубанский государственный университет

Содержание

Представление номера	2
Приглашение к дискуссии	
Оберемко О.А. Изменения в теории социальных изменений	4
Юбилей	
О.Г. Кукосяну – 80 лет	45
Кукосян О.Г. Психолого-педагогические проблемы обучения пожилых людей	48
Человек в мире	
Лузаков А.А. Как мы воспринимаем шрифт газетного заголовка: психосемантика читательского впечатления	61
Оберемко О.А., Прончихина С.В. Антонимический анализ семантического пространства «МЫ-ОНИ»	71
Местные сообщества	
Виноградов В.В. Стратегический план в процессе муниципального стратегирования: место и время (Реплика вдогонку не самой легкой оценке состояния стратегического планирования в конкретном муниципалитете)	81
Политическая регионалистика	
Васильева Е.В. Региональный лоббизм	92
Кузьмичева Н.И. Проблемы оценки экономической безопасности региона	106
Кафедра	
Бунчук С.Н. Коммуникативные аспекты подготовки агентов по развитию внешнеэкономического сотрудничества местных сообществ	111
Мясникова Т.А., Степанова Л.М. Инновационная игра как инструмент вовлечения населения в решение местных проблем	116
Тамбиянц Е.С. Рабочая программа курса «Социальная геронтология»	126
Aspirantium opera	
Измайлов И.З. Электоральные технологии: варианты классификации	140
Лауреаты студенческой недели науки	
Ликсукова Т.А. Управление отходами (теоретические аспекты, мировой опыт, возможности применения в г. Краснодаре)	146
Пинчук А.Б., Коваленко С.А., Козлов С.В. Опыт описания посетителей «Дня карьеры»	153
Рецензии	
Морозов С.А. Остров невезения (заметки о книге А. П. Прохорова «Русская модель управления». М., 2002)	159
Лузаков А.А. Организационная психология: «Единственно верный» подход уже найден?	164
Жизнь факультета	
Ожигова Л.Н. Гендерное образование в профессиональном становлении личности	172

КубГУ
БИБЛИОТЕКА
ф-та Управления

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НОМЕРА

Уважаемые читатели!

Второй номер нашего журнала за 2002 год, с одной стороны, продолжает традиции, с другой – содержит инновации.

Мы открываем рубрику «Юбилей» рассказом о докторе психологических наук О. Г. Кукосяне, который так много сделал для становления психологической школы и системы дополнительного образования в Кубанском госуниверситете. Вы можете познакомиться со статьей самого Ованеса Гайковича «Психолого-педагогические проблемы обучения пожилых людей».

Дискуссионный материал О. А. Оберемко предлагает авторскую трактовку ряда спорных проблем теории социальных изменений. Интерес, который появился к материалу уже на этапе его подготовки к печати, свидетельствует: дискуссия будет продолжена.

Проблемам психосемантики посвящены обе статьи в рубрике «Человек в мире»: А. А. Лузаков анализирует восприятие читателями шрифтов газетных заголовков. О. А. Оберемко и С. В. Прончихина рассматривают различные виды антонимических реконструкций «мы – они».

В рубрике «Местные сообщества» публикуется статья директора организационно-методического центра, советника мэра г. Череповца В. П. Виноградова, представляющая опыт этого города в области стратегического планирования развития муниципального образования.

Н. И. Кузьмичева и Е. В. Васильева освещают актуальные проблемы управления региональным социумом – экономическую безопасность и региональный лоббизм.

Весьма насыщена в этом номере рубрика «Кафедра». Статьи С. Н. Бунчук, Т. А. Мясниковой, Л. Н. Степановой – своеобразные маркеры развития интерактивных методов обучения на факультете управления, а подготовленная Е. С. Тамбиянц рабочая программа не только будет подспорьем для студентов, но и поможет всем читателям отчасти понять, чему же учат будущих социальных работников.

Как обычно, мы публикуем статьи наших аспирантов, лучшие студенческие научные работы, новости факультетской жизни.

«Кресло рецензента стоит на площади, а не в третьем или пятом ряду партера», – этот афоризм приходит на ум при знакомстве с рубрикой «Рецензии». Надеемся, что работы С. А. Морозова и А. А. Лузакова приведут вас к внимательному чтению рецензируемых книг (А. П. Прохоров Русская модель управления. М., 2002; А. Н. Занковский Организационная психология. М., 2000), а возможно, и побудят выступить самим.

Всего наилучшего!

Редколлегия

ПРИГЛАШЕНИЕ
К ДИСКУССИИ

ИЗМЕНЕНИЯ
В ТЕОРИИ
СОЦИАЛЬНЫХ
ИЗМЕНЕНИЙ

О. А. Оберемко

ИЗМЕНЕНИЯ В ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

О. А. Оберемко

О произошедших за последнее десятилетие изменениях в России высказано множество противоречивых точек зрения, базирующихся на самых разных теоретических построениях*. Такое разнообразие способно вызвать «головокружение от успехов», возбуждающее по прошествии некоторого времени скромное желание сориентироваться в основаниях обильно предлагаемых трактовок. Единственный способ удовлетворить это желание, следуя совету Ч. Р. Миллса, – самому становиться методологом и теоретиком [8]. Особенно это может быть полезно при наблюдающемся в настоящее время сужении временной исследовательской перспективы в восприятии трансформаций современного российского общества как уникальных и беспрецедентных.

В данной статье предпринимается попытка организовать некоторый теоретический фон, на который впоследствии (например, в сле-

* Обзор см., например, под названием «Цивилизационный подход в политических исследованиях» (курсив наш. – О.О.) [2]. Узкое определение «политические» следует из вполне понятного для профессора кафедры политологии «политологического империализма»; в статье на самом деле дается обзор работ, которые более естественно относить к социологии (которая, с точки зрения социолога, включает в себя и политологию).

дующем номере журнала) можно было бы проецировать трактовки происходящих социальных изменений. Предметом статьи являются не реальные изменения, а именно изменения, которые социологическая теория социальных изменений претерпела примерно за 250 лет. Иными словами, нас интересует не течение жизни, а трансформации ее теоретических отображений.

1. О ПРЕСУППОЗИЦИИ ТЕОРИЙ И НАПРАВЛЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

1.1. Базовые посылки теорий социальных изменений

Всякая научная теория рождается и живет в социальном контексте, несет на себе печать духа эпохи, т.е. помимо «позитивного» знания в ней присутствуют примеси ценностных представлений, интересов, заблуждений, предрассудков и идеологических влияний. Именно мировоззренческие основы, не всегда рефлекслируемые *базовые посылки*, которые никак не обосновываются, а просто принимаются на веру, во многом определяют набор конструктивных элементов теории, их интерпретацию и способы сочленения между собой. Базовые посылки новоевропейской науки коренятся в представлении о том, что развитие общества должно привести, хотя бы суммарно, к увеличению человеческого счастья. А это является залогом того, что теоретику общества, заинтересованному в исследовании своего объекта, невозможно выступать в качестве холодного наблюдателя.

Если мы стремимся к использованию теоретических конструкций для понимания социальной реальности, мы должны уметь вычленять в них неявные допущения, или базовые посылки. При рассмотрении теорий социальных изменений полезно учитывать, какую позицию занимает тот или иной автор по следующим вопросам:

1) придерживается ли он оптимистического или *пессимистического* взгляда на будущее человечества или отдельного общества;

2) как высоко он оценивает возможности человеческого разума превосходить, каковы последствия действий социальных акторов (индивидов, коллективов, институций) для общественного целого;

3) верит ли он в *детерминированность* или *свободу воли* социальных акторов;

4) настаивает ли он на *преемственности* или *разрыве* с предыдущим состоянием общества.

Оптимистическая оценка будущего соответствует вере в прогрессивное развитие, в то, что социальный мир изменяется к лучшему. Пессимисты, напротив, полагают, что лучшие достижения остались позади и мир (общество) разлагается, деградирует, идет к распаду.

В зависимости от оценки возможностей человеческого разума теория может быть более философской по характеру и назначению, направленной на чистое познание и в крайней форме на недеяние либо более практически ориентированной.

Моральная интерпретация представлений о соотношении детерминизма и свободе воли в человеческом действии подводят теоретика к тому, чтобы ценить естественность морального состояния общества, либо настаивать на необходимости деятельного участия в воспитании и моральном совершенствовании людей.

Решающее влияние на выбор предшественников для цитирования оказывает позиция по четвертому пункту: мы имеем здесь либо сторонника постепенных, осторожных реформ, либо решительного революционера.

Различать позиции по данным вопросам необходимо, чтобы разобраться в пристрастиях авторов, в нескончае-

мых спорах, куда идет Россия (if so), чтобы понять корень разногласий и иногда неожиданного единомыслия, казалось бы, сторонников диаметрально противоположных подходов и точек зрения.

1.2. Эволюция концепций направленных социальных изменений: прогресс, регресс и социальное становление

Схематично в социологическом осмыслении социальных изменений можно увидеть смену трех парадигм: прогресса, кризиса и социального становления [19, с. 6].

Оптимистические теории социального прогресса ценят кумулятивное накопление человечеством духовных и материальных благ, которое является одновременно и результатом прошлых достижений, и ресурсом для достижений будущего. Чтобы кумулятивное накопление не прерывалось, чтобы человечество совершенствовалось непрерывно, необходимо прежде всего заботиться о сохранении преемственности с прошлым. В том, что накапливаются именно блага, сомнений не было, поскольку одновременно должен был крепнуть разум, отбирающий полезные достижения и отбрасывающий негодные результаты. Мыслители, диагностировавшие вступление человеческого разума в пору зрелости, полагали, что человечество вот-вот окончательно выйдет из естественно-исторического процесса и начнется эра человеческой истории, где разумный человек, познавший законы природы и общества сам станет творцом своего настоящего и будущего, будет использовать законы себе во благо, а не вынужденно, по невежеству, подчиняться им как слепой силе рока.

Иногда в общественном дискурсе резонанс получают пессимистические ноты. В такие времена замечают, что накапливаются не только позитивные изменения, но и негативные, что человечество раскрывает в себе не только благие, но и

губительные потенции. Свидетельства этому находят повсеместно: сотнями миллионов человек исчисляются жертвы региональных и мировых войн, утопических экспериментов режимов разного окраса от фашизма до коммунизма, огромные территории планеты ежегодно становятся непригодными для жизни, невиданное распространение получают наркомания, преступность, нищета. Добавилась новая угроза – терроризм. Придерживаясь оценочного стиля, можно было бы сказать, что вместе с добром крепнет и зло, а воображаемая прямая восходящего развития бесстрастно фиксирует накопление напряжения между ними. В результате разум оказался не в состоянии систематически нейтрализовывать непреднамеренные негативные последствия собственных преднамеренных действий и примирять возросшие противоречия. Вместо периода сознательного творения истории социологическая теория фиксировала вступление человечества в полосу нескончаемых кризисов, из которых не видно выхода. В своем крайнем проявлении реакция на оптимизм прогрессистов приобретала апокалиптическую окраску.

Ту же мысль можно изложить в нейтральном ключе и обойтись без овеществления (реификации) добра и зла. К ней мы вернемся, когда будем обсуждать эволюционистскую концепцию Г. Спенсера.

Концепции регресса с формальной точки зрения являются зеркальным отражением прогрессистских теорий. Они ориентируются не на будущее, а на прошлое. Процесс социальных изменений в них рассматривается как движение от более совершенного к менее совершенному, от гармоничной целостности – к ее разрушению. При такой мировоззренческой позиции главная задача видится в сохранении образцов прошлого, в тщательном поддержании традиций и затруднении инноваций, которые рассматри-

ваются как ухудшение канона, оставленного более мудрыми и совершенными предками.

Осмысливая современные трансформации российского общества, некоторые авторы до сих пор рассматривают их как отход от советского канона и его разрушение, не обнаруживая никаких позитивных изменений. Пессимистически настроенные авторы концентрируют свое внимание на таких параметрах и показателях общественного развития, которые наиболее очевидно демонстрируют «отступление» от «правильного» пути или «развал».

Наконец, среди теоретиков начинает преобладать идея о нормальности непредсказуемых социальных изменений, что заставляет избегать заранее установленных, претендующих на универсальность критериев оценки этих изменений. Оптимистически-пессимистическая альтернатива сменяется трезвым, реалистическим взглядом, не нуждающимся ни в утешении, ни в идеологической мобилизации.

В новой активистской парадигме принцип рассмотрения человеческой истории сквозь призму естественно-исторического процесса с predetermined «золотым веком» в будущем (или в прошлом) сменяется принципом ее истолкования под углом зрения социально-исторического процесса, в ходе которого будущее конституируется «здесь и сейчас» посредством активных действий социальных акторов на среду и заранее никому неизвестно. Иными словами, от социальных акторов (в том числе и от нас с вами, читатель) зависит, «куда пойдет Россия».

Выстроенная хронология условна и схематична. Даже поверхностное знакомство с первоисточниками убедит читателя в том, что мимо зоркого взгляда основоположников теории прогресса не ускользали ни возможность кризисов и застоя, ни идеи о деятельном участии обыкновенных людей в истории. Однако все же можно говорить не о периодах полного господства перечисленных трактовок, а об их

влиятельности, и даже просто «звучности»: социологи в каждый период обращали внимание на одни и игнорировали другие аспекты реальных процессов социальных изменений в соответствии с интересом эпохи.

Хронология отражает отказ от слепой веры в железную поступь истории (к добру ли, к худу ли) и возложение ответственности за наше будущее не на законы общества, а на нас самих. Этот поворот напоминает предпринятую М. Вебером в «Протестантской этике» критику марксистской формационной теории.

Очевидно, что не всякий вариант теории прогресса адекватен и одинаково продуктивен как средство познания и как инструмент для практической деятельности.

1.3. Альтернатива направленному развитию – циклические изменения

Преодоление узости дилеммы оптимистов / пессимистов «прогресс или регресс» можно искать в представлении о циклических (маятниковых) изменениях, которые отражают разворачивающиеся во времени повторяющиеся движения общества в целом или некоторых его тенденций между двумя полюсами. Активная роль социальных акторов здесь выносится за скобки.

Наиболее очевидной аналогией для теорий циклических изменений являются природные циклы смены дня и ночи и смена времен года. В зависимости от интереса наблюдателя указанные природные процессы можно интерпретировать двояко. Во-первых, как абсолютно циклический процесс, последняя фаза которого «возвращается к своей первой фазе, и цикл начинается снова, проходя тот же самый путь, который он проделал до этого» [9, с. 90–91]. Во-вторых, как относительно циклический процесс, в котором траектория следующего цикла может не совпадать с траекторией предыдущих

циклов по направлению (в количестве, пространстве или времени) и смыслу [9, с. 91]. Если циклы повторяются на более высоком уровне, можно говорить о циклическом прогрессивном развитии, если на низком уровне – тогда о циклическом регрессе.

Циклические модели можно еще различать и в зависимости от того, как представляется изменяющийся объект: если он мыслится как индивидуальный организм, тогда цикл составляет триединство рождения, высшего развития и смерти. Как правило, объектом таких построений является промежуточная между обществом и человечеством единица – цивилизация. К ним относятся варианты, по выражению П. Штомпки, «историософии подъема и падения цивилизаций» (Н. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби). Организмическая метафора задает обязательность предначертанной траектории развития и смерти. Никакой организм не может жить вечно, ибо однажды исчерпывает свои потенции.

«Популяционная» метафора общества представляет его в качестве агрегата, совокупности связанных между собой частных (индивидуальных и коллективных) акторов. Такая метафора делает ненужным поиск начальной и конечных точек в развитии общества (или цивилизации) и даже выносит за скобки вопрос о ее идентичности.

2. ДОГМАТИЧЕСКИЕ И КЛАССИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ПРОГРЕССА

2.1. Догматы теории социального прогресса

Под прогрессом понимается «тип, направление развития, для которого характерен переход от низшего к высшему, от менее к более совершенному» [21, с. 598]. Идея общественного прогресса подразумевает, что «человечество от некоторого первобытного состояния примитивности, варварства или даже ни-

чтожности двигалось вперед в прошлом, движется в настоящем и будет двигаться вперед в обозримом будущем» [26, р. 4–5].

Считается, что теория прогресса приписывает социальным изменениям следующие атрибуты:

1) необратимо, линейно текущее время, обеспечивающее, с одной стороны, преемственность между прошлым, настоящим и будущим, а с другой – невозможность повторения и возврата в прошлое;

2) постулирование «необходимых» для всех обществ стадий прогресса;

3) упорядоченность и направленность движения к конечной стадии процесса, где предполагается воплощение универсальных, общечеловеческих ценностей: счастья, изобилия, свободы, справедливости, равенства и т.п.;

4) признание неотвратимости и естественности прогресса: его нельзя ни остановить, ни избежать;

5) однозначная положительная оценка прогресса [20, с. 50].

Именно в таком или примерно в таком виде теорию прогресса критиковали с момента ее появления. В настоящее время теорию прогресса, кажется, уже сдали в архив. Радикальная критика вообще готова вместе с «железной поступью прогресса» целиком отринуть рационалистический проект Просвещения, поскольку он мешает естественному развитию индивида и общества в эпоху постсовременности. В бесконтрольности власти Разума, а не в недомыслии, видят причину бесчеловечности тоталитарных режимов XX в. [1].

Особенно яростной атаке подвергалась концепция прогресса, разработанная в русле советского варианта марксизма – в учении исторического материализма.

В прогрессизме советского режима образца последних десятилетий его существования отчетливо прослеживаются элементы тоталитарного варианта теории прогресса, восходящего скорее к Конту, нежели к Марксу. 1. Постулировалось начало

истинной человеческой истории: человечеству предписывалось сознательно делать свою историю, руководствуясь единственно верным учением, которое наделялось статусом научного. 2. Признавалось, что старые (буржуазные?) социальные институты подлежали слому, поскольку не могли обеспечить развитие человечества и индивида в соответствии с новым уровнем развития. 3. Для того чтобы новые институты могли успешно функционировать, необходимо было воспитать «нового человека». 4. Гарантировать воспитание и направлять деятельность социальных институтов призвана особая духовная власть, стоящая и над обществом, и над управляемым специалистами государством (КПСС). 5. Преобладание идеологии над экономикой, которое бурно критиковалось отечественными экономистами в конце 1980-х гг., указывало на практический отход от материализма и на признание того, что именно разум руководит прогрессом. Все эти идеи обнаруживаются именно у Конта [6, с. 76–114]. Этой по существу строго нормативной идеологии соответствовало безграничное оптимистическое мировоззрение и патерналистские отношения между властью и обществом.

Интересно, что ничего похожего на жесткую схему из пяти пунктов мы не найдем у тех авторов (например, у Тюрго), кто рассматривал социальную теорию не как руководство к действию, а как инструмент (или результат) познания. Это значит, что в теории социального прогресса можно различать мягкие и жесткие варианты.

2.2. Мягкие и жесткие варианты теории общественного прогресса

«Мягкая» концепция А. Р. Тюрго

«Первооткрыватель» рационалистической теории общественного прогресса французский мыслитель и государст-

венный деятель А. Р. Тюрго (1727–1781) во многом предопределил трактовки прогресса в позднейших теориях.

Разделение природы и общества: история естественная и социальная. Прежде всего, он разделял природный и общественный миры как раз по характеру происходящих в них изменений. Лишенная собственного разума природа не знает развития, ибо ее движения подчинены круговороту. Прогрессивное развитие человеческого общества постулировалось в качестве закона, объяснение которому находилось в свойствах человеческого разума.

«Явления природы, подчиненные неизменным законам, заключены в круге всегда одинаковых переворотов. Все возрождается, все погибает; и в последовательных поколениях, через которые растения и животные воспроизводятся, время в каждый момент только воссоздает образ того, что оно само разрушило.

Последовательное движение людей, напротив, представляет из века в век меняющееся зрелище. Разум, страсти, свобода беспрестанно порождают новые события» [16, с. 51].

Это деление на естественную историю и социальную не применимо к эпохе первоначальной дикости человека, который еще не выделился из природы; по мере продвижения прогресса человек обретает свободу от жесткого детерминизма естественных законов.

Как видим, тезис об отличии естественно-исторического процесса от социально-исторического не является новейшим изобретением приверженцев социального становления.

Естественная власть разума. Тюрго, как и все рационалисты, приписывал разуму «естественную власть», которая не только, как свет тьму, рассеивает заблуждения и предрассудки, но и способна одолевать активное противодействие. Рисуя широкими мазками историю человечества, Тюрго, например, утверждает: «Варвары в силу естественной власти разума и просвещения над грубой силой были

побеждены духовно, и невежество среди них беспрестанно уменьшалось» [16, с. 58].

Преемственность человеческой истории. Прогресс интересует Тюрго в мировом масштабе всего человечества как некоего целостного единства, которое со смертью очередного поколения не утрачивает способности к дальнейшему развитию, так как добытые результаты познания передаются через культуру следующим поколениям: «Владея сокровищем знаков [языка], которые он [человек] сумел умножить почти до бесконечности, он может обеспечивать себе обладание всеми приобретенными идеями, сообщать их другим людям и передавать их своему потомству как постоянно увеличивающееся наследство» [16, с. 78].

Сравнение человечества с индивидуальным существом. Идея преемственности человеческой истории подкрепляется у Тюрго сравнением человечества с организмом, проходящим естественные стадии развития.

«И человеческий род, рассматриваемый с момента своего зарождения, представляется взорам философа в виде бесконечного целого, которое само, как всякий индивидуум, имеет свое состояние младенчества и свой прогресс» [16, с. 51].

«Беспрерывное сочетание этих успехов со страстями и обусловленными ими событиями образует историю человеческого рода, где каждый человек является только частью бесконечного целого, имеющего, как и он, свое младенчество и свой прогресс» [16, с. 78].

Таким образом, человечество мыслится как индивидуальный организм, которому, естественно, полагается расти, набираться ума и умений, обуздывать свои страсти.

Однако вершат прогресс объединенные в общество действующие индивиды, стремящиеся к удовлетворению своих общественно обусловленных потребностей и интересов. По страницам работ Тюрго разбросаны тонкие замечания о связи между успешностью деяний и индивидуальными талантами деятелей, уровнем развития общественности, по-

литическим режимом и культурным климатом, развитием языка, моральным состоянием всего общества и составляющих его слоев и т.п.

Проблематичность прогресса. В отличие от упрощенных «школьных» версий, по А. Р. Тюрго, прогресс у разных народов осуществляется неравномерно и с неодинаковым успехом пробивает себе дорогу в различных сферах общественной жизни (политике, праве, науке, технике, торговле и т.п.). Некогда передовые нации могут останавливаться в своем развитии и даже исчезать с исторической сцены, а достижения прогресса могут «перетекать» от одного народа к другому (и из одной сферы в другую). Суммарно «вся масса человеческого рода, переживая попеременно спокойствие и волнения, счастливые времена и годы бедствия, всегда шествует, хотя медленными шагами, к все большему совершенству» [16, с. 52].

Ценность преемственности и накопления гениальных достижений и прорывов в периоды стабилизации и уравнивания частных интересов и страстей, представление о «естественности» процесса взросления «человечества», с одной стороны, и зависимости этого процесса от исторических конфигураций множества социокультурных факторов – с другой, – существенные черты классического прогрессизма.

«Подобно колебанию морского уровня вследствие прилива и отлива, могущество одной нации переходило к другой и в недрах одного и того же народа от государей к толпе и от толпы к государям. В этих изменениях все колеблющееся постепенно приближается к состоянию равновесия и со временем принимает все более прочное и спокойное положение» [16, с. 54].

Последняя цитата интересна еще и в том отношении, что она не подразумевает взнузданной разумом «железной поступи» прогресса; достижение прочного и спокойного – зрелого – положения потенциально возможно, но зависит

от счастливого стечения обстоятельств, которые наравне с приливами и отливами не подвластны деятельному человеческому разуму.

Материальный и духовный прогресс в рассматриваемой концепции находятся в сложных взаимоотношениях; они, безусловно, связаны между собой, однако о жесткой, и тем более однозначной, причинно-следственной связи говорить не приходится. Прогресс в одной сфере поддерживает и обогащает развитие другой сферы; одностороннее развитие обедняет жизнь и индивидов, и общества, что приводит к упадку *. При этом предел материального прогресса не просматривается, тогда как высшие проявления человеческого духа (в философии, в искусстве, в подвиге) остаются не превзойденными, а лишь окрашенными временем соответствующей исторической эпохи.

«Жестковатый» эволюционизм Г. Спенсера

Примерно через сто лет, во второй половине XIX в., Г. Спенсер (1820–1903) отказался от термина «прогресс», по крайней мере, от обиходного употребления этого слова, при котором «все явления рассматриваются с точки зрения человеческого счастья» и «только те изменения считаются прогрессом, которые прямо или косвенно стремятся к возвышению человеческого счастья» [10, с. 22–23], а нежелательные изменения трактуются как отсутствие развития либо просто игнорируются. Термином «эволюция» Г. Спенсер подчеркивал неотвратимую необходимость изменений «во всех обла-

* Наглядным примером несвязности «двух прогрессов» может служить сконструированный в снятом в годы перестройки кинофильме Георгия Данелии «Кин-дза-дза» инопланетный мир, сравнение с односторонним техническим развитием которого выявляет красоту «простого советского человека» и особенную гуманность стремительно девалявавшегося советского общества.

тях действительности и разных классах явлений» [6, с. 236] и стремление исследовать сущность изменений. «рассматривая их независимо от наших интересов» [10, с. 23].

Единство природы и общества: социальная история есть продолжение истории естественной. Г. Спенсер (наряду с такими мыслителями, как Ч. Дарвин, К. Маркс, Ф. Энгельс и др.) представил социальную эволюцию необходимым и естественным продолжением эволюции природы. В эпоху высочайшего авторитета естествознания стирание грани между природным и социальным (точнее, между природным и человеческим) усиливало теоретическую обоснованность и объективность эволюционистских построений.

Концепция морфологической дифференциации. Примитивные фазы развития материи на любом – доорганическом, органическом и надорганическом (социальном) – уровне организации характеризуются переходом от однородности к структурно-функциональной дифференциации. Усложнение и специализация естественны, поскольку «различные части однородной агрегации неизбежно подвержены действиям разнородных сил, разнородных по качеству и напряженности, вследствие чего и изменяются различно», а «однородная сила, сообщающаяся агрегату, производит несходные изменения в различных его частях, делая однородное многообразным, а многообразное еще более многообразным» [11, с. 224, 293]. В процессе эволюции происходит отбор наиболее эффективных комбинаций составляющих агрегат частей. Таким образом, эволюция трактуется как развитие материи к дифференциации и на основе последней к интеграции на более высоком уровне сложности и специализированности.

Общая для любого развития причина состоит в том, что «каждая действующая сила производит более одного изменения – каждая причина производит более одного действия» [10, с. 48].

Идеальное состояние общества. Социальная фаза эволюции характеризуется наивысшей дифференциацией, при этом общество постепенно вырабатывает механизмы по ограничению числа возможных комбинаций между элементами. Одновременно происходит изменение человеческой природы: человечество достигает предельного «социального состояния», при котором каждый индивид имеет только те потребности, удовлетворение которых не наносит ущерба остальным индивидам. Тот, кто удовлетворяет свои потребности за счет других, должен считаться неприспособленным.

Скорость прогресса сдерживается невозможностью быстрой переделки человеческой природы и необходимостью для общества пройти все положенные стадии сложности. Сознательное вмешательство извне неспособно увеличить «скорость органических изменений в человеческих существах» и может приносить общественному организму «чрезвычайный вред, расстраивая, искажая и останавливая ход прогрессивного развития» [12, с. 403–404]. Таким образом, достижение обществом стадии наивысшей социальности полагается в неопределенном, достаточно отдаленном будущем.

Сравнение человечества с индивидуальным существом. Г. Спенсер много внимания уделял аналогиям между обществом и индивидуальным организмом. В обоих объектах процессы специализации и дифференциации структуры и функций идут рука об руку. Для жизни и того, и другого принципиальным является воспроизводство функций, а не устойчивость выполняющих их элементов: «люди в социальных институтах сменяют друг друга подобно тому, как обновляются клетки в органах живого тела» [6, с. 246].

Стремясь сочетать организмическую метафору с либеральным принципом *laissez-faire*, Г. Спенсер не меньшее внимание уделял и различиям между обществом и организмом, в частности различиям на уровне конституирующих целостность эле-

ментарных единиц — между индивидом и клеткой. Главное отличие виделось в наличии у индивида сознания, самосознания и целеполагания; в том, что увеличивает зависимость целого (общества) от частей (индивидов). Тем самым в качестве элементарной единицы общества выступал индивид, чья эмансипация росла вместе с дифференциацией и специализацией функций социального организма, а следовательно, аналогия между индивидом и клеткой приобретала все большую условность.

Спенсеровский и дарвиновский варианты эволюционизма. Рассматривая теории эволюции, необходимо иметь в виду, что спенсеровская организмическая модель принципиально отличается от популяционной дарвиновской. Последняя не предполагает, даже в метафорическом ключе, существования центральной структуры, обеспечивающей направление и согласованность деятельности частей целого. Организованные в коллективы человеческие особи, носители культурных форм, подобно популяциям животных и растений, борются между собой за существование, принимая все более совершенные формы приспособления к окружающей среде. Отсюда тяготение дарвиновского эволюционистского взгляда к признанию ведущей роли конфликта в общественных изменениях и к рассмотрению общества как арены постоянной и всеохватной борьбы между индивидами, группами, социальными институтами и целыми обществами.

Некоторые важные сходства и различия двух концепций социального прогресса

В целом рассмотренные концепции А. Р. Тюрго и Г. Спенсера роднит «естественная» трактовка прогресса, или эволюции, как процесса, в котором преднамеренность субъектов человеческого действия не может играть решающей роли в силу многообразия причиняющих факторов и в силу того, что человек является таким причиняющим фактором, который

сам подвержен развитию. Здесь человек мыслящий (*Homo cogitans*) не ставится в привилегированное положение по отношению к человеку действующему (*Homo agens*). Поэтому значительное место в текстах указанных авторов уделяется множеству разнообразных фактов, демонстрирующих, что автор «просто вынужден» придерживаться концепции прогрессивного развития, поскольку именно она является наилучшим способом осмыслить столь разнообразный материал. Следует также указать на то, что обе концепции предвосхищают современные представления о процессах глобализации, поскольку наивысшая стадия прогресса мыслится в масштабах всего человечества, а не в границах одной страны или блока избранных стран.

Однако есть и различия. Утверждение Г. Спенсером единства природного и социального мира позволило расширить трактовку проблемы до универсального свойства материи закономерно изменяться от низшего и малозначащего к высшему и полноценному. Вера в направленное развитие природы и человечества (как части природы) вдохновляет социальных мыслителей на попытки установить, угадать или приписать изменениям определенный смысл, увидеть их цель. Если высшая точка развития (конечное состояние прогресса) представляется желанной и принципиально достижимой посредством человеческой деятельности целью, то возникает соблазн возвести деятельное участие максимального числа людей в приближении «светлого будущего» в некий моральный принцип. И больше того – в идеологию мобилизующего массы социального действия. В этой точке теория прогресса перестает быть инструментом научного объяснения, превращается в орудие воспитания и мобилизации и переключивается в воспитательную литературу и публицистику. К этим случаям относятся воззрения «зрелого» О. Конта [6, с. 83–93, 103–114]

и К. Маркса [6, с. 191–195]. Таким образом, не всякая теория прогресса непременно явно смыкается с идеологией.

3. КРИТЕРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОГРЕССА

Разные мыслители, исходя из собственных ценностей, предлагали различные критерии общественного прогресса как имеющие абсолютную ценность для всех людей: смягчение нравов, умножение знаний, развитие разума, морали, техники, науки, производительных сил (включая самого человека), адаптированность человека и общества к изменениям среды, увеличение предоставляемой обществом индивиду свободы для самореализации, гуманности и т.п. Такое разнообразие свидетельствует о сложности проблемы, тем более что перечисленный список не исчерпывает всех возможных вариантов фиксации прогрессивности социальных изменений.

Споры о прогрессе и его критериях, безусловно, отражают «интересы эпохи», а также мировоззренческие установки авторов.

В теории общественного прогресса, похоже, нашли отражение три стадии развития человеческого разума Тюрго–Сен-Симона–Конта – от религиозной стадии к позитивной: постепенно происходит отказ от рассмотрения конечных причин и целей, масштаб объекта исследования уменьшается, критерии изменений становятся более операциональными.

3.1. Трактовка критериев прогресса либералами и государственниками (XVIII–XIX вв.)

Развитие теорий прогресса за период 1750–1900 гг. можно свести к диалогу двух трактовок: в прогрессе видели либо увеличение свободы индивида, либо увеличение мощи человечества [26, р. 171–296].

Приращение человеческой свободы неочевидно и едва ли поддается точному измерению; например, гораздо проще указать на накопление человечеством знаний, которые увеличивают его власть над природой. Все это так, но накопление возможно лишь тогда, утверждают мыслители либерального толка, когда устранены все барьеры, мешающие индивидам думать, работать, творить. Таким образом, критерием прогресса является степень свободы, которой располагает народ той или иной страны.

Главная (и весьма рискованная) идея этого направления состоит в том, что общее благо сложится из того, что каждый будет свободен в стремлении удовлетворять личную выгоду, интерес, желания, которые, согласно «старорежимному» религиозному мировоззрению, надо было всячески подавлять и стыдиться [25, р. 37]. Однако в «греховной свободе» каждого индивида виделась гарантия от тирании государственных институтов и залог процветания. Отдельные народы могут утратить свободу, отстать в своем развитии и даже вернуться к варварству, но человечество в целом непрерывно идет вперед. Свобода выступает не только критерием и конечной целью прогресса, но одновременно и инструментом его достижения.

Такое понимание закона прогресса разделяли и развивали представители либерального направления в политической экономии и социальной философии (А. Смит, Ж.-А. Кондорсе, И. Кант, Дж. С. Милль, Г. Спенсер). В политике это направление выражается в реформистских течениях, предусматривающих постепенное улучшение общества с помощью осторожного и продуманного введения частичных новаций, резко не нарушающих системные основы человеческого общежития.

Противоположное течение в большинстве своем составляли государственники и утописты, которые более всего цени-

ли мощь (Гегель, Сен-Симон, Конт, Фурье, Маркс и Гобино). Они не отрицали ценности свободы, которую несет с собой прогресс, однако первоначальную задачу видели в переделке и формировании сознания людей на новый лад.

Таким образом, либералы прежде всего ценят, во-первых, свободу от всякого притеснения, политического, экономического, религиозного и т.п., а во-вторых, свободу развития индивидом своих способностей, талантов без какого-либо ограничения и руководства извне. Для государственников свобода индивида неразрывно связана с принадлежностью к какой-либо общности (политической, социальной или расовой), а потому и с необходимостью соблюдения жесткой дисциплины во имя развития в интересах именно этой общности. Только через тесное и беззаветное осознание себя частью общности в конечном счете достигается «высшая», по сравнению с тем, что «предлагают» либералы, свобода.

Если либералы постулировали свободу человека, каков он есть, то государственниками и утопистами свободным мыслился лишь новый человек, которого предстояло еще сформировать. Для создания нового человека с обновленным сознанием требовалось громадное напряжение сил; условие и средство выполнения этой работы мыслители могли видеть в государстве, диктатуре одного класса (например, пролетариата) или в обновленной от накопившихся генетических изъянов расе.

Немало было революционеров, кто ради ускорения прогресса и наступления «золотого века» видел необходимость в энергичном, вплоть до кровавого, употреблении насилия. Польский философ Лешек Колаковски связывал эту идею с утопическим сознанием, питаемым «отчаянным желанием достичь абсолютного совершенства», являющимся «атавизмом религиозности в нерелигиозных умах»:

«[Н]еосознаваемая платоническая вера в то, что человеческой сущности можно теоретически дать такое определение, что экзистенциальные чаяния и желания людей будут для него нерелевантны, объясняет скрытую готовность утопического ума допустить деспотические средства для достижения земли обетованной, несмотря на то, что многие, даже большинство, мыслителей-утопистов полагали реализацию своих прозрений без насилия и принуждения. На деле только самые прозорливые из них не стеснялись признавать необходимость насилия в процессе ведения человечества в рай» (Цит. по [6, р. 239]).

3.2. Технические критерии прогресса (XIX–XX вв.)

К началу XX в. фокус внимания сместился от всеобъемлющего осмысления всемирной истории на интерпретации социальных (т.е. охватывающих отдельное общество) изменений эпохи перехода обществ от феодальной социальной организации к индустриальной; эти подходы связаны с именами Э. Дюркгейма, К. Маркса и М. Вебера [24, р. 2–10].

Прогресс как возрастание дифференциации

Э. Дюркгейм по своему мировоззрению был ближе к социалистам, нежели к либералам: он не уповал на естественные интеграционные силы, порожденные действиями свободных от тирании государства эгоистичных индивидов. Процесс прогрессирующей дифференциации он рассматривал в терминах разделения труда, которое полагалось безусловным благом, так как позволяло смягчить конкуренцию и мирно сосуществовать людям в условиях повышенной физической и моральной плотности населения. Моральная плотность измерялась числом социальных отношений, в которые каждый индивид должен вступать; увеличение числа социальных отношений сопровождается усилением их фрагментарности, частичности, специализированности. Главное беспокойство Дюркгейма было вы-

звано тем, что рост социальной дифференциации мог приводить к утрате обществом необходимых для интеграции культурных скреп; слишком резкая дифференциация (например, вследствие ускоренной индустриализации) может привести к аномии и распаду социального организма.

Предшественник Э. Дюркгейма Г. Спенсер видел назначение дифференциации органов и их функций в адаптации организма к изменениям окружающей среды. По аналогии с эволюцией животного мира большая дифференциация общества и большая специализированность его институтов по функциям служит показателем развитости общественного организма. Интеграционным процессам в дифференцирующемся обществе (как и положено либеральной доктрине) предписывалось естественное происхождение при выполнении одного условия: нужно было соблюдать принцип свободной торговли, чтобы в обществе установилась естественная внутренняя гармония, автоматически обеспечивающая мирную и добровольную кооперацию на справедливых условиях. Главная задача на пути к этой гармонии – устранить тираническое давление государства.

После Второй мировой войны представители структурного функционализма во главе с Т. Парсонсом осмыслили процесс усложнения современного общества в терминах структурной дифференциации социальной системы; заботившая Э. Дюркгейма проблема аномии решалась указанием на возникновение специализированных институтов, отвечающих за интеграцию общества.

Прогресс как расширение сферы товарного обмена

С именем К. Маркса связывают трактовку современности как расширение сферы товарного обмена. Товарный обмен возможен при установлении эквивалентности между меновой стоимостью и стоимостью потребительной с по-

мощью опосредующего инструмента (денег). Главная тенденция капиталистического общества заключается в том, что все большее число «объектов» вовлекается в сферу товарного обмена; многое из того, что в традиционном обществе считалось неотчуждаемым, получило свою рыночную цену и стало продаваться и покупаться на рынке. Серьезнейшим шагом на пути расширения сферы рыночного обмена стало превращение рабочей силы в товар, продаваемый за заработную плату. Это привело к отчуждению человека от своего труда, продуктов труда и к отчуждению человека от себя самого, своего творческого потенциала. Описанию этой тенденции отдали дань также Ф. Теннис («Общность и общество»), Г. Зиммель («Философия денег»), В. Зомбарт («Буржуа»).

Противники «общества потребления» говорят о свершившемся переходе от удовлетворения спроса к манипулированию им и конструированию новых потребностей, переосмыслению старых с помощью рекламы и средств массовой информации. В результате наполнение рынка основывается не на некоторой «стандартной», «общепринятой» концепции о «разумных потребностях» или «достойном человеческом существовании»; рынок заполняется теми товарами, которые (а) удобно рекламировать, эксплуатируя людские страсти, и (б) дешево производить.

В трудах представителей Франкфуртской школы указывается на то, что между 1920 и 1940 гг. товарный обмен вышел за пределы экономической и захватил культурно-идеологическую сферу. С превращением произведений искусства в товар они утрачивают свое творческое, критическое, одухотворяющее (очищающе-революционизирующее) воздействие на индивида, служат инструментом примирения массового потребителя с буржуазно-материалистическим образом жизни и мысли. «Весь мир становится

пропущенным через фильтр культуриндустрии» [18, с. 157].

Российскую специфику данного процесса можно видеть в том, что для нашей страны особую остроту имеет вопрос о включении в товарный оборот земли.

Прогресс как рост рационализации

В веберовском анализе возрастание рационализации социального действия связывается с переходом от традиционности к современности. В традиционных обществах социальное действие вообще не рефлексивируется и совершается по правилу «действуй так, как делали твои предки». В современном (модерном) обществе индивид соотносит ожидаемые продукты, возможные результаты своих действий с необходимыми для их достижения затратами усилий и средств. Отсюда и проистекает популярность в индустриальную эпоху идей «экономического человека» и рационального деятеля.

Экономическая власть прячется за «невидимой рукой» рынка; конфликтное взаимодействие труда и капитала контролируется угрозой банкротства, с одной стороны, и угрозой безработицы — с другой. В этом противостоянии никто персонально не виноват, «виновата» система социальных отношений.

Развитие политической системы приводит к усилению власти государственного аппарата: политически (ценностно и этически) нейтральные бюрократы управляют, согласно идеально-типической конструкции М. Вебера, исключительно по законодательно установленным, формальным, безличным правилам и с соблюдением иерархической дисциплины, что позволяет им завоевать себе автономию даже от номинальных носителей политической власти.

Социальный статус в такой социальной системе зависит в несравненно большей степени от материального успеха и

выполняемого должностного долга (не случайно в русском языке эти слова имеют один корень), чем от совершения духовного подвига, «личностного роста» или «нетленного вклада» в достижения человеческого духа.

Возрастающая рационализация поведения индивидов не только в области экономического поведения, но и в иных сферах деятельности (в политике, культуре, в повседневном взаимодействии с другими людьми, группами и социальными институтами) приводит к большей предсказуемости и управляемости общества. Таким образом, получается, что эффективность социального контроля достигается за счет централизации политической и концентрации экономической власти.

4. МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРЕССА

4.1. Значение и смысл «модернизации»

К концу Второй мировой войны социология «повзрослела» и фокус внимания переместился с глобального уровня на уровень конкретных наций-государств, что открывало возможность для практической реализации масштабных проектов. Можно привести в качестве примера послевоенный план Маршалла, который предусматривал, в частности, и модернизацию европейских стран разгромленной гитлеровской коалиции, чье отставание от передовых демократических держав и считалось основной причиной развязывания Второй мировой войны. Некоторые авторы именно теорию модернизации считают собственно социологическим прочтением социально-философской идеи прогресса [4].

Буквальное значение слова «модернизация» – осовременивание, поскольку «modern» означает «современный». Однако для передачи этого слова в терминологических сочета-

ниях вроде «modern age», «modern history» принято использовать прилагательное «новый»: «новое время», «новая история». Понятие модернизации – осовременивания – во всех контекстах предполагает, что есть «современные» страны, чье развитие отвечает духу «нового – modern – времени», и есть страны, которые отстали в своем развитии и по своим существенным характеристикам как бы принадлежат к «старому времени». Эти последние страны называются в модернизационных теориях «традиционными» в противоположность первым – современным, или модерным. В их число входят, прежде всего, так называемые западные страны.

Тема перехода от традиционного общества к современному была основательно озвучена в трудах классиков социологии в тех странах, которые первыми стали на путь развития капитализма. А. де Токвиль трактовал «осовременивание» как переход от старого режима (порядка) к новому, Ф. Теннис – от *Gemeinschaft*'а к *Gesellschaft*'у, Дюркгейм – от механической к органической солидарности, Вебер – от господства традиционного и ценностно-рационального типов действия к преобладанию действия целерационального и т.п. Во всех странах, вступавших в эпоху капиталистических отношений, находились работавшие в различных дисциплинах мыслители, отразившие в своих трудах этот болезненный переход. В социологии много сил уделялось конструированию идеальных – в веберовском понимании – типов социальной организации.

Традиционное общество ориентировано на простое воспроизводство в борьбе с окружающим миром, требующей полной согласованности действий и максимального напряжения сил от каждого его члена. Приемы выживания оттачивались многими поколениями в течение многих природных циклов, поэтому всякое индивидуальное творчество, всякое новшество опасно для всего коллектива, поскольку оно не

гарантирует ожидаемых результатов. К характеристикам традиционного общества относят преобладание религиозного или мифологического сознания над научным, невыделенность индивида из коллектива, жесткое подчинение инструментальных (регулирующих повседневную деятельность) ценностей мировоззренческим, или идеологическим, представлениям и т.п. [17, с. 11].

По мнению большинства теоретиков модернизации, главным отличием современного общества от традиционного является доминирование инновационности, сначала в технике и экономике, а затем и в социальной сфере. К другим чертам также относят «светский характер социальной жизни; поступательное (нециклическое) развитие; выделенную персональность, преимущественную ориентацию на инструментальные ценности; демократическую систему власти; наличие отложенного спроса, т.е. способности производить не ради насущных потребностей, а ради будущего; индустриальный характер; массовое образование; активный деятельностный психологический склад; предпочтение мировоззренческому знанию точных наук и технологий... преобладание универсального над локальным» и др. [17, с. 12].

Следует повторить, что речь идет об идеальнотипических конструкциях и что не может существовать чисто традиционного или чисто современного общества. Более того, согласно теоретической концепции Ф. Тенниса, «большое», холодное, рассудочное общество, где индивидами движет «избирательная воля», не может существовать само по себе без «теплой», исконной, общностной (общинной) культуры *Gemeinschaft*'а.

4.2. Развитие теории модернизации

За время своего существования теория модернизации прошла несколько этапов. 1950-е гг. были отмечены «евро-

поцентризмом», поскольку отстающим странам предлагался материальный, уже осуществленный пример конечного состояния общественного развития – страны Запада. Эта идея получила особенно интенсивную разработку после распада колониальной системы, начавшегося с начала 1960-х гг. Данное направление модернизации можно называть неокolonизацией, или вестернизацией.

В 1970-е гг. даже западные социологи дискутировали относительно двух полярных образов «светлого будущего». Перед многими учеными и политиками из развитых и развивающихся стран встала реальная дилемма, какой путь развития – капиталистический или социалистический – по-настоящему современен [22, s. 165; цит. по: 17, с. 15]. Вообще влияние коммунистической идеологии на Западную Европу еще ждет своего исследователя. В этом контексте взгляд на коммунизм как на «незападный» тип насильственной модернизации заслуживает пристального внимания [17, с. 15–19].

Другим вариантом модернизационного мышления стала так называемая теория конвергенции, согласно которой передовые страны независимо от политической системы и этнокультурных различий движутся в развитии навстречу друг другу. Капиталистические страны движутся в сторону социального государства (к социализму), а социалистические страны вводят экономические механизмы регулирования хозяйственной жизни (и движутся к капитализму). Подобных идей с начала 1960-х гг. придерживался, например, академик А. Д. Сахаров, «отец» советской водородной бомбы.

Противостояние мировых систем – капиталистической и социалистической – с тех пор было переформулировано в различие методов рыночного и государственного регулирования. Актуальная ценность одного и другого зависит

от того, что нуждается в регулировании: экономическая эффективность или социальная справедливость.

С распадом «социалистического лагеря» термин «модернизация» зазвучал вновь и, как и ранее, подразумевал перестройку прежде всего экономических институтов общества. Компенсировать экономизм модернизационных концепций была призвана специальная дисциплина под названием «транзитология», цель которой в 1990-е гг. виделась в разработке критериев и рецептов по переходу так называемых посткоммунистических стран, возникших на развалинах СССР и социалистических государств Восточной Европы, к «нормальному» состоянию демократии, построению институтов гражданского общества и рыночной экономики. Очевидно, что эти процессы в разных странах идут с различным успехом, с различными скоростями и различными способами, так что разглядеть какую-то единую теорию модернизации не представляется возможным.

В целом концепции модернизации сохранили от классического периода идею направленности социальных изменений, однако утвердили их рукотворность, тем самым возложив ответственность за них на центры власти.

4.3. Модернизации современной России: нужно ли кого-то догонять?

В операциональном ключе модернизацию определяют как процесс создания современных «институтов и отношений, ценностей и норм». Но этого недостаточно. Чтобы новые социальные институты заработали органично, необходимы «изменения идентичности людей модернизирующегося общества» [17, с. 14]. Если между модернизацией и вестернизацией ставить знак равенства, то в переводе на русский литературный язык это означает, что российские «обломовы» должны стать «штольцами» – в этом букваль-

но заключается перемена идентичности, впитывание иных культурных ценностей и т.п.

Между тем ни у одного из переживших модернизацию народов не произошло полной смены идентичности (что подтверждает провидческую правоту Ф. Тенниса). Особенно ярко это проявилось на примере ряда азиатских стран. Сначала Япония, а затем и молодые «тигры» продемонстрировали возможность модернизации не только без изменения идентичности, но и без ломки традиционного социального института общины. Так, в годы послевоенной модернизации под контролем американских военных японская община явилась действенным проводником демократизации в отсутствие институтов гражданского общества и «разумно эгоистичных индивидов» [7]. В то же время в ряде развивающихся стран пытались скопировать западную идентичность и внедрить демократические институты взамен разрушаемых традиционных, но потерпели на этом пути неудачу.

Получается парадокс. С одной стороны, послушное копирование западных образцов не обязательно приводит к модернизации, а с другой – модернизация может происходить без либерализации общественной жизни. Этот парадокс ставит под сомнение базовый постулат теории модернизации о необходимом соответствии друг другу технологического производства, типа социальной организации и типа сознания (культуры) [23, с. 19–20]. Однако российский опыт показывает, что неолиберальные рецепты реформирования экономики без адекватной демократизации приводят к криминализации общества.

Так правомерно ли возникновение капиталистического производства среди традиционалистских обществ называть модернизацией?

Правомерно, если смысл модернизации усматривать в развитии капитализма, а точнее, в расширении границ

функционирования капитала. Основываясь на этой идее, В. Г. Федотова предлагает различать глубину проникновения модернизационных тенденций в социальные, политические, культурные, экономические институты [17, с. 26–27]. Такая постановка вопроса возможна потому, что функционирование капитала (в отличие от социалистической экономики) оказалось более адаптивным в различных социально-политических и культурных средах. Капитализм научился подключать к капиталистической экономике общественные структуры, в которых нет основ капитализма [17, с. 17].

**ФОРМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КАПИТАЛА
И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНУЮ СТРУКТУРУ
МОДЕРНИЗИРУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА**

Формы	Влияние на институциональную структуру общества
Колониализм	Традиционные институты не изменяются
Вестернизация	Изменяется культура (ценности), остальные институты консервируются или разрушаются
Догоняющая модернизация	Превращение в западную страну по всем институциональным параметрам
Постмодернизация	При стабильности экономических и культурных институтов трансформируются социальные и политические институты
Разнолинейное развитие	Нахождение собственного места в разделении труда

Предложенным формам модернизации соответствуют пять исторических этапов в развитии капитализма:

- 1) меркантилизм;
- 2) становление и расцвет капитализма (эпоха буржуазных революций);
- 3) первая промышленная революция;
- 4) вторая промышленная революция (эпоха крупного машинного производства);

5) научно-техническая революция [17, с. 4].

Данная схема позволяет поставить каверзный вопрос: по отношению к какому из этапов развития капитализма Россия хочет быть *со-временной*?

5. ТРАНСФОРМАЦИЯ БАЗОВОЙ МЕТАФОРЫ ОБЩЕСТВА: ОТ ВЕЩНОСТИ К ПОЛЮ

5.1. Переход от теорий социального прогресса к теориям социальных изменений

Всякая социологическая теория предлагает свой образ общества, используя определенный, присущий только этой теории концептуальный аппарат [3, с. 36–42, 102–111]. Разные теории как бы пронизывают поток происходящих событий лучами разной частоты, обнаруживают различные затемненные объекты и подыскивают им имена (термины). Разные теории с помощью своих понятий выхватывают из единого потока социальной действительности одни аспекты, но «не замечают» другие. Отсюда следует, что разные теории далеко не одинаково осмысливают общественные изменения, их пределы, механизмы и источники. За всеми этими различиями в осмыслении стоят базовые метафоры общества и модели объяснения, каждая из которых предполагает специфические стратегии диагностики социальных изменений и управления ими (улучшения общества).

Наиболее часто употребляемые в настоящее время термины изменения, трансформации и т.п., по сравнению с понятиями «прогресс» и «эволюция», имеют минимальную векторную нагрузку и, по-видимому, наилучшим образом соответствуют интеллектуальным течениям, провозглашающим наступление эпохи «высокого модерна» (Гидденс), или постмодерна (Лиотар, Бауман), и отказ от идеи прогресса. Обсуждается крайняя противоречивость обще-

ственного развития: уничтожение природной среды, негативные последствия чрезмерной урбанизации, появление социогенных заболеваний (например, аллергии как следствия употребления лекарств), опасное применение научных открытий, узкая профессионализация и многое другое.

Смена понятия прогресса понятием изменений предполагает ряд принципиальных «отказов» от ряда представлений, в частности, от идей:

- о необратимости и линейности социальных изменений;
- о наличии естественно-исторических законов развития общества, в соответствии с которыми все народы должны последовательно пройти в своем развитии все стадии и прийти к определенному конечному состоянию;
- о поступательности и однонаправленности прогресса, не допускающей представлений о разнонаправленности развития, о возможности сочетания позитивных эффектов с негативными;
- о моральном долженствовании членов общества не только соответствовать, но и способствовать прогрессивному развитию общества.

5.2. Организмическая метафора, или образ общества как «жесткой системы» структурного воспроизводства

Разработка организмической метафоры основоположниками социологии вдохновлялась стремлением к рациональному осмыслению общества и упорядочивающему управлению его развитием. Обуздать, направить в конструктивное русло разбуженные (или порожденные?) Великой французской революцией невменяемые общественные силы – вот сверхзадача социологии первого этапа, ибо «уже первое поколение французских социологов отказалось принимать предположение о том, что если оставить

свободную конкуренцию между индивидами неприкосновенной, то социальный порядок последует автоматически» [14, с. 42].

Прямое сравнение общества с биологическим организмом заставляло искать в трансформирующихся обществах постоянно обновляющуюся структуру, которая бы вместе с тем не претерпевала кардинальных изменений: чтобы на протяжении жизни организма число системообразующих элементов и качество системных взаимоотношений между ними, обеспечивающие жизненно важные функции, оставались в принципе неизменными, ибо нарушение воспроизводства прекратит существование организма.

Биологи изучали анатомию по окаменелостям и данным препарирования умерщвленных животных. Живое общество нельзя препарировать, а умершее общество не оставляет скелетов. Механистический подход к изучению строения организма требует его неподвижности. Именно технической невозможностью делать социологические «гербарии» можно объяснить постоянное недовыполнение анатомической программы социологии: до сих пор нет и не предвидится общепринятого учебника по анатомии (структуре) человеческих обществ, а всякое описание структуры отдельного эмпирически взятого общества вызывает бесконечные споры не только относительно самой структуры, но и относительно составляющих ее элементов (см., например, спор о наличии среднего класса в России [13]).

Является ли организмическая метафора изобретением общества модерна (капитализма)? Конечно, нет. Она обнаруживается еще в закрытых кастовых обществах, где управляющая каста ассоциировалась с головой, а низшие касты – с менее благородными органами и частями тела. При феодальном режиме люди наследовали положение в общественной структуре, что приводило, по мнению про-

возвестников буржуазных революций, к социальной несправедливости и неэффективности функционирования общественного организма. Революция смела сословную наследственность, и предполагалось, что структура промышленного общества будет не менее жесткой, но будет формироваться не по наследственному принципу, а в конкурентной борьбе, в процессе которой индивиды будут занимать подобающие им места в социальной структуре согласно их талантам и деятельной энергии. Система всеобщего образования проектировалась для того, чтобы обучать таланты необходимым навыкам. Остов (скелет) общества должен не только не исчезнуть, а стать еще крепче за счет более совершенных механизмов структурного воспроизводства, которое должно обеспечивать функциональную компетентность формирующих его на конкурентной основе клеток-индивидов.

Чем более отчетливо сравнение общества с организмом, тем больше вероятность появления в семантическом пространстве понятия «общества» конструктов, связанных с нормативностью (болезнь — здоровье), необходимостью функциональной подчиненности частей целому, направленностью изменений (развития). Эти и подобные им конструкты, в свою очередь, тесно связаны с оправданием поиска вредных для здоровья факторов и поощрением организованного насилия в отношении не соответствующих «здоровой норме» элементов.

Примерно с середины XX в. в социологическом осмыслении общества произошел переход от метафоры организма к метафоре поля, принципиально отличающейся от метафоры общества как «социального организма». Отход от органицизма можно как минимум интерпретировать двумя причинами.

Во-первых, изменилось само общество, и, что наиболее важно, общество изменило мнение о себе, о том, каким оно должно быть и какие задачи должно перед собой ставить. Открытые XX в. возможности мобилизации и организации целых наций на выполнение их «исторической миссии» ужаснули само общество.

Во-вторых, по мере того как теоретики спускались с высоты философических доктрин через теории среднего уровня к «самой жизни», обнаруживалось, что под «микроскопом» внимания «социальная материя» «исчезала» точно так же, как это делала физическая материя при открытии структуры атома и микромира [3, с. 8–30]. Организмическая метафора просто растворилась, и на ее место пришла метафора «мягкого» поля.

Р. Будон писал, что в «традиционных» обществах статус, как правило, наследуется, а в «современных» он скорее приобретается (достигается). Так, в большинстве «традиционных» обществ сын крестьянина наследует и обрабатывает отцовский участок; его обучение осуществляется в рамках семьи. Сын инженера, напротив, должен *завоевать* свой статус сначала путем получения одного из предлагаемых системой образования дипломов, а затем – поиском места работы, скорее всего, вдали от родных мест [5, с. 19].

В организмической концепции общества это означает, что в системе происходит плохо предсказуемое изменение качества отношений между элементами и между элементами и целой системой. Эти отношения перестают быть устойчивыми, а их изменения не поддаются четкому предсказанию, так как элементы самостоятельно, независимо ни от какого «центра», вступают в связи друг с другом, изменяя «физиологию» системы. Данный организм начинает перерождаться в совершенно другой.

С точки зрения организмической метафоры (пост)современное общество напоминает мутирующий организм, который даже нельзя отнести к какому-то определенному виду.

Метафора поля

Метафора поля, как и организмическая, заимствована у естествоиспытателей, только не биологов, а физиков. Электронное поле полно напряжений, сложных и меняющихся отношений между положительно и отрицательно заряженными потенциалами, причем его границы неустойчивы.

Польский социолог П. Штомпка именно так поясняет социальный смысл метафоры. Любая общность больше не рассматривается как жесткая система, а как «мягкое поле» взаимоотношений между индивидами, которые имеют собственные привязанности, ведут собственный образ жизни, составляют собственные сети взаимодействия. Современная общность современных индивидов «является специфической общественной средой, или тканью, соединяющей людей друг с другом». Поле межличностных взаимодействий, по сравнению с организмом и даже системой, гораздо более подвижно; оно легче подвержено изменениям, не имеет закрытых границ, может расширяться и сжиматься (например, когда одни входят в его пространство, а другие проникают в него).

Поле, пишет П. Штомпка, «усиливается и ослабляется (когда меняется качество взаимосвязей, например, от знакомства к дружбе), сгущается и распыляется (например, когда в нем возникает лидер или когда лидер уступает свои позиции), смешивается с остальными сегментами поля или дистанцируется от них (например, когда образуются коалиции и федерации или когда просто люди собираются вместе)».

В поле возникают «узлы», «комплексы», «сплетения социальных отношений», которые и есть общественные (социальные) группы, сообщества, организации, национальные государства. Эти группы и сообщества не схожи с материальными объектами, а скорее представляют собой «постоянные процессы группировки и перегруппировки», процессы «организации и реорганизации», «процессы структурирования, а не структуры; формирование, а не формы; изменчивые «фигуры», а не жесткие модели» [20, с. 27–28].

Преимущество новой метафоры заключается в том, что она позволяет безоценочно понимать и описывать происходящие процессы. «Всякое обращение к природе общества или к смыслу истории» становится неприемлемым [15, с. 16]. Вместо жестких общественных структур элементарной единицей социологического анализа становится событие, под которым понимается «любое моментальное состояние поля» [20, с. 28]. А сама история человечества и отдельных обществ перестает рассматриваться в качестве «естественной» и обретает собственно социальный облик.

Смене метафор в теории соответствует перемена в ощущениях повседневности, которую, используя строчки Б. Гребенщикова, можно выразить так: «страх, что мы хуже, чем можем» ушел вместе с «радостью того, что все – в надежных руках».

На наш взгляд, теперь мы немного лучше вооружены для того, чтобы рассматривать, какую позицию в новом теоретическом (и повседневном) контексте занимает тот или иной автор по тем же самым вопросам:

- 1) придерживается ли он оптимистического или пессимистического взгляда на будущее человечества или отдельного общества;

- 2) как высоко он оценивает возможности человеческого разума предвосхищать, каковы последствия действий со-

циальных акторов (индивидов, коллективов, институций) для общественного целого;

3) верит ли он в детерминированность или свободу воли социальных акторов;

4) настаивает ли он на преемственности или разрыве с предыдущим состоянием общества.

Библиографический список

1. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.
2. Баранов А.В. Цивилизационный подход в политических исследованиях // Человек. Сообщество. Управление. 2002. № 1.
3. Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований. М., 1995.
4. Бергер П. Капиталистическая революция: 50 тезисов о процветании, равенстве и свободе. М., 1994.
5. Будон Р. Место беспорядка / Пер. с фр. М.М. Кириченко. М., 1998.
6. История теоретической социологии: В 5 т. М., 1997. Т. 2.
7. Китахара А. Реальность и идеальный образ общины (Япония и Тайланд) // Философские науки. 1996. № 1–6.
8. Миллс Ч.Р. Социологическое воображение / Пер. с англ. О. А. Оберемко. М., 1998.
9. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Пер. В. Сапова. СПб, 2000.
10. Спенсер Г. Опыт научные, политические и философские. Минск, 1998.
11. Спенсер Г. Основные начала. СПб., 1899.
12. Спенсер Г. Социология как предмет изучения. СПб., 1896.
13. Средний класс в современном российском обществе. М., 1999.
14. Тернер Дж. Структура социологической теории. М., 1985.
15. Турен А. Возвращение человека действующего: Очерк социологии. М., 1998.
16. Тюрго А.Р. Избранные философские произведения. М., 1937.
17. Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. 2000. № 4.
18. Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Дialeктика просвещения: Философские фрагменты. М.; СПб., 1997.
19. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социс. 2001. № 1.
20. Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. Под ред. проф. В.А. Ядова. М., 1996.
21. Энциклопедический социологический словарь. М., 1995.

22. Alexander J. C. Modern, Anti, Post and Neo: How Social Theories Have Tried to Understand the «New World» of «Our Time» // Zeitschrift fuer Soziologie. 1994. Jg. 23. Heft. 3.

23. Berger P., Berger B., Kellner H. The Homeless Mind. Modernization and Consciousness. N.Y., 1971.

24. Crook S., Pakulski J., Waters M. Postmodernization: Change in Advanced Society. L. et al., 1994.

25. Lasch Ch. The Truly and Only Heaven. N.Y., 1991.

26. Nisbet R. The History of the Idea of Progress. N.Y., 1980.

КОПИЛКА МУДРЫХ МЫСЛЕЙ

*Всякий раз мы смотрим на вещи
не только с другой стороны, но и другими глазами –
поэтому и считаем, что они переменились.*
Блез Паскаль

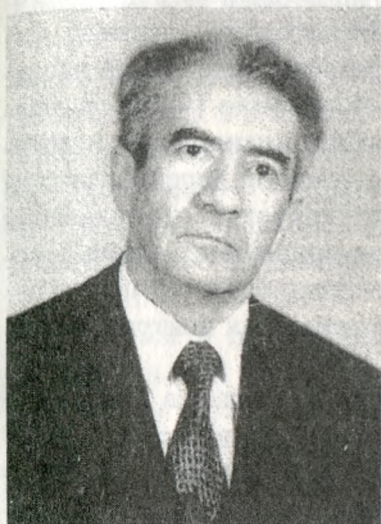
*Теории первого класса предсказывают,
теории второго класса налагают запреты,
теории третьего класса дают объяснения
задним числом.*
А. Китайгородский

*Вечная трагедия науки: уродливые факты
убивают красивые гипотезы.*
Томас Гексли

*Истина обычно лежит посредине.
Чаще всего без надгробия.*
Станислав Ежи Лец

С ЮБИЛЕЕМ!

Ованесу Гайковичу
Кукосяну – 80 лет

ЮБИЛЕЙ

Ованесу Гайковичу Кукосяну –

80 лет

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ

ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

О. Г. Кукосян

Внимательный, вдумчивый взгляд, спокойный, но убедительный голос. Энергичность, организованность, сочетающиеся с чуткостью и терпимостью к окружающим, увлеченность новыми творческими планами, способность заражать оптимизмом и энергией коллег. Перед нами портрет идеального профессионала, руководителя, ученого. Но всеми этими качествами обладает совершенно реальный, замечательный, скромный человек – Ованес Гайкович Кукосян, доктор психологических наук, профессор, академик Международной академии наук высшей школы, почетный академик Международной психологической академии, заслуженный деятель науки Кубани, заслуженный профессор Кубанского государственного университета.

Профессиональная судьба Ованеса Гайковича нераз-

рывно ассоциируется с новыми, на первый взгляд утопичными проектами, которые оказываются, как правило, успешными и перспективными на многие годы. Так, в послевоенной Раевской сельской школе, в конце 1940-х гг. появились новые предметы в расписании: психология и логика. Их вел для старшеклассников молодой директор школы О. Г. Кукосян. В 1990-е гг. этот «проект» преподавания психологии в средней школе был воплощен в жизнь многочисленными учениками и последователями Ованеса Гайковича как в Краснодаре, так и в районных центрах, станциях края.

А уже с 1964 г. Ованес Гайкович преподает в Краснодарском пединституте (ныне Кубанский госуниверситет), является деканом факультета ХТГ. В 1966 г. защищает кандидатскую диссертацию. В 1974 г. вновь новый проект – восстановление кафедры психологии, которой Кукосян руководил до 1990 г. За этот небольшой период времени по инициативе О. Г. Кукосяна, начиная с 1977 г., были организованы и проведены всесоюзные, республиканские и региональные конференции по проблемам психологической науки, изданы сборники научных работ и материалы конференций.

В 1982 г. Ованес Гайкович защитил докторскую диссертацию, и его монография «Профессиональные особенности познания людьми друг друга» вызвала большой интерес у специалистов в нашей стране и за рубежом. Кроме того, он активно поддерживал научную деятельность кафедры психологии, руководил диссертационными работами.

С 1990 г. О. Г. Кукосян занимается проблемами дополнительного профессионального образования: возглавляет спецфакультет по переподготовке практических психологов.

В 1990-е гг. актуализировался интерес психологов к новым возможностям человека, необходимости изменения его отношения к профессиональной деятельности, обуче-

нию и переподготовке взрослых. И в 70 с лишним лет Ованес Гайкович становится директором Межотраслевого регионального центра повышения квалификации и переподготовки кадров при КубГУ, в котором реализуются достижения науки андрагогики и педагогики обучения взрослых, внедряющиеся в практику работы образовательных учреждений региональной системы дополнительного образования взрослых. В Кубанском государственном университете О. Г. Кукосян является одним из ведущих деятелей Всероссийской общественной организации «Дополнительное образование взрослых», председателем научно-методического совета по проблемам дополнительного образования взрослых. В настоящее время его деятельность связана с развитием образования взрослых на уровне региональной системы, на федеральном уровне. Кроме того, он возглавляет редколлегии двух ежегодно издаваемых сборников научных статей «Образование взрослых» и «Психологические проблемы самореализации личности».

Сегодня в Кубанском государственном университете ведется подготовка квалифицированных специалистов-психологов, О. Г. Кукосян оказывает большую помощь молодым ученым и как научный руководитель, и как председатель диссертационного совета КубГУ по защите докторских и кандидатских диссертаций по психологии и педагогике. Он является научным руководителем более 20 кандидатских диссертаций. А значит, еще один проект – развитие психологии на Кубани и подготовка специалистов-психологов – реализован.

И это далеко не все события творческой биографии О. Г. Кукосяна, которые с трудом умещаются в календарные отрезки времени: 40 лет научной деятельности; 60 лет трудового стажа; 80 лет молодости и фантастической работоспособности.

С этими юбилейными датами поздравляют Ованеса Гайковича многие его ученики, коллеги и поклонники и желают ему оставаться таким же энергичным, молодым, жизнерадостным, удивлять, радовать новыми перспективными и неожиданными проектами еще многих и многих жаждущих познания людей.

*Кафедра психологии личности и общей психологии
Кафедра социальной психологии и социологии управления
Кафедра педагогики*

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

О. Г. Кукосян

Одной из особенностей наступающего XXI в. является становление информационного общества. Объем всякого рода информации нарастает буквально ежедневно, как снежный ком.

Любой вид деятельности, в том числе и жизнедеятельность, становится возможным и эффективным только при условии овладения соответствующим объемом новой информации. Парадокс заключается в том, что новая информация одновременно быстро накапливается, точно так же и быстро устаревает. Подобное явление требует постоянного обновления, дополнения, а иногда и пересмотра имеющихся знаний.

Таким образом, непрерывное образование, или же образование на протяжении всей жизни, стало потребностью для каждого человека. Эта потребность из года в год будет усиливаться. Для ее удовлетворения необходимо интенсивное развитие дополнительного образования взрослых. Речь идет об образовании тех, кто уже в свое время окон-

чил общеобразовательную школу или же получил начальное, среднее или высшее профессиональное образование, даже послевузовское. Всех взрослых как потенциальных обучающихся условно следует делить на три группы. Одну из них составляют работающие специалисты и руководители разного ранга. Говоря о необходимости их дальнейшего образования, мы имеем в виду повышение их профессиональной квалификации. Постоянное и дальнейшее усиление конкурентности в различных сферах деятельности требует обеспечения для любого работника конкурентоспособности. Это, в свою очередь, требует систематического повышения уровня профессиональной компетентности, что обеспечит возможность непрерывной учебы в условиях постоянного роста новой информации. Вот почему установлен порядок, когда каждый специалист и руководитель обязан раз в пять лет пройти повышение квалификации. Опыт показывает, что нарастание объема новой информации уже требует пересмотра этого правила, перехода чуть ли не к ежегодному обновлению и дополнению имеющихся профессиональных знаний, как это принято на Западе.

Вторую группу составляют взрослые люди, тоже специалисты и руководители, но пенсионного возраста, которые по разным причинам оказались безработными. К их числу относятся и военнослужащие, уволенные или увольняющиеся в запас. Перед ними стоит другая задача – профессиональная переподготовка. Прежняя профессия, специальность, квалификация оказались на рынке труда невостребованными. Необходима их замена. Это возможно, если пройти за короткое время, на базе прежнего профессионального образования (среднего специального, высшего, военного), профессиональную переподготовку и получить новую квалификацию, право ведения нового вида трудовой или руководящей деятельности.

Третью группу взрослых, которые также нуждаются в дополнительном образовании, составляют люди пенсионного возраста, пенсионеры, ушедшие на заслуженный отдых. Их потребность в продолжении образования объясняется рядом причин. Во-первых, дальнейшее развитие рыночных отношений, становление правового государства, формирование демократических начал общественного строя требуют от пенсионеров новых знаний, которых у них в прошлом не было. Во-вторых, благодаря общему интеллектуальному развитию общества подавляющее большинство пожилых людей появившееся свободное время желают использовать более эффективно. Не имея в прошлом, в годы активной трудовой деятельности, возможностей удовлетворить свои духовные потребности, они стараются восполнить свои знания в области истории, культуры, религии и в других областях. В-третьих, заметно повысилась активность пожилых людей в общественно-политической жизни страны, что требует от них более глубоких всесторонних знаний.

Таким образом, говоря об образовании взрослых, мы видим два основных направления его осуществления. Первое из них – учеба специалистов и руководителей, работающих или оставшихся без работы, основная цель учебы которых – стремление повысить уровень профессиональной компетентности или переквалификация. Второе направление – учеба пенсионеров, неработающих пожилых людей, целью обучения которых является повышение функциональной грамотности.

Следует заметить, что разделение указанных направлений образования взрослых по целям обучения носит условный характер. Дело в том, что работающие или оставшиеся без работы взрослые до пенсионного возраста нуждаются не только в повышении уровня профессиональной компе-

тенции или в профессиональной переподготовке, но и в повышении функциональной грамотности. Точно так же пожилые люди, ушедшие на пенсию, нуждаются и в повышении функциональной грамотности, и в определенной степени в повышении уровня профессиональной компетентности. В жизни каждого человека приоритеты этих направлений дополнительного образования по разным причинам могут меняться.

В данной работе речь будет идти о третьей группе взрослых, которых в ряде публикаций или в официальных документах называют пожилыми людьми, или людьми третьего возраста. Речь идет о сравнительно большом количестве людей. По прогнозам ООН, рост численности этой группы будет увеличиваться на 54 %, в то время как общий прирост населения составит лишь 29 %. К 2025 г. при общей численности народонаселения 8,5 млрд человек перешагнет шестидесятилетний рубеж. В среднем доля пожилых людей в общем количестве населения составляет 20%. Таким образом, когда мы говорим о проблемах обучения пожилых людей, то речь идет о довольно большом их количестве.

Формирующееся информационное общество предъявляет новые повышенные объективные требования к нашей жизнедеятельности. Эти требования очень образно характеризовал один из крупнейших теоретиков и практиков образования взрослых, американский ученый Нолз. Он сказал, что главной сегодняшней задачей стало производство компетентных людей – таких людей, которые были бы способны применять свои знания в изменяющихся условиях и чья основная компетенция заключалась бы в умении включаться в постоянное самообучение на протяжении всей жизни.

И, действительно, мы являемся очевидцами того, как все большее число взрослых людей стремится разрешить свои жизненно важные проблемы с помощью обучения. В сознании широких масс постепенно укореняется мысль, что учиться необходимо, чтобы существовать. Само бытие человека должно быть связано с обучением. Только тогда человек в состоянии стать подлинным и цельным человеком. Обучение как способ жизнедеятельности становится для большого числа людей императивом времени, а человек – существом обучающимся.

В настоящее время повседневно можно видеть пожилых людей в числе студентов, аспирантов высших, средних учебных заведений. Многие выбирают предметы по интересам, например, право, историю, географию, иностранный язык, компьютер и др. Только в Университете имени Гете (Франкфурт-на-Майне) в одном учебном году занятия посещали 1538 пожилых людей, самому старшему из которых было 93 года. О студенческих годах своей молодости они вспоминают с ужасом. По их выражению, только в настоящее время они чувствуют себя свободными от страха и принуждения, теперь учеба в университете – одно удовольствие. Да и преподаватели их выделяют из всех студентов. Они приходят на занятия добровольно, отличаются вежливостью и сосредоточенностью.

Масштабы обучения взрослых начали интенсивно расширяться во второй половине XX в. К указанному времени стало очевидно, что образование взрослых как по целям, содержанию, так и по формам и методам обучения отличается от образования школьного и даже вузовского. Возник ряд специфических вопросов, на которые школьная и вузовская педагогика не в состоянии были ответить. Нужна была специальная педагогическая наука, которая на основании тщательного анализа объективной действительности.

связанной с образованием взрослых людей, ответила бы на вопросы, относящиеся к этим процессам. Этого требовал и общий вывод о месте образования в жизни человека: не образование на всю жизнь, а образование в течение всей жизни.

Все это привело к необходимости выделения образования взрослых в самостоятельную сферу научных исследований. В течение второй половины XX столетия стала формироваться самостоятельная наука обучения взрослых – андрагогика. В первых же исследованиях по андрагогике было отмечено, что обучение взрослых имеет свои качественные особенности. У них особые мотивы учения. Образование взрослых зависит от их запросов, играет большую роль в повышении их профессиональной и функциональной компетентности. Обращалось внимание и на специфические методы и формы обучения взрослых.

Особое место в исследованиях по андрагогике занимала характеристика роли преподавателя в процессе обучения взрослых. Впервые отмечался ряд особенностей в его деятельности: взаимная заинтересованность в достижении учебных результатов, ориентация на самостоятельность слушателей в учебном процессе, проявление уважительного отношения преподавателя к мнению слушателей и др. Рассматривались и такие проблемы образования взрослых, как место чтения, значимость учебного материала, учебных пособий и книг для взрослых.

По мере формирования андрагогики как самостоятельной науки начали появляться первые кафедры педагогики взрослых, научно-исследовательские институты взрослых. В обиход вошло такое понятие, как «непрерывное образование», образование взрослых рассматривалось как подсистема непрерывного образования. По линии ЮНЕСКО стали проводиться международные конференции по обра-

зованию взрослых. Их было создано за истекшее время пять: первая – в 1949 г. в Дании, вторая – в 1960 г. в Канаде, третья – в 1972 г. в Японии, четвертая – в 1985 г. во Франции и пятая – в 1997 г. в Германии.

В эти же годы окончательно сформировались и цели образования взрослых: компенсация недостатков общего образования, постоянная адаптация индивидуума к изменяющемуся миру, непрерывное развитие творческого потенциала личности. А позже реализовалось систематическое повышение квалификации, а также профессиональная переподготовка. В дальнейшем образование взрослых начали рассматривать уже не как процесс развития индивида в соответствии с его личными потребностями, а как озабоченность общества по созданию гибкой и обширной системы, обеспечивающей взрослым систематическое обновление и переосмысление знаний, возможность активного творчества.

Система образования рассматривалась как целостная образовательная система общества. Образование уже не трактовалось как подготовка к жизни. Оно само становилось жизнью. Основными принципами непрерывного образования являются его целостность, многоструктурность, преемственность, интегративность.

В проводимых исследованиях отмечалась специфичность отношения взрослых к образованию. Подчеркивалась большая значимость в процессе обучения способностей и интересов взрослого человека, чем в прежних подсистемах образования. Это объяснялось тем, что образование для взрослых становилось составной частью в более широком контексте их жизнедеятельности. Отсюда и особая роль мотивации их учения. В одних случаях мотивы были связаны с трудовой деятельностью (повышение квалификации, профессиональная переподготовка), а в других – с ре-

шением проблем жизненного самоопределения (социальных, нравственных, религиозных, бытовых и др.).

Очевидно различие между педагогической и андрагогической моделью, особенно в технологии обучения. В педагогической модели цели, содержание, результаты обучения определяются государственными стандартами, типовыми учебными планами и программами, учебниками и учебными пособиями, утвержденными государственными органами управления. Обучающийся в этих условиях целиком зависит от преподавателя, который, руководствуясь указанными нормативными документами, определяет, что и как должно быть изучено. В учебном процессе опыт обучающегося играет весьма незначительную роль. Определяющим оказывается опыт автора учебника и самого преподавателя. Отсюда и основными видами технологии обучения, источниками информации, как для школьников, так и для студентов, оказываются уроки, лекции, учебная литература.

В андрагогической модели взрослый обучающийся, испытывающий потребность в самостоятельности, играет ведущую роль в процессе своего обучения. Его жизненный, социальный, профессиональный опыт используется как источник обучения, причем не только для себя, но и для других. Задача преподавателя заключается в основном в оказании помощи обучающемуся в процессе обучения. Соответственно и в технологии обучения основными видами обучения становятся: деловые игры, решение конкретных задач, дискуссии, разбор конкретных ситуаций, практические занятия. Вопрос об установлении государственного стандарта в обучении взрослых заслуживает внимания в той части, где говорится о минимуме дополнительных знаний в конкретной области, которым должен овладеть специалист или руководитель, повышающий свою квалификацию или функциональную грамотность. В то же время, со-

гласно действующим нормативным документам, в разработке учебного плана и образовательных программ активное участие имеют право принимать сами слушатели.

В педагогической модели необходимость обучения определяется внешними причинами. Общество нуждается в грамотных гражданах. Оно обязывает каждого иметь среднее общее образование. С развитием общества встает задача обязательного высшего образования. Обучающийся вынужден, чтобы найти свое место в жизни, подчиняться и этому требованию, учить одни и те же предметы, по одним и тем же учебным планам и программам, в одних и тех же типовых образовательных учреждениях. При этом органы управления образования строго контролируют точное выполнение установленных государственных стандартов, хотя вариативность при этом допускается.

В андрагогической модели обучающийся взрослый прежде всего руководствуется собственными потребностями, сам выбирает соответствующее образовательное учреждение, принимает непосредственное участие в определении содержания своего обучения, основным назначением которого оказывается желание обучающегося решать свои конкретные задачи – профессиональные, бытовые, жизненные.

В педагогической модели обучающийся ориентируется на приобретение знаний, которые ему пригодятся в будущем. В андрагогической модели обучающийся стремится получить те знания, которые он может применить немедленно. Они нужны ему, чтобы повысить уровень своей профессиональной компетентности, функциональную грамотность. Таким образом, образовательные программы для взрослых разнообразны и не сводятся к строго очерченным дисциплинам. Классические способы обучения, заимствованные из школьно-вузовской практики, как правило, не радуют взрослого, который почти всегда хочет учиться не

тому, чему его хотят учить, а тому, чему сам хочет учиться. Это нормальное явление. Взрослый человек учится, преследуя конкретные цели. Если он до пенсионного возраста работает или хочет устроиться на работу по прежней специальности, но не может, так как она не востребована на рынке труда, он учится, чтобы обеспечить высокий уровень своей профессиональной компетентности путем повышения квалификации, либо чтобы овладеть новой специальностью, квалификацией путем профессиональной переподготовки или получения второго высшего образования. Пенсионер не ставит перед собой целей, связанных с профессиональной деятельностью. Он желает почерпнуть знания из различных областей, поскольку это необходимо для самоориентации, для более успешного решения жизненных проблем во все усложняющемся мире. При этом он руководствуется известной истиной, что чем образованнее человек, тем ему легче решать любые проблемы.

Как справедливо отмечают исследователи, образование взрослых — сфера компромиссов. Неравномерность и неоднозначность развития личности в разные периоды жизни, специфика жизненного и профессионального опыта, разные уровни образования, разнонаправленные интересы и жизненные планы, особенности психического склада, способность к психологической и физической выносливости, различия в мировоззрениях, в убеждениях, сформированных в жизненном, профессиональном, социальном, учебном опыте, определяют взаимоотношения взрослого человека с институтом образования.

В начале XXI в. концепция образования на протяжении всей жизни приобретает ключевое значение. Она выходит за рамки традиционного различия между первоначальным и непрерывным образованием. Она является ответом на вызов, который бросает нам мир, где изменения происходят очень

быстро. Международная комиссия по образованию для XXI в., созданная ЮНЕСКО, не случайно уделила особое внимание четырем основополагающим принципам образования: научиться жить вместе, научиться приобретать знания, научиться работать, научиться жить в новых условиях.

Комиссия рассмотрела и проблему создания образовательного сообщества, основанного на приобретении, актуализации и использовании знаний. Именно на эти три функции следует обратить особое внимание в ходе обучения в эпоху развития информационного общества. Образование должно дать возможность каждому воспользоваться имеющейся информацией. Образование должно адаптироваться к изменениям в обществе, передавая при этом всем, в том числе и взрослым, достижения, основные знания, плоды человеческого опыта.

Многообразие образовательных ситуаций и потребностей взрослых людей в освоении новых знаний соответствует такое же многообразие способов их удовлетворения, многочисленность источников информации. Новые знания, которые взрослый человек получает в ходе непрерывного образования, включаются в знания, полученные в прошлом. В совокупности они представляют качественно иной уровень образования взрослого человека. Многое зависит от того, как эти новые знания будут восприниматься человеком, какое место они займут в общей структуре его знаний, как они будут реализованы в сочетании со старыми и т.д. Как видим, вопрос о взаимодействии старых и новых знаний в обучении пожилых людей представляет собой одну из сложных и важных психолого-педагогических проблем.

Таким образом, основной сложностью и особенностью профессиональной переподготовки взрослых, особенно пожилых людей, является наличие уже имеющихся и за-

крепленных в профессиональной деятельности знаний, умений, навыков, а главное – профессионально ценных личностных качеств. Формирование новых психологических стереотипов у пожилого человека возможно только через большое внутренне усилие. С психологической точки зрения некоторые исследователи выделяют четыре составные части, определяющие эффективность процесса обучения взрослых: характеристики прежней профессиональной деятельности, психологические особенности обучающегося, способы взаимодействия с ним и методы обучения, психологические особенности педагогического воздействия педагога.

Направленность и уровень познавательной активности пожилых людей обусловлены прежде всего его мотивационно-потребностной сферой. Заинтересованность в знаниях и способах практического действия, положительное эмоциональное отношение к занятиям, стремление к успешному обучению зависят в первую очередь от системы побуждений взрослого, тех познавательных и профессиональных мотивов, которые определяют его желание учиться дальше. Следует заметить, что у одного и того же человека мотивы учения могут быть разные: социальные, профессиональные, познавательные и др.

В целом следует отметить многочисленные и разнообразные проблемы пожилых и старых людей, к которым в последние годы проявляет большой интерес научная общественность. В этом отношении имеются определенные трудности. С одной стороны, существуют представления о пожилом возрасте, старости как важном этапе жизненного пути личности, характеризующемся особыми противоречиями и задачами. Этот возрастной период осмысливается как особый этап жизни человека, имеющий собственный смысл, задачи и ценности. С другой стороны, пожилой

возраст, старение рассматриваются как период спада, потеря, регрессии. Налицо значительный разрыв между обозначенными направлениями в понимании пожилого возраста как особого периода жизни человека. В определенной мере это вызвано объективно существенными различиями между краткими типами, вариантами психического старения. Проблема адаптации пожилых людей должна решаться таким образом, чтобы на уровне общественного сознания сформировалось реально подкрепленное мнение о том, что о пожилых людях заботятся, что они сами управляют своей жизнью, сохраняют интерес к ней, ведут довольно активный образ жизни, а не приспосабливаются к ней. Достижение психологического благополучия может задержать процесс разрушения личности пожилого человека и помочь стабилизации общества.

ЖИЗНЬ ФАКУЛЬТЕТА

Ученые факультета стали активными участниками программы «Глобальные партнеры. Диалог без границ». 12 профессоров, представляющих ассоциации колледжей Среднего Запада, Великих Озер и Юга США, в течение недели знакомились с Краснодарским краем. В качестве партнеров с российской стороны выступили, наряду с другими представителями КубГУ, профессора Ю. В. Филиппов и Е. В. Морозова, доцент И. В. Самаркина.

Установлены научные контакты с директором Института сельских проблем штата Иллинойс Норманном Уолцером и профессором Вильямом Урбаном, профессором политологии и международных отношений Барбарой Велинг Холл.

**ЧЕЛОВЕК
В МИРЕ**

КАК МЫ
ВОСПРИНИМАЕМ
ШРИФТ ГАЗЕТНОГО
ЗАГОЛОВКА:
ПСИХОСЕМАНТИКА
ЧИТАТЕЛЬСКОГО
ВПЕЧАТЛЕНИЯ
А. А. Лузаков

АНТОНИМИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ
СЕМАНТИЧЕСКОГО
ПРОСТРАНСТВА
«МЫ-ОНИ»
О. Оберемко,
С. Прончихина

КАК МЫ ВОСПРИНИМАЕМ ШРИФТ ГАЗЕТНОГО ЗАГОЛОВКА: ПСИХОСЕМАНТИКА ЧИТАТЕЛЬСКОГО ВПЕЧАТЛЕНИЯ

А. А. Лузаков

В связи с увеличением количества печатных изданий и повышением их конкуренции проблема создания узнаваемого и гармоничного образа газеты или журнала приобрела для издателей особую актуальность. Выразить во внешней форме содержательную сторону издания или конкретного материала – задача не из легких, и ее решение часто приобретает характер проб и ошибок. Немалую роль играет шрифт, которым набраны заголовки. Бывает, что верстка полосы по композиционному и оформительскому критериям выполнена верно [4; 5; 8; 9], но почему-то оставляет у читателя не то впечатление, на которое рассчитывала редакция. Специалисты, занимающиеся версткой, как правило, полагаются на свои субъективные предпочтения, а не на знание закономерностей визуального восприятия. Между тем в психологии имеется немало полезных для практиков данных (см., например [1; 2; 6]). Существование особой визуальной семантики (термин Е. Ю. Артемьевой [2]) позволяет понять, почему форма изображения, к каковой относится и шрифт, может вызывать особые субъективные переживания и ассоциации, не связанные с содержанием слов, «изображае-

мых» этим шрифтом, или даже противоречащие такому содержанию. Необходимо знать реальные познавательные стратегии читателя, которые задействованы при восприятии данного аспекта газетного образа. В этой связи интересно, насколько совпадают интуитивные представления о визуальной семантике шрифтов, имеющиеся у профессионалов-дизайнеров и специалистов по верстке, с теми впечатлениями, которые вызывают различные шрифты у обычных читателей. Психосемантика [6; 7] и субъективная семантика [2] располагают соответствующими методическими средствами для решения подобных задач. Данные психосемантического исследования могут быть хорошим подспорьем профессиональному чутью и вкусу дизайнеров газет. Некоторые методологические основания психосемантических методов, но в связи с иной проблемой, ранее уже рассматривались нами на страницах этого журнала [3].

Обсуждаемое здесь исследование проводилось с целью выявления категориальной структуры восприятия и оценивания заголовочных шрифтов как элемента газетной формы, а также построения эмпирически обоснованного варианта «семантического дифференциала», предназначенного именно для оценки шрифтов.

Первый этап был проведен в 1997 г. совместно с А. В. Васик, которой автор выражает свою благодарность. Тогда в исследовании приняли участие студенты университета, обучающиеся по гуманитарным специальностям, мужчины и женщины, всего 32 человека в возрасте 19–23 лет. Позже, в 2001 г., та же схема исследования с тем же стимульным материалом была использована с другой студенческой выборкой (28 человек). Итоги оказались в целом сходными, что позволяет говорить о надежности результатов первого исследования, которые здесь и приводятся. Респондентам предъявлялись 10 карточек с образцами

шрифтов различных гарнитур. Все образцы были представлены нейтральной надписью-заголовком «Дни греческой культуры в Краснодаре» и набраны буквами одинакового 55-го кегля. Шрифты предварительно были отобраны экспертом, имеющим опыт газетной верстки, из трех типов: 1) латинские шрифты: Baltica, Times New Roman, Mysl; 2) рубленые шрифты: Pragmatica, NT Avanty, Futuris Extra; 3) декоративные шрифты: Skazka ForSerge, New Zelek, Inform, Advergotic. Предполагалось, что эта давно сложившаяся в среде оформителей типология шрифтов так или иначе отражает визуальную семантику, приписываемую профессионалами разным шрифтам.

Испытуемые оценивали каждый шрифт по 30 биполярным семипунктовым шкалам. Использовались антонимы из перечня частотных прилагательных «осгудовского» типа [6]. Полученные индивидуальные результаты суммировались в итоговую матрицу размером 30×10 . На ее основе строилась матрица корреляций шкал между собой, которая затем подвергалась процедуре факторного анализа методом главных компонент с последующим варимакс-вращением факторов. Удовлетворительным признано решение, в котором выделены четыре относительно независимых фактора. Они объясняют 90 % общей дисперсии матрицы, т. е. полно отражают вариацию первичных данных. В содержательном смысле они являются основными субъективными «мерками», категориями, которые респонденты используют при восприятии и оценивании шрифтов. «Вес» каждого фактора, отражающий его значимость в сознании респондентов, указывается в процентах от объясняемой дисперсии. Для того чтобы обосновать психологическую интерпретацию полученных факторов-категорий, укажем конкретные шкалы-признаки, составляющие тот или иной фактор. Полнота изложения необходима еще и для того,

чтобы полученный нами вариант семантического дифференциала мог использоваться заинтересованными исследователями при решении подобных задач.

По первому, самому мощному фактору (67,7 %) доминирующие нагрузки имеют следующие шкалы, приводимые в порядке убывания веса факторной нагрузки:

1) 0,92, массивный–миниатюрный; 2) 0,90, большой–маленький; 3) 0,89, тяжелый–легкий; 4) 0,85, твердый–мягкий; 5) –0,83, нежный–грубый; 6) 0,78, сильный–слабый; 7) 0,78, прочный–непрочный; 8) –0,77, гибкий–жесткий; 9) –0,66, веселый–мрачный; 10) –0,66, красивый–некрасивый; 11) –0,64, приятный–неприятный; 12) –0,60, изящный–неуклюжий; 13) –0,58, теплый–холодный.

Знак факторной нагрузки показывает, левый или правый полюс шкалы коррелирует с данным фактором.

Первые девять шкал здесь соответствуют классическому осгудовскому фактору «Сила» [10]. Оставшиеся шкалы несут эмоционально-оценочную нагрузку. Сплетение в едином факторе признаков «силы» и эмоциональной окраски в данном случае отражает специфику предмета восприятия. Мы назвали этот фактор «Приятная легкость–мрачная тяжесть». Здесь, как и в других подобных случаях, название фактора не отражает всех оттенков смыслового содержания, которое открывается только при знакомстве со всеми представляющими фактор шкалами.

По оценкам респондентов, наиболее контрастными по этому фактору оказались декоративные шрифты *Skazka*, *Inform* (наиболее «легкие») и рубленые *Futuris* и *Pragmatica* (наиболее «тяжелые»). Латинские шрифты занимают средние позиции между «легкими» и «тяжелыми».

Во второй фактор (16,3 %) с максимальной нагрузкой вошли следующие шкалы:

1) $-0,97$, сложный–простой; 2) $-0,92$, необычный–обычный; 3) $0,92$, скромный–вычурный; 4) $0,85$, типичный–уникальный; 5) $0,78$, упорядоченный–беспорядочный; 6) $0,78$, однородный–прерывистый; 7) $0,71$, ограниченный–бесконечный; 8) $-0,71$, интересный–скучный; 9) $0,67$, правильный–ошибочный; 10) $-0,67$, новый–старый; 11) $-0,66$, яркий–тусклый; 12) $0,58$, серьезный–смешной.

Этот фактор можно интерпретировать как «необычность–обычность, простота». Отметим, что и эта категория восприятия не свободна от эмоциональной оценочности (например, признаки «интересный–скучный», «яркий–тусклый» и т.п.). Кроме того, здесь заметна определенная противоречивость оценочной составляющей, что нередко присуще обыденному сознанию. Сложность, необычность шрифта ассоциируются с интересностью, новизной, яркостью, с чем-то веселым, но в то же время – с ошибочностью (как неправильностью, ненормативностью) и беспорядочностью. А простой, обычный, серьезный и правильный шрифт одновременно видится как скучный, старый и ограниченный. Этот фактор восприятия напоминает известный «эффект карнавала», когда ненормативность и неупорядоченность вдруг на время становится одобряемой, а все нормативное и правильное считается неуместным. Поэтому позитивный полюс фактора можно точнее определить как «карнавальную необычность».

По факторной оценке бесспорным лидером здесь стал декоративный шрифт Skazka с замысловатым рисунком. Оставшиеся три декоративных шрифта также оказались в лидирующей группе. Противоположны декоративным рубленые шрифты, они находятся в семантической области «обычного».

Дала о себе знать существующая корреляция между первым и вторым фактором (алгоритм варимакс-вращения ори-

ентирован на минимизацию связи между факторами, но это далеко не всегда оправдано, так как в сознании может действительно существовать взаимосвязь разных «мерок» восприятия): шрифты «тяжелые» (первый фактор), как правило, не воспринимаются как необычные (второй фактор).

В третий фактор (10,8 %) вошли следующие шкалы:

1) –0,84, хороший–плохой; 2) –0,67, привлекательный–отталкивающий; 3) –0,63, теплый–холодный; 4) –0,58, приятный–неприятный; 5) –0,53, веселый–мрачный.

Этот фактор состоит полностью из шкал осгудовского базисного фактора «Оценка» [7; 10]. В данном случае это – собственно эмоциональное впечатление от шрифта, так сказать, «чистая» оценка, не связанная с какими-то конкретными предметными свойствами объекта, как это было, например, в первом факторе («приятная легкость–мрачная тяжесть»). Вызывает интерес то, что фактор «чистой» оценки здесь выделился наряду с другим, тоже весьма оценочным фактором, хотя и занимает при этом подчиненное место. Какие функции может выполнять эта субъективная мерка и в каких случаях она актуализируется? Возможно, в тех, когда сознание не успевает запечатлеть какие-либо конкретные свойства объекта (шрифта) и увязать с ними возникшее отношение, например, при беглом взгляде на страницу незнакомой газеты. Еще раз продемонстрирована реальность универсального семантического пространства Ч. Осгуда, но в то же время и его зависимость от специфики объектов шкалирования и способность к бесконечным метаморфозам в конкретных случаях.

По данному фактору Skazka и Inform получили самые высокие оценки, Futuris и Pragmatica – самые низкие. Декоративный шрифт NewZealek получил довольно низкую оценку.

Четвертый, самый «слабый» фактор (5,2 %) включает шкалы:

1) 0,88, устойчивый–зыбкий; 2) 0,79, старомодный–современный; 3) 0,57, правильный–ошибочный.

Их можно объединить под названием «традиционность». На первый взгляд этот фактор отражает почти то же, что и второй («обычность–необычность»). Однако здесь обычность и старомодность не несут негативной оценки, как во втором факторе, а ассоциируются только с устойчивостью и правильностью. Всё это вместе характеризует объект (шрифт) как нечто надежное, проверенное, то, чему можно доверять. Возникает ассоциация с понятием «здоровый консерватизм». Вероятно, это субъективное измерение также вносит свой, хоть и незначительный (судя по «весу» фактора), вклад в формирование впечатления о шрифте. Как самые традиционные оценены рубленые шрифты Futuris и Pragmatica. Противоположные оценки получили декоративные Inform и NewZealek. Оставшиеся латинские шрифты Advergotic, Skazka, NT Avanty в субъективном восприятии тяготеют скорее к традиционности.

Расположение объектов в семантическом пространстве позволило выделить три группы близких по субъективному восприятию шрифтов: 1) Inform, Skazka; 2) Baltica, Times, Mysl, NT Avanty; 3) Pragmatica, Futuris. В первую группу попали шрифты декоративные, во вторую – латинские и рубленый (NT Avanty), в третью – рубленые. Таким образом, изначальная «оформительская» классификация во многом совпадает с классификацией психосемантической. Вместе с тем обнаруженные факторы восприятия, а также оценки шрифтов по отдельным шкалам позволяют учитывать более тонкие нюансы при выборе шрифтов для заголовка с учетом содержания публикации и планируемого эффекта воздействия. Так, рубленые при жирном начерта-

нии выглядят тяжеловесно и массивно, злоупотребляя ими, можно перегрузить полосу. Однако с ними связана установка читателей на традиционность, надежность, устойчивость. Декоративные шрифты, несмотря на вызываемые ими положительные эмоции, могут у читателей ассоциироваться с неустойчивостью и беспорядочностью, поэтому к их использованию нужно подходить осторожно.

Если необходимо создать впечатление легкости, необычности, целесообразно применять такие шрифты, как Inform, Skazka. Для образа чего-то легкого, но надежного и спокойного больше подойдут NT Avanty, Times, Mysl, Baltica. Декоративный шрифт со строгим рисунком, например, Advergotic, создает впечатление необычности в сочетании с тяжеловесностью. Если требуется впечатление официальности, солидности, необходимы такие шрифты, как Pragmatica или Futuris.

Известно, что при использовании семантического дифференциала набор шкал-дескрипторов зависит от той предметной сферы, которую будут оценивать респонденты. Так появляются частные семантические дифференциалы, апробированные для конкретных объектов оценивания. В данном случае из исходного набора шкал экспериментальным путем были выявлены те, что наиболее значимы при восприятии шрифта заголовков, т.е. был построен еще один частный семантический дифференциал, который может использоваться в дальнейшем в прикладных исследованиях.

В заключение следует отметить, что полученная иерархия субъективной значимости факторов все-таки является неким усреднением множества различных ситуаций, в которых человек берет газету и смотрит на заголовки. В зависимости от ситуации и субъективных предпочтений тот или иной из указанных четырех факторов будет иметь разное значение как «мерка» восприятия-оценивания. Напри-

мер, важно настроение субъекта (читателя) – ждет ли он праздничной необычности или нормативной серьезности. Если именно это будет определять итоговое впечатление, тогда, очевидно, усилится роль фактора «карнавальной необычности» шрифта, который в нашей иерархии оказался лишь вторым. Кроме того, эмоционально насыщенный визуальный образ газетной страницы формируется не одними шрифтами. Играют свою роль иллюстрации, цветовые решения, компоновка материала на полосе, качество бумаги и т.д. Поэтому в качестве стимульных объектов в дальнейших психосемантических экспериментах целесообразно использовать целые газетные страницы, но при этом, конечно, контролировать вариацию и влияние конкретных формообразующих признаков, в том числе шрифта.

Образцы шрифтов

ДНИ ГРЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КРАС
(TimesNewRoman)

ДНИ ГРЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КР
(Baltica)

ДНИ ГРЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КР
(Mysl)

ДНИ ГРЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КР
(Pragmatica)

ДНИ ГРЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КРА
(Futuris extra)

ДНИ ГРЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КРАСН
(Avanty)

ДНИ ГРЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КРА
(Skazka For Serge)

ДНИ ГРЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В
(New Zelek)

ДНИ ГРЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КРАСНОДАРЕ
(Inform)

ДНИ ГРЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В К
(Advergotic)

Библиографический список

1. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. М., 1974.
2. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М., 1999.
3. Гаврилова Е.В., Лузаков А.А. Особенности межличностного восприятия и оценивания у мужчин и женщин (психосемантическое исследование) // Человек. Сообщество. Управление. 1999. № 1.
4. Галкин С.И. Уроки моделирования газеты. М., 1987.
5. Киселев А.П. Оформление периодических изданий. М., 1988.
6. Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М., 1983.
7. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М., 1997.
8. Саттон А. Принципы оформления и макетирования. М., 1978.
9. Тулупов В.В. Российская пресса: дизайн, реклама, типология. Воронеж, 1996.
10. Osgood Ch., Susi C.J., Tannenbaum P.H. The measurement of meaning. Urbana, 1957.

АНТОНИМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА «МЫ-ОНИ»

О. А. Оберемко, С. В. Прончихина

Термин «социальная идентичность» при всей своей популярности относится к понятиям, постоянно ускользающим от ясной концептуализации. В начале новой российской истории распад сложившихся в советское время групповых идентичностей мог трактоваться как момент транзита из одной социальной организации в другую, аналогичного модернизационному переходу от традиционного общества к современному [8, с. 36]. Теперь оказывается, что «настоящий взрыв интереса к концепции „идентичности“» выходит далеко за рамки травматического [6; 7] становления российского социума [1, с. 176–192].

Со времен Чикагской школы социологии известно, что всякому социальному изменению предшествует определенный этап дезорганизации, который затрагивает и индивидуальный, и социетальный уровень и при нормальном течении сменяется движением к реорганизации. Дезорганизация проявляется в индивидуальных формах поведения, означающих стремление уйти от порядка: в повышенной мобильности, тревожности, заболеваниях, преступлениях. Движение к организации проявляется в коллективных формах поведения: в забастовках, культурном соперничестве, моде, реформах и революциях. На этапе организации каждая группа через своих членов стремится создать свой собственный тип внутри- и внешнегрупповых взаимодействий, и сформированные посредством индивидов групповые типы становятся элементами той социальной структуры, куда они интегрируются и где обрастают новыми паттернами социального контроля [9, р. 55–57]. Однако здесь возможна иная дихотомия, диктуемая не субъективным интересом исследователя, а состоянием исследуемого сегмента социальной реальности.

На этапе движения к реорганизации адекватен именно индивидуалистический подход, который, однако, теряет свою роль по мере роста организованности группы, по мере продвижения ее к реорганизации. При предельной организованности группа полностью растворяет в себе индивидов и обеспечивает себе стабильность через институциональное закрепление. При этом как не удивляться постоянству процесса социальных изменений.

В самом деле, обыденный опыт показывает, что оба стремления – индивидуалистское и коллективистское – неистребимы ни в индивиде, ни в группе. Джентльмен, страдая от одиночества на необитаемом острове, воссоздает социальную структуру доступными средствами: строит три хижины – собственный дом, клуб, который он посещает по субботам, и клуб, который он игнорирует, тогда как человека цивилизации тянет на лоно природы. Фракционная борьба раздирает партию на части ради реорганизации, но на новой «платформе».

В знаменитой методологической заметке к «Польскому крестьянину» У. Томас и Ф. Знанецкий выделяли две перспективы, объединяющие уровни общей социальной теории и прикладного метода: социологическую перспективу, изучающую «объективные культурные элементы социальной жизни», и социально-психологическую перспективу изучения «субъективных характеристик членов социальной группы» [10, р. 26]. Статья отражает социально-психологический подход к изучению возможных способов конструирования социальной идентичности в кризисном социуме и написана как продолжение ряда работ, выполненных в Институте социологии РАН [2; 3; 4; 5; 8]. Используемые данные собраны в рамках методологического практикума, проводившегося под руководством проф. В. А. Ядова со студентами-социологами Государственного университета гуманитарного образования (г. Москва), Кубанского и Ни-

жегородского государственных университетов^{*}. Методом формализованного интервью были опрошены представители разных социальных групп (не менее 25 респондентов на группу): в Краснодаре – вынужденные переселенцы, в Нижнем Новгороде – учителя, в Москве – слушатели Академии МВД, старшеклассники и пенсионеры. Массив для обработки составили 187 интервью.

Анализировались ответы на прямые вопросы об отнесении респондентом себя к референтной группе «Мы» и о противопоставлении с группой «Они». Вопросы давались в следующих формулировках.

1. На протяжении жизни мы встречаем разных людей. С одними мы легко находим общий язык, чувствуем близость, они нам понятны. Иные же всегда остаются чужими, даже если мы их хорошо знаем.

Итак, есть люди, о которых мы можем сказать: «ЭТО – МЫ». Если говорить о Вас лично, о ком Вы могли бы сказать: «ЭТО – МЫ»?

2. Только что мы говорили о людях, о которых можно сказать «ЭТО МЫ». А кто для Вас люди, к числу которых вы себя не относите, о ком вы могли бы сказать: «ЭТО – ДРУГИЕ, НЕ МЫ», или «ЭТО – ОНИ». Назовите таких.

Мы получили 187 антонимических пар, образующих пространство «Мы – Они». В результате анализа были выделены и содержательно охарактеризованы три стратегии конструирования с использованием: 1) абсолютной антонимии; 2) окказиональной антонимии; 3) различием по степени близости.

Поскольку мы имели дело с пилотажным опросом, цель статьи будет заключаться не столько в описании полученных распределений, сколько в демонстрации возможной схемы анализа репрезентативных данных.

^{*} Практикум осуществлялся в рамках Программы поддержки кафедр Института «Открытое общество»: гранты НВА 924, 932 и 956.

1. Формальный анализ стратегий конструирования оппозиций «Мы-Они», различающихся по характеру антонимии

Абсолютная антонимия. Первую стратегию конструирования оппозиции «Мы – Они» мы назвали абсолютной антонимией. В конструировании семантического используются языковые противопоставления, не требующие никакого или требующие минимального, специального контекста для осмысления; «Мы» и «Они» – зеркально противоположные друг другу, полярные понятия. При назывании одного из членов вся пара без труда достраивается по ассоциации.

Абсолютная антонимия может конструироваться лексически (бедные–богатые, создатели благ – потребители) и с помощью отрицания (верующие – неверующие, друзья – недруги). Из общего массива к этой стратегии отнесено 10 % случаев:

бедные – богатые	верующие – неверующие
беженцы – коренные	знакомые – незнакомые
беженцы – местные жители	россияне – иностранцы
друзья – недруги	семья – не семья
друзья – враги	создатели благ – потребители
симпатичные – несимпатичные	работяги – тунеядцы
интеллигенция – неинтеллигенция	стремящиеся к цели – не имеющие цели
старшее поколение – люди не моего поколения	русские – враги.

Полученные антонимические пары позволяют выделить следующие характеристики конструируемого респондентами семантического пространства «Мы – Они».

1. Мир сжимается до двух половин целого, состоящего из двух жестко взаимосвязанных полярных противоположностей, сконструированных по одному единственному измерению (критерию). Упразднение одной из половин не-

медленно ведет к упразднению второй, а значит, к упразднению всего измерения.

2. Полярные противоположности составляют весь универсум общества. Нет среднего состояния, и невозможно помыслить снятие конфликта.

3. Разделяющая противоположности граница – четкая и непрозрачная: перевод объекта из одной половины, как правило, требует значительных когнитивных усилий.

4. Поскольку одномерное конструирование выносит за скобки все остальные измерения, указанное упразднение равнозначно упразднению всего мира; это дает основание говорить о конструкционной ригидности внешней границы семантического пространства, необходимой для сохранения сконструированной таким образом групповой идентичности.

5. Как правило, по объему понятие «Мы» значительно уступает «Они»: беженцы – местные, россияне-иностранцы и т.п.; особенно это очевидно при конструировании «Они» посредством отрицания: интеллигенция – неинтеллигенция, семья – не семья. Можно предположить, что в обратных случаях меньший объем «Они» компенсируется большей активностью, силой и другими параметрами, которые могут выступать в данном случае аналогом объема.

6. Содержание и границы множества «Мы» мыслятся более определенно, чем содержание и границы «Они». Иногда «Они» могут вообще не иметь внешних границ, а иметь только внутренние границы, в которые заключены окруженные, держащие оборону «Мы».

7. При таком типе конструирования ожидается проявление эмоциональной оценки: «Мы» – положительной, «Они» – «отрицательной».

8. Несмотря на полярность мира, исторически сосуществование «Мы» и «Они» возможно как мирное, так и конфликтное.

В данном типе конструирования «Мы» в целом противопоставляются «Они»; последние могут восприниматься как «враги», при интенсивности конструируемого конфликта, или как «просто чужие».

Контекстуальная, или окказиональная, антонимия. Вторая стратегия заключается в выстраивании не прямой, неполярной, нелобовой оппозиции. Из общего массива к этой стратегии отнесены около 70 % случаев.

Можно выделить три принципа контекстуального противопоставления, соответствующие косвенной, частичной и функциональной антонимии.

1. Конструкты контекстуальной оппозиции могут относиться к разным семантическим измерениям (критериям) в языке и образовывать, таким образом, косвенную оппозицию. Например, в паре «начальство – алкоголики» измерение вертикальных отношений власти и подчинения противопоставляется измерению наличия неодобряемого признака. Такая антонимия может отражать реальность только в определенном, специфическом контексте.

Сравнение примеров косвенной антонимии с построенными парами прямой антонимии (начальство – подчиненные, алкоголики – трезвенники) показывает, что в первом случае актуализируются окказиональные значения, которые не отменяют основных значений, а становятся с ними вровень:

начальство – алкоголики	писатели – бизнесмены
коллеги – чиновники	рабочие – местное население
семья – студенты	домохозяйки – жены новых русских.

Окказиональность антонимии здесь способствует реализации «принципа рифмы»: звуковое сходство между относящимися к далеким друг от друга семантическим полям словами заставляет читателя сравнивать их между собой, искать сходства в различном и различия в сходном. В результате возникает многомерное семантическое пространство.

Многомерность семантического пространства деонтологизирует различия: рабочий может быть (стать) местным, а местный может быть (стать) рабочим. Различия приобретают либо временный, либо функциональный характер.

2. Пары конструктов могут не составлять полярной оппозиции и не обозначать промежуточные между полюсами степени какого-то измерения. Они могут входить в парадигму значений, каждая пара которых будет составлять не абсолютную, а только частичную противоположность в силу того, что каждая такая пара не исчерпывает «целый мир»: остается не названной, но предполагается третья сторона или третьи стороны, которые, как мы уже сказали, не укладываются вместе с двумя первыми в единое измерение:

интеллигенция – крестьяне рабочий класс – торгаши-перекупщики.

Так, все конструкты из двух приведенных оппозиций относятся к парадигме, или категории социальной структуры общества. Оказиональное противостояние, например, интеллигенции с крестьянами или рабочего класса с торгашами-перекупщиками, не охватывает все общество, поскольку предполагает наличие иных, нейтральных для этого противостояния сторон. Такую оппозицию мы называем частичной; она не охватывает все общество и не поляризует его.

(Конечно, ситуацию можно изменить, если в результате интенсивного конструирования поляризации, или мобилизации общества, загнать под «интеллигентские» и «крестьянские» знамена значительную часть «нейтралов». В этом случае мы должны будем говорить о социальном реконструировании okazjiональной антонимии в абсолютную.)

3. Пары конструктов могут составлять функциональные оппозиции. Можно увидеть некоторое сходство этих случаев с абсолютными антонимами в том, что они составляют непреодолимые противоположности единого универсума. Однако функциональные антонимы в отличие от абсолютных составляют «маленькие универсумы», которые могут осмыс-

ленно существовать только внутри более крупного универсума (опять-таки определенного контекста), предполагающего сложное разделение труда в прямом и переносном смысле:

программисты – заказчики	рабочие пансионата – отдыхающие
студенты – преподаватели	школьники – учителя
директора – рабочие	учителя – торговцы.

Для всех контекстуальных антонимов в разной степени характерна косвенность, частичность и функциональность отношений. В качестве общих для них можно выделить следующие характеристики:

- разделение на «Мы» и «Они» не имеет вселенского характера борьбы добра со злом;

- по сравнению с абсолютными антонимами, обе стороны выражены примерно равными по объему понятиями;

- две стороны («Мы» и «Они») связаны между собой, но подразумевают существование в том же мире большого количества третьих сторон, иных «Они» (и даже иных «Мы»);

- конструирование идентичности по этому пути предполагает мирное сосуществование людей, занимающихся разным делом, принадлежащих к разным социальным классам (поскольку Мы и Они в рамках этой логики – понятия социальной структуры);

- границы между «Мы» и «Они», по-видимому, более прозрачны, чем в первом типе противопоставления.

«Мы» и «Они» в системе контекстуальных антонимов не являются Врагами, или Чужими; «Мы» и «Они» – просто иные (different), отличающиеся друг от друга, а потому и необходимые друг другу. Подобная категоризация, конечно же, напоминает о Gesellschaft'е Ф. Тенниса и органической солидарности Э. Дюркгейма.

Для третьей стратегии конструирования противопоставления характерно различие «Мы» и «Они» по степени близости в мире без оппозиций в том смысле, что «Мы» и «Они» составляют неотъемлемые части своего мира, ко-

торый респондент полностью принимает, считает своим. Сюда было отнесено около 20 % случаев:

банда – друзья	нация – общество
друзья – другие люди	общество – друзья
друзья – другой класс (школьный)	друзья – незнакомые
одноклассники – ученики других классов	служащие государственные – коллеги
друзья – знакомые	семья – коллеги по борьбе с РЭУ
друзья – коллеги	семья – соседи
друзья – одноклассники, с которыми не общаюсь	одноклассники – люди, с которыми нет отношений
друзья – соседи	ученики – ученики другой школы
коллектив – друзья	семья – друзья
народ – люди	семья – знакомые
спортсмены – родственники	семья – все человечество.
россияне – друзья-интеллигенты	

Третью стратегию можно охарактеризовать следующим образом.

1. «Мы» и «Они» суть вешки, которые устанавливают различные степени близости внутри «Своих».

2. Одни и те же конструкты могут включаться как в состав «Мы», так и в состав «Они» в зависимости от конкретного контекста и названного первого члена оппозиции. Поэтому между «Мы» и «Они» нет чётких границ.

В анализируемом массиве данных подавляющее большинство пар состоит из понятий, относящихся к малому кругу межличностных отношений, в который, правда, входят не только близкородственные и дружеские связи, но и производственные отношения, выступающие во второй стратегии как обезличенные. Единственное исключение составляет оппозиция «семья – все человечество»: принятый респондентом мир не ограничивается кругом повседневных контактов.

Третья стратегия конструирует «Они» как «таких же своих, как и «Мы», только оказавшихся в отдалении».

Таким образом, каждому виду антонимии соответствует своя интерпретация «Они», различия между которыми систематически разрабатываются со времен классического этапа в развитии социологии.

Вид антонимии

Абсолютная

Контекстуальная

Различения

Интерпретация «Они»

Враги, чужие

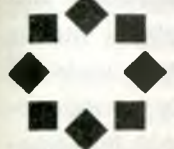
Иные, отличающиеся от нас

Такие же, как «Мы»

Мы претендуем на то, что полученные в результате анализа эмпирических данных три стратегии конструирования отношений «Мы—Они» можно попытаться проинтерпретировать как модели конструирования групповой идентичности для традиционного, современного и постсовременного типов социальной организации.

Библиографический список

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.
2. Данилова Е.Н. Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал. 2000. № 3/4.
3. Данилова Е.Н. Кто мы, россияне? // Россия: Трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М., 2001.
4. Дудченко О.Н., Мытиль А.В. Две модели адаптации к социальным изменениям // Россия: Трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М., 2001.
5. Социальная идентификация личности: Годичный отчет за 1992 год по разделу подпрограммы «Человек в кризисном обществе» общенациональной программы «Альтернативы социальных преобразований в российском обществе» / Под ред. В.А. Ядова. М., 1993.
6. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // Социс. 2001. № 2.
7. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социс. 2001. № 1.
8. Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1.
9. Park R.E., Burgess E.W. Introduction to the Science of Sociology. Chicago, 1924.
10. Thomas W.I., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America: Monograph of an Immigrant Group. Boston [1918]. Vol. 1.

**МЕСТНЫЕ
СОБЩЕСТВА**

**СТРАТЕГИЧЕСКИЙ
ПЛАН
В ПРОЦЕССЕ
МУНИЦИПАЛЬНОГО
СТРАТЕГИРОВАНИЯ:
МЕСТО И ВРЕМЯ
(РЕПЛИКА ВДОГОНКУ
НЕ САМОЙ ЛЕСТНОЙ
ОЦЕНКЕ СОСТОЯНИЯ
СТРАТЕГИЧЕСКОГО
ПЛАНИРОВАНИЯ
В КОНКРЕТНОМ
МУНИЦИПАЛИТЕТЕ)**

В. П. Виноградов

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПЛАН В ПРОЦЕССЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО СТРАТЕГИРОВАНИЯ: МЕСТО И ВРЕМЯ (Реплика вдогонку не самой лестной оценке состояния стратегического планирования в конкретном муниципалитете)

В. П. Виноградов

Настоящая разработка носит характер именно реплики, рожденной как реакция на актуальное практическое исследование, и не ставит своей целью воспроизведение теоретических основ стратегического планирования как модели развития муниципального образования. Она рассчитана на авторов упомянутого исследования в качестве профессиональной реакции на собственное объективное позиционирование по итогам оценки, на полезный обмен мнениями по важной проблеме с коллегами-муниципалами.

Прежде всего, профессионалам муниципальной службы настоятельно рекомендую изучить материалы Первого общероссийского форума городов – лидеров стратегического планирования, который состоялся в Санкт-Петербурге в апреле 2002 г. Материалы форума выставлены в полном объеме на сайте www.citystrategy.leontief.ru.

Материалы форума представлены на высоком профессиональном уровне, компактны, четко изложены и предметны, что

избавляет от какого-либо адаптивного их изложения в данном формате реакции на их адресное содержание. Главная цель форума (в авторском понимании) – *попытка этапной комплексной оценки состояния стратегического планирования в муниципальных образованиях России, его позиционирования как предпочтительной модели развития местного самоуправления, выработка конкретных рекомендаций по интенсификации этого развития*. Один из основных документов форума – Обзор, по результатам оценки качества стратегического планирования в 20 городах. Учитывая, что, по оценке авторов Обзора, максимальное количество городов России, осознанно связывающих свои перспективы со стратегическим планированием и уже использующих его элементы на практике, можно оценить цифрой 200, а количество муниципальных образований (городов и районов), разрабатывающих разнообразные концепции долгосрочного развития, – цифрой 350, что составляет около трети муниципальных образований этой категории, можно говорить об устойчивой и перспективной тенденции перехода к практике стратегического планирования развития. Это усиливает практический интерес к результатам углубленного исследования стратегического планирования в отобранных 20 городах, в число которых попал и город Череповец.

Уже сам факт, что Череповец попал в число объектов углубленного анализа столь сложного и перспективно значимого процесса, как переход к модели стратегического планирования развития города, является безоговорочно положительным, поскольку позволяет провести необходимую профессиональную системную оценку качества процесса. Уже за это следует выразить благодарность организаторам форума и авторам Обзора. В качестве же обобщенной реакции на оценку конкретного состояния стратегического

планирования в г. Череповце следует не менее *безоговорочно признать её объективность и значимость* для развития и совершенствования процесса стратегирования.

Тем более что методика исследования предполагала самое активное участие в подготовке базы оценки городских субъектов стратегирования, как непосредственных – руководителей, специалистов стратегизирующих подразделений мэрии города, так и потенциальных – представителей и профессиональных посредников муниципального сообщества. (В числе участников, представивших свое видение состояния стратегирования в городе, был и автор настоящей «реплики».)

Комплексная оценка состояния стратегирования в г. Череповце по итогам исследования, обнародованного в Обзоре (в авторской и потому, естественно, отчасти субъективной интерпретации), может быть сформулирована следующим образом: стратегическое планирование развития г. Череповца есть официально заявленная и концептуально обозначенная политика и идеология функционирования органов местного самоуправления города, практически реализуемая через развитую систему структурных и внеструктурных (для органов МСУ) стратегизирующих формирований, систему программно-целевого планирования муниципального развития (отраслевого, комплексного, совместного), нарождающуюся, активно формируемую систему взаимодействия органов местного самоуправления с субъектами муниципального сообщества при находящихся в стадии формирования формально-деятельностных организационных элементах стратегирования:

- документально оформленном стратегическом плане развития;
- системе и инфраструктуре реализации стратегии развития.

Признав в конце 1990-х гг. (вместе с ведущими субъектами и функционерами профессионального муниципального сообщества страны) развитие единственной альтернативой выживания местного самоуправления в сложившихся социально-экономических и политических условиях, органы местного самоуправления города прошли последовательный логический путь от формализации и практического перехода к модели развития через изменение системы понятий и поведения управленцев-муниципалов, базовой системы планирования деятельности (переход от доминировавшей системы планов социально-экономического развития к модели программно-целевого планирования развития) к формированию миссии, концепции, элементной структуры и элементов системы внешних и внутренних отношений стратегического планирования развития муниципального образования. Практически этот путь (за последние 7–8 лет) может быть проиллюстрирован последовательной чередой основных этапных событий, мероприятий, уже приводимых автором в других работах, но характерных для адекватного восприятия (без строгой хронологии, а скорее в сетевом представлении):

- включенность в ряд федеральных программ развития: городской пассажирский транспорт, передача ведомственного жилого фонда, улучшение городской экологии и др.;

- осознание и декларация органами местного самоуправления перехода к режиму развития, выделение бюджета развития (12–15 %);

- включенность в программу развития малого предпринимательства «ТАСИС–СМЕРУС»;

- создание некоммерческого партнерства «Агентство городского развития»;

- создание муниципального экспертного совета по развитию;

- начало работы над стратегическим планом (миссия, концепция, этапы разработки);
- муниципальный семинар по стратегическому планированию;
- кампания по формированию отраслевых среднесрочных (3–5 лет) планов развития муниципальных сфер деятельности;
- создание в мэрии специализированного «стратегизирующего» подразделения;
- создание муниципального предприятия «Аналитический центр» (мониторинг, анализ, программы социальных исследований);
- разработка первых муниципальных целевых программ (близких к развернутому здесь пониманию);
- создание муниципального Центра муниципальных информационных ресурсов и технологий в рамках федеральной Программы информатизации муниципалитетов;
- принятие Положения о программах муниципального развития;
- принятие ряда муниципальных целевых программ по нескольким отраслям муниципального развития, переход к системному программно-целевому планированию;
- проведение семинара по разработке и оформлению целевых программ;
- разработка и вынесение на экспертный совет ряда комплексных целевых программ в контексте развития модели программно-целевого планирования и перехода в режим стратегического планирования («Здоровый город», «Городское управление и гражданское согласие», «Разработка и внедрение системы стратегического управления» и др.; большинство этих программ сегодня уже утверждены городской Думой).

В большинстве отраслевых структурных формирований администрации города (комитетах, управлениях, департаменте ЖКХ) созданы специализированные информационно-аналитические и организационно-методические группы, отделы, отвечающие за программно-целевую и учебно-методическую работу. В г. Череповце работает Учебно-методический центр Управления образования, комплексно ведется работа в Управлении здравоохранения.

Нельзя не отметить и действующий у нас институт советников мэра города, который занимается анализом и внедрением в практику передовых идей и опыта развития местного самоуправления.

Таким образом, несмотря на отсутствие разработанного и утвержденного документа (стратегического плана развития города) и формализованной системы (включая инфраструктуру) реализации стратегии развития города, процесс количественного и качественного накопления (формирования и внедрения) элементов стратегического планирования в деятельности органов МСУ г. Череповца идет весьма интенсивно и целенаправленно.

Следует отметить, что вопрос завершения работы над стратегическим планом как конкретным документом вставал в мэрии неоднократно. Причины затягивания этой работы носили ярко выраженный организационно-методологический характер.

1. Стратегирующий блок в структуре органов местного самоуправления города (Управление стратегического планирования мэрии) является порождением нового времени, эпохи реформирования и становления местного самоуправления, поиска перспективных, современных моделей его развития в условиях рыночной экономики и нового экономического мышления, поэтому на руководство этим блоком (в ранге заместителя мэра города, курирующего и

развитие муниципальной экономики) приглашались перспективные грамотные специалисты в основном из ведущих бизнес-структур города. Каждый из них внес заметный вклад в понимание и продвижение стратегического планирования развития города, однако довольно быстро «вырастал» до перевода на более высокую, значимую для города должность. Как результат – смена концепций и парадигм стратегического планирования.

2. На фоне предыдущего положения в среде наших муниципальных стратегов несколько лет шла методологическая дискуссия (вполне адекватное отражение аналогичной дискуссии в муниципальном сообществе страны в целом) о доминирующей практической сути стратегирования для муниципалитета, формализованной в перечень конкретных показателей и критериев развития (в грубом приближении – аналог плана) или лишь в регламентированный циклический управленческий процесс. Истина, как всегда, лежит в адекватном и творческом сочетании этих подходов, однако понимание этого потребовало определенного времени.

3. В процессе разработки концептуальных основ и реализации первых этапов продвижения к стратегической модели планирования муниципалитет Череповца пользовался услугами профессиональных консультантов регулярно, но лишь как дополнительным ресурсом, что свидетельствует об определенном уровне собственных стратегирующих структур и специалистов, определяет заведомо более низкую нацеленность на формальный результат в виде конкретного документа.

4. В определенную задержку во времени вылилась и актуальная дискуссия об основной концептуальной направленности стратегического плана: обсуждался вопрос о возможной генеральной ориентации стратегического развития города по программе «Здоровый город». (Актуальность и

значимость этой программы на фоне высокого роста зараженных ВИЧ-инфекцией, наркомании, заболеваемости и безнадзорности детей и т.д. вполне понятна.) Дискуссия завершилась признанием программы «Здоровый город» в качестве важнейшей составляющей общей стратегии развития города, базовой в социальном блоке.

5. Четкой концептуальной определенности потребовала и организация взаимодействия стратегирующего подразделения мэрии с относительно самостоятельными и быстро набравшими силу Агентством городского развития и Аналитическим центром. Например, целевая комплексная программа Аналитического центра «Городское самоуправление и гражданское согласие» нацелена на отработку методов взаимопонимания и взаимодействия местной власти с муниципальным сообществом (населением) и локально реализуется вне контактов с управлением стратегического планирования (если не считать обязательное экспертное заключение управления при утверждении программы), что порождает иллюзию самодостаточности. (Понятно, что в контексте стратегического развития города это всего лишь иллюзия.)

Стабилизировавшиеся несколько лет назад (не хотелось бы думать, что всего лишь «в очередной раз») руководство, кадровый состав, структура, функциональная нагрузка управления стратегического развития мэрии, укрепившаяся убежденность руководящего звена органов местного самоуправления города в правильности ориентации на стратегическую модель развития, количественное и качественное наращивание элементов стратегирования в работе, постоянный встроенный и соучастный анализ развития стратегирования в муниципальном сообществе страны в целом (в том числе через постоянное взаимодействие с такими организациями, как «Леонтьевский центр», институт «Евро-

град», «Институт экономики города» и др.) вплотную подвели нас к необходимости систематизации и формализации итогов проделанной работы, без чего уже невозможно двигаться дальше. Понятно, что это должен быть прежде всего *стратегический план развития города*.

Конкретным же поводом для этого стал фактический переход к модели программно-целевого планирования, выражающийся в формировании востребованности, доверия и предпочтения планирования городского развития на основе целевых программ, в формировании законодательной базы для работы с целевыми программами, но главное – в заметном росте числа самих целевых программ в практике муниципалитета. Качественный аспект перехода к модели программно-целевого планирования стал базой для дальнейшего продвижения к стратегическому планированию развития, а количественный аспект разрешил все сомнения в необходимости единого муниципального центра управления целевыми программами (реестр, ранжирование, единая концептуальная целевая ориентация, контроль качества, контроль реализации, перспективное планирование программ по основным направлениям развития и т.д.). Естественно, таким центром в контексте перехода к стратегическому планированию может быть (в условиях г. Череповца) только управление стратегического планирования мэрии.

Как итог и результат всех перечисленных выше действий и событий, в мае на рассмотрение Экспертного совета мэрии по стратегическому планированию и развитию была представлена комплексная целевая программа «Стратегический план развития города. Разработка и внедрение системы стратегического управления в г. Череповце», название которой говорит само за себя. Программа принята городской Думой 25 июня 2002 г. Согласно программе разработка стратегического плана и системы стратегического

управления должна быть завершена во второй половине 2003 г. Концептуально-тезисное содержание целевых компонентов программы следующее:

- продолжение работы по совершенствованию программно-целевой модели планирования;
- завершение работы над стратегическим планом развития как документом;
- поэтапный переход в режим стратегического управления развитием;
- реальная вовлеченность в процесс стратегического планирования основных субъектов муниципального сообщества.

Таким образом, основной (единственный принципиальный) негативный аспект анализа процесса перехода г. Череповца к модели стратегического планирования развития реально переведен в стадию решения.

В заключение хочу ещё раз отметить объективность и справедливость оценки процесса стратегирования в г. Череповце, данной на форуме городов – лидеров стратегического планирования, но рискну заявить, что специфика и практика последовательного (естественного) прохождения накопительных стадий этого процесса, выводящая город на ожидаемый результат, имеет свои несомненные положительные аспекты.

И маленькое практическое замечание в завершение, касающееся практики реализации инновационных инициатив в муниципальном управлении, к которым относится и трудный процесс перехода к стратегическому планированию. Это регулярная, планомерная и тщательно организованная *просветительская и презентационная работа* по муниципальным инновациям (идеям, экспериментам, перспективным планам, результатам), предпосланная субъектам муниципального сообщества, но начинаемая с муници-

пального депутатского корпуса. Особенно это касается периодов естественной смены депутатского корпуса. Недооценка этого аспекта может внести существенные коррективы в ожидаемые результаты.

ЖИЗНЬ ФАКУЛЬТЕТА

Знаменательным событием стало принятие решения об открытии в КубГУ филиала Академии социальных технологий и местного самоуправления (г. Москва). В настоящее время активная работа по регистрации филиала и разработке плана его работы ведется членами Академии: профессором Ю. В. Филипповым, профессором Т. Т. Авдеевой и доцентом А. М. Ждановским.

Готовится к изданию учебник для государственных и муниципальных служащих «Муниципальное управление», написанный учеными Российской академии государственной службы и кафедры ГМУ Кубанского государственного университета.

Кафедра ГМУ расширяет связи с российскими вузами. В июне 2002 г. с целью создания на Кубани общества контроллеров, открытия новой специализации и установления учебно-научных связей группа преподавателей провела переговоры с заведующим кафедрой экономики и организации производства МГТУ им. Н. В. Баумана профессором С. Н. Фалько.

В ближайших планах кафедры – создание лаборатории региональных исследований. Активная подготовительная работа ведется рабочей группой под руководством доцента Н. И. Кузьмичевой.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ
РЕГИОНАЛИСТИКА

РЕГИОНАЛЬНЫЙ
ЛОББИЗМ

Е. В. Васильева

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЛОББИЗМ

Е. В. Васильева

Лоббирование интересов регионов Европейского союза, или региональный лоббизм, – явление, распространенное в современном мире. Чаще всего под ним понимается защита (отстаивание) интересов конкретного региона или округа [5, с.16], определенный способ воздействия на власть с целью выбивания определенных льгот и преимуществ. Большая популярность такого вида воздействия стала следствием многих факторов, и прежде всего утверждения ценностей регионализма, который возник как реакция на глобализацию современного политического процесса.

Региональный лоббизм как явление основывается на базовых понятиях «регион» и «региональный интерес». В политической науке регион рассматривается с различных точек зрения и имеет множество определений. Все они объединяются в несколько групп. Первая изучает регион с правовой позиции как часть государства, обладающую определенными правами и обязанностями, закрепленными в нормативно-правовых актах. Например, С. Барзиков определяет регион как часть территориального государства, имеющую законодательно определенные границы, собственные органы государственного и местного управления и находящуюся в опреде-

ленных экономических отношениях с центральными органами государственного управления. Вторая группа определяет регион с историко-культурной позиции как синоним провинции, местности. По мнению А. Манцева, регион возникает как результат самоорганизации [6, с. 36]. В статусе Комитета регионов ЕС написано: «Регион – это территория, представляющая очевидную общность с географической точки зрения, или такая территориальная общность, где есть преемственность и где население разделяет определенные общие ценности и стремится сохранить и развить свою самобытность в целях стимулирования культурного, экономического и социального прогресса». Третья группа рассматривает регион как комплексное явление. Так, С. Барзилов и А. Чернышев понимают под регионом социологическую квалификацию той или иной административно-территориальной единицы, население которой объединено общими производственно-экономическими взаимосвязями, единой социальной инфраструктурой, местными средствами массовой коммуникации, органами власти и местного самоуправления. Регион есть естественно-историческое пространство, в рамках которого осуществляется социально-экономическая и общественная деятельность проживающих в нем людей [1, с. 6].

Мы будем рассматривать регион как одну из единиц территориальной структуры государства, т. е. структуру субнационального уровня, административно-территориальную общность, территорию, на которой действуют властные региональные институты с определенными компетенциями и соответствующими финансовыми ресурсами для их реализации и происходит региональная политическая жизнь. Административно-территориальные границы превращают регионы в ячейки политического пространства. Политический регион, таким образом, может рассматри-

ваться как комплексное взаимодействие между набором идей, установок, политических институтов и сил физико-географической среды. В общем виде регион представляет собой систему институтов и организаций, действующих на определенной территории, причем под институтом понимается не только набор учреждений, но их взаиморасположение и система отношений между ними.

Любой регион, участвуя в политическом процессе, имеет свои интересы. Территориальные (региональные) интересы — это предпочтения и представления региона относительно наиболее предпочтительных средств по его социально-экономическому и политическому развитию [11, с. 15]. Интересы любой территории многообразны, так как возникают и формируются по поводу разнообразных объектов, явлений и процессов в различных сферах деятельности. Именно в своей многомерности система территориальных интересов способна предстать как стабильный и в то же время динамичный фактор регионального развития. Некоторые исследователи пытались выделить стандартный набор интересов, характерный для любой территориальной общности. Т. Заславская и Р. Рывкина в числе таких интересов выделили: увеличение социально-экономического потенциала территории; расширение многообразия рабочих мест; расширение возможностей использования ресурсов территории; развитие социальной инфраструктуры; повышение внутренней и внешней связности территории; улучшение социально-психологического климата, включая порядок и безопасность; сохранение природной и культурно-исторической среды [11, с. 8].

На современном этапе особенность территориальных интересов заключается в том, что, с одной стороны, регионы во многих государствах получили самостоятельность в решении большинства вопросов развития, но с другой —

продолжают оставаться субъектами государства и должны учитывать внерегиональные интересы. Интересы регионов всегда имели экономическую направленность, и успех в его отстаивании зависел прежде всего от уровня социально-экономического развития. Сегодня именно вокруг региональных аспектов принимаемых решений разворачивается ожесточенная дискуссия. Важно отметить, что политические требования могут выдвигать как относительно процветающие регионы, используя аргумент иждивенчества со стороны более бедных регионов, так и относительно бедные регионы: в этом случае используется аргумент недостаточного внимания, пренебрежения со стороны национального центра, недовольство проводимой политикой.

Региональный лоббизм существует практически во всех современных странах. Но наиболее ярко он проявился в Европе. Начиная с 1980-х гг. реальностью экономической и политической жизни ЕС стало резкое увеличение числа политических акторов, влияющих на процесс и исход принятия решений на различных уровнях, среди которых основные параметры сегодня задают неформальные политические акторы и неформализованные каналы их взаимодействия с институтами ЕС. В рамках складывающейся системы характер мотиваций и модели поведения вовлеченных в эти процессы участников находятся в состоянии постоянного переосмысления. Формальные процедуры переплетаются с неформальными способами оказания давления на процесс принятия решений. В этом сложном процессе взаимодействия не последнюю роль играют регионы ЕС.

С начала 1990-х гг. в ЕС происходит «доставление» европейского политического процесса за счет оформления третьего, регионального уровня интеграционного процесса управления. Происходит становление «Европы регионов», понимаемое как интенсификация межрегионального со-

трудничества (горизонтальная интеграция) и оформление институтов доступа регионов к принятию решений на наднациональном уровне (вертикальная интеграция). Оценивая роль европейских регионов в формировании политики ЕС, многие исследователи склонны трактовать это следующим образом: «От Шотландии до Северной Италии серьезной политической силой ныне становятся региональные движения, которые ставят местные интересы выше общегосударственных» [3, с. 4].

Образование ЕС создает для жизнедеятельности регионов Европы новую политическую и хозяйственную среду. Политически оно во многом снимает их прежнюю привязку исключительно к столицам своих государств, расширяет ареал интересов и возможностей до размеров Евросоюза. Все больше решений ЕС начинает применяться уже не только общенациональными, но и региональными властями, а сами регионы выходят на прямые связи и партнерство с его руководящими органами. Содействие этому оказало провозглашение того, что Евросоюз главной своей целью объявляет удовлетворение нужд европейцев. Соответственно, на современном этапе развития необходимой и востребованной оказывается именно местная демократия, а сами регионы выступают как важные инструменты борьбы за нужды населения.

Влиятельные региональные экономические акторы на рубеже 1980–1990-х гг. находились и продолжают находиться сегодня в процессе превращения в политические общности. Они оказались в центре сетевых региональных структур, распространившихся по Европе вширь (таких, как «четыре мотора Европы», объединяющие регионы Баден – Вюртемберг, Рона – Альпы, Каталонию и Ломбардию) и вглубь, в направлении расширения формальных и неформальных возможностей влияния на выбор приорите-

тов в создании единой Европы. Регионы Европы укрепляют контакты в Брюсселе, чтобы поднять свой собственный статус. При штаб-квартире ЕС в Брюсселе официально и неофициально действуют более 80 бюро регионов Европы [8, с. 27], далеко не во всем согласовывающие действия с официальными дипломатическими представителями своих стран при ЕС. Региональная составляющая процесса европейского строительства выдвинулась в число приоритетных со второй половины 1980-х гг., когда существенно увеличились ресурсы европейских фондов регионального развития, а емкость рынка обмена товарами и услугами, капиталами и рабочей силой заметно увеличилась.

Само по себе понятие «регион» является в Европе скорее собирательным, чем строго определенным. Для чисто учетных целей Статистическое бюро ЕС выделяет в политико-административном делении стран-членов 3 уровня территориальных образований, иерархически входящих друг в друга. Но нас интересует прежде всего региональный уровень. В составе 15 стран – членов ЕС насчитывается более 160 регионов [8, с. 27]. Все они разнообразны и отличаются по многим параметрам: географии, величине и плотности населения, ресурсно-производственным потенциалам, хозяйственной специализации, конституционному статусу, внутриадминистративному делению. Так, Италия, Испания, Бельгия и Австрия имеют в своем составе регионы с той или иной степенью административно-политической автономии. Наряду с ними есть исторически сложившиеся регионы, пока не обладающие (в том числе из-за активного противодействия центральной власти) даже ограниченной политической автономией, как, например, в Великобритании. Существенно различаются регионы и по экономическому развитию. Разрыв между богатейшим регионом ЕС Гамбургом и беднейшим регионом Гваделупой

составляет 4 раза, между 10 популярными по доходам группами регионов – 3,3 раза [4, с. 9], причем эти различия уже на протяжении долгого времени не сокращаются.

По мнению многих исследователей, только наличие жизнеспособной диверсифицированной экономики и политической воли позволяет регионам включаться в важнейшие экономические решения [9, с. 153], тем самым заявляя о себе не только в своей стране, но и за ее пределами.

Сильные области предпочитают действовать самостоятельно и делают упор в своей деятельности на представления интересов территории, своеобразные лоббистские организации. Необходимым условием здесь является взаимодействие властей в регионах с центральной властью, готовность последних прислушаться к мнению своих субъектов. Региональные интересы сочетают в себе, прежде всего, деятельность финансово-промышленного сектора, лоббирующего максимально благоприятные условия для получения прибыли, и деятельность некоммерческого сектора, лоббирующего широкие общественные интересы или непосредственные интересы своих членов. Часто крупные фирмы проявляют заинтересованность в региональных программах ЕС и помогают регионам получить желаемый результат. Пример успешной лоббистской деятельности – строительство туннеля под Ла-Маншем, когда широко-масштабное финансирование отвечало прямой экономической заинтересованности многих участников Европейского круглого стола промышленников. Некоторые ассоциации бизнеса, имеющие в силу исторических и политических причин ярко выраженную региональную ориентацию, самостоятельно представлены в Брюсселе и взаимодействуют в своих интересах с политической элитой региона. Так работает, например, объединение каталонского патроната.

Каналы влияния регионов разнообразны и охватывают два уровня власти: национальный и наднациональный.

Влияние через национальный уровень власти осуществляется посредством использования контактов в рамках национальных правительств и их подразделений, консультативных комитетов, среди членов выборных органов власти, а также непосредственно с влиятельными политическими деятелями. Следует отметить, что в национальном правительстве ряда стран широко представлены региональные партии, активно отстаивающие интересы своих регионов. В Италии, например, можно выделить Лигу Севера. Главной темой ее борьбы является протест против перечисления в государственную казну больших налогов по сравнению с Югом. В национальном масштабе Лига Севера появилась в 1992 г., получив на выборах 8,4 % голосов, 106 мандатов в палате депутатов и 56 в Сенате. На выборах в 1996 г. они завоевали уже 10 % голосов [2, с. 107].

В Испании лидером регионального движения считается Каталония. На парламентских выборах 1996 г. коалиция «Конвергенция и союз Каталонии» получила 1 млн голосов избирателей (4,61 %) и 16 депутатских мандатов. Баскская Национальная партия в этом же году получила 5 мест. В общенациональном масштабе подобное количество не играет существенной роли. Но Народная партия Испании, стремясь добиться абсолютного большинства в парламенте и изолировать Социалистическую партию, пошла на союз с национальными партиями автономий, предоставив последним в обмен многие административные и налоговые льготы [4, с. 107].

В Германии крупной региональной партией является баварский Христианско-социальный союз (ХСС), который в союзе с Христианско-демократическим союзом (ХДС) много лет представлен в Бундестаге.

В целом механизмы влияния здесь не отличаются оригинальностью и похожи на те, которые уже были описаны. Но для лоббирования в рамках ЕС национальный уровень играет большое значение, так как основные законодательные решения принимаются Европейским советом, состоящим из глав национальных правительств. Воздействию на национальное правительство отдают предпочтение те регионы, которые ограничены в возможности добиться внимания к своим требованиям непосредственно в Брюсселе – в силу отсутствия достаточных материальных ресурсов или трудностей в самоорганизации на наднациональном уровне. Поэтому влиятельные чиновники любой страны, входящей в состав ЕС, работающие в Брюсселе, являются объектами повышенного внимания лоббистов, предпочитающих действовать самостоятельно, а не нанимать профессионалов.

Более пристального внимания заслуживает наднациональный уровень. В рамках ЕС, по данным на 1994 г., было зарегистрировано 2175 групп интересов, среди которых 95 представительств регионов [7, с. 309]. Так, интересы Шотландии отстаивает лоббистская организация «Scotland Europa», она ежегодно публикует список шотландцев, работающих в структурах ЕС [7, с. 311]. Это позволяет работать в прямом контакте с чиновниками институтов ЕС различных уровней. Как показали исследования группы американских ученых, одним из побудительных мотивов организации собственного представительства в Брюсселе является конфликтность в отношениях с центральной властью на национальном уровне [8, с. 30].

Для более широкого понимания диапазона возможностей регионального представительства рассмотрим практику федеральных земель Германии. Следует отметить, что ФРГ всегда уделяла должное внимание вопросам, связанным с работой своих представителей. Уже в 1950-е гг. в рамках посто-

янного представительства ФРГ в Европейском сообществе мог находиться официальный представитель по вопросам земель в качестве наблюдателя. После подписания Маастрихтского соглашения практически все земли приобрели возможность открыть свои информационные бюро при ЕС. В результате 21 из 24 регионов Германии открыл свои представительства, а остальные 3 региона были представлены коммунальными политиками. К важнейшим задачам представительства земель относятся сбор информации о деятельности ЕС в интересах отдельных земель, обеспечение экономических и торговых интересов земель в Брюсселе.

По состоянию на март 1994 г. в Брюсселе работало следующее количество сотрудников: Баден-Вюртемберг – 9, Бавария – 17, Берлин – 6, Бранденбург – 4, Бремен – 3, Ганза + Гамбург + Шлезвиг-Гольштейн – 12, Гессен – 9, Восточная Померания – 5, Средняя Саксония – 8, Северный Рейн-Вестфалия – 15, Рейнланд-Пфальц – 7, Саарланд – 4, Саксония – 4, Заксен-Анхальт – 4, Тюрингия – 4 [10, с. 226]. Всего в Брюсселе при ЕС официально и полуофициально (т. е. без получения официального статуса) функционирует около 200 представительств Европы, что свидетельствует о высокой активности регионов на уровне ЕС.

Важной составляющей подобных представительств региональных интересов стало трансграничное сотрудничество близлежащих территорий и их совместное лоббирование. Следует отметить, что подобные связи существуют не только на европейском континенте. Это тенденция всего мирового сообщества. Появление такого рода объединений стало возможным, во-первых, вследствие освобождения регионов от межнациональных барьеров в рамках ЕС, во-вторых, вследствие схожести проблем граничащих субъектов и необходимости выработки по ним общих позиций, в том числе в общении со всеми уровнями власти. Как пра-

вило, инициатива создания объединений исходит от самих регионов. По мнению И. Д. Иванова, больше всех от подобного сотрудничества выиграли окраинные территории, прежде всего заштатные и удаленные от столиц. Такие «полюса роста» уже сформировались на границах Бельгии, Люксембурга, Саара и французских Эльзаса и Лотарингии, вдоль реки Маас (Бельгия, Германия, Голландия).

Самой широкомасштабной моделью региональной кооперации в Европе на сегодняшний момент является группировка «Четыре мотора Европы» (Баден-Вюртемберг, Рона – Альпы, Ломбардия, Каталония). Её представители стремятся наладить долгосрочное сотрудничество между экономически передовыми территориями и провести в жизнь совместные научно-исследовательские и другие долгосрочные проекты.

Активно развивается «Атлантическая дуга», в которую входят регионы Ирландии, Великобритании, Франции, Испании и Португалии. Они разработали единый план развития совместной территории «Атлантик 1», охватывающий все виды транспорта, экологию, городское и сельское хозяйство, связь между собой местных портов на базе тематической системы «Аркантель», который затем был успешно пролоббирован и принят Европарламентом [3, с. 144]. Прогрессирует сотрудничество в бассейне Северного моря, где расположена основная энергетическая база Евросоюза (регионы Великобритании, Дании, Швеции, Нидерландов, Норвегии). Подготовлен совместный перспективный план развития бассейна «Европа 2000+ и Северное море».

Подобный, не менее мощный, комплекс создается в северном Средиземноморье, где так называемый латинский периметр объединяет 8 прибрежных регионов Испании, Франции, Италии, Балеарские острова, Корсику, Сарди-

нию, Греческий архипелаг. Целями сотрудничества в его рамках является улучшение качества продукции, развитие транспорта, преодоление изоляции островных регионов и коммун, модернизация городского хозяйства и пр. Многие регионы ищут основу для организационного оформления своих связей по отраслевой ориентации для того, чтобы получить соответствующие фонды из ЕС. Речь идет о традиционных отраслях промышленности – текстильной, судостроительной, винодельческой, угольной.

В последнее время наметилась тенденция образования подобных структур, выходящих за рамки ЕС. И. Д. Иванов выделил следующие причины: во-первых, назревание проблем, требующих для своего решения расширенного территориального подхода; во-вторых, существование на территории, включающей несколько регионов, разделения труда; в-третьих, наличие между ЕС и соседними странами торговых соглашений, создающих благоприятные условия для такого сотрудничества [3, с. 146]. В этой связи на современном этапе выделяются следующие узлы взаимодействия: «Альпийская дуга», в составе которой 26 регионов Франции, Германии, Италии, Австрии, Швейцарии, а также Лихтенштейна; «Ось Центрально-европейской границы», вдоль которой от Балтийского до Адриатического моря разместились 14 государств – членов ЕС и стран, претендующих на присоединение к Евросоюзу; бассейн Балтики, где на рамочной основе сотрудничают около 70 партнеров; Средиземноморье, где действует международная программа «Меда», объединяющая кроме стран и регионов ЕС еще и 11 средиземноморских государств и имеющая целью к 2010 г. создать здесь обширную зону свободной торговли.

Эти группировки все более активно отстаивают свои интересы на европейской политической сцене, как на национальном, так и на общеевропейском уровне. Идеологией

действий на обоих уровнях является обеспечение непосредственного участия регионов не только в проведении, но и в формулировании государственной политики, влияющей на их экономическое и социальное развитие, выстраивание соответствующих инициатив и проектов не только сверху вниз, но и снизу вверх, отталкиваясь от местных потребностей.

Основная проблема, вокруг которой ведется лоббирование на национальном уровне, – укрепление собственной доходной базы и согласование со столицами различных схем перераспределения в свою пользу централизованных государственных доходов в виде либо раздела поступлений от отдельных налогов, либо получения грантов (субсидий) из центрального бюджета. Постепенно вырабатываются механизмы и навыки взаимодействия с центральной властью, одним из главных инструментов которых является лоббизм в различных вариантах.

Во-первых, командирование своих представителей в общенациональные законодательные и исполнительные органы. Например, верхняя палата Германии – Бундесрат – сформирована из 68 представителей земель. Во Франции мэры городов составляют половину парламента, в Люксембурге – более половины, и именно они доминируют в парламентских комитетах по финансам и муниципалитетам [3, с. 88].

Во-вторых, внесение петиций, заявлений, контакты с правительственными чиновниками, средствами массовой информации, использование в своих целях деловых местных кругов, церкви и пр. Так, подобным образом бельгийские провинции Брабант и Эно выступили против закрытия местных заводов «Клабек» и «Ситроен». А прибрежные регионы Великобритании и Франции буквально втянули свои центральные правительства в акцию поддержки со-

оружения туннеля под Ла-Маншем, хотя этот объект до сих пор убыточен [3, с. 89].

Эти методы лоббирования применяются и на наднациональном уровне, но имеют свои каналы: Комитет регионов ЕС, созданный в 1993 г.; Ассоциацию европейских регионов, объединяющую 296 территориально-административных образований из 23 стран Европы; лигу городов «Евросити», представляющую 200 городов континента и Ассоциацию европейских регионов. Но наибольший вес все же имеет Комитет регионов ЕС, который входит в состав Экономического и Социального комитетов ЕС. Сформированный из 222 представителей регионов, он наделен консультативными функциями и за свою деятельность направил в нормотворческие органы Сообщества более 90 своих «мнений» по проблемам, где пересекаются интересы регионов и европейской интеграции [4, с. 17]. Добившись в свое время создания Комитета, регионы пытаются пролоббировать идею о придании ему самостоятельного нормотворческого статуса.

Интенсивно регионы пытаются пролоббировать и идею легализации регионального звена как самостоятельного участника интеграционного процесса, закрепив в уставных документах ЕС право регионов решать те проблемы, которые они, в силу своего промежуточного положения между гражданами и властями, способны решать наиболее эффективно. Конкретно для этого предлагается закрепить законодательным путем их возможность участвовать в выработке соответствующих решений на уровне ЕС и компетенции выполнять эти решения.

Очевидно, что борьба групп регионов за свою политическую роль и участие в выработке европейской политики за выделение финансовых средств будет продолжаться еще не один год. И одним из главных способов отстаивания своих

позиций останется лоббизм. Регионы, зачастую не имея своих законотворческих структур, главные надежды возлагают на своих лоббистов, использующих в основном неформальные каналы давления и опирающихся на местные элиты и бизнес-структуры. Не всегда имея возможность отстоять по отдельности свои позиции на общеевропейском уровне, регионы в последнее десятилетие стремятся объединяться в союзы, увеличивая степень давления на власть.

Библиографический список

1. Барзилов С., Чернышев А. Регион как политическое пространство // Свободная мысль. 1997. № 2.
2. Гайдук В. Италия. Серьезный собеседник в Европе // Международная жизнь. 1996. № 11–12.
3. Иванов И.Д. Европа регионов. М., 1998.
4. Иванов И.Д. Европа регионов // МЭиМО. 1997. № 3.
5. Лоббизм в Думе и неподкупный Джо // Эксперт. 1997. № 25.
6. Шахмалов Ф. Лоббизм во взаимодействии государства и бизнеса (материалы к лекциям и семинарам) // Российский экономический журнал. 1999. № 1.
7. Перегудов С.П., Лапина Н.Д., Семененко И.С. Группы интересов и Российское государство. М., 1999.
8. Семененко И.С. Группы интересов в Европейском союзе: региональный аспект // МЭиМО. 1998. № 4.
9. Семененко И.С. ЕС: эра неформальных политических актеров // МЭиМО. 1997. № 10.
10. Столяров М.В. Россия в пути. Новая федерация и Западная Европа. Сравнительное исследование по проблемам федерализма в Российской Федерации и странах Западной Европы. Казань, 1998.
11. Мацнев А. Регион и формирование федеративных отношений в России // Социально-политический журнал. 1998. № 1.

ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА

Н. И. Кузьмичева

Проблема экономической безопасности в условиях глобализации экосоциального планетарного пространства превратилась в одну из наиболее актуальных, обсуждаемых на всех уровнях в современной России. В 1993–1994 гг. впервые по заданию Совета безопасности РФ группой ведущих ученых Института экономики РАН была разработана концепция экономической безопасности России. Президентом России В. В. Путиным недавно принято решение о разработке новой редакции Государственной стратегии экономической безопасности на период до 2010 г. В силу этого необходимость углубления исследований в области теории экономической безопасности и методических основ использования индикативной системы экономической безопасности для регионов очевидна.

Следует отметить, что, несмотря на актуальность, данное направление в серьезной литературе не получило широкого освещения. Наиболее интересны, на наш взгляд, работы, выполненные коллективом ученых Института экономики РАН под руководством академика В. К. Сенчагова. Предпринята не просто нужная и интересная попытка очертить и детализировать круг проблем, но и даны конкретные рекомендации для решения назревших вопросов экономической безопасности как России в целом, так и ее отдельных регионов. Ценность данных литературных источников определяется тем, что они написаны на основании оригинальных разработок, проводившихся несколько лет Центром финансово-банковских исследований Института экономики РАН и секцией «Проблемы макроэкономики и социального рыночного хозяйства» РАЕН.

Сегодня понятие «безопасность» относится к числу общесистемных и рассматривается как «защищенность жизненно важных интересов граждан, общества и государства, а также национальных ценностей и образа жизни от широкого спектра внешних и внутренних угроз» [1, с. 7]. Исследуя сущность экономической безопасности, необходимо рассмотреть понятие «устойчивость». Устойчивость и безопасность – важнейшие характеристики экономики как единой системы. Устойчивость экономики отражает прочность и надежность ее элементов, всех видов связей между ними, способность выдерживать внутренние и внешние «нагрузки», «восстанавливать нормальное состояние после внезапного его нарушения каким-либо внешним или внутренним фактором» [2, с. 323].

Безопасность – это состояние объекта в системе его связей с точки зрения способности к самовыживанию и развитию в условиях внутренних и внешних угроз. Проблема безопасности остро стоит перед любым человеком в любой экономической системе. Процесс глобализации мирового экономического пространства еще более актуализировал ее.

Экономическая безопасность региона – это не абстрактная теоретическая конструкция. Это состояние экономики региона и институтов власти, при котором «отсутствуют, сведены к минимуму или устранены внутренние и внешние угрозы сохранения социально-экономического и финансового потенциала региона ниже уровня, достаточного для повышения благосостояния его населения» [1, с. 84].

Система экономической безопасности региона, по мнению академика В. К. Сенчагова, включает 4 блока. Интересы региона в области экономики составляют содержание первого блока. Второй блок предполагает оценку внешних и внутренних угроз экономической безопасности региона.

На основе оценки угроз формируется региональная экономическая политика, планируются институциональные преобразования и разрабатываются необходимые механизмы, устраняющие или смягчающие воздействие факторов, подрывающих устойчивость экономики региона. Формирование региональной экономической политики с учетом детальной проработки проблем экономической безопасности региона составляют содержание третьего блока. И четвертый блок – это организационное обеспечение защиты экономической безопасности региона.

Инструментарием оценки угроз служат индикаторы экономической безопасности и их пороговые значения. Пороговые значения количественно выражают региональные экономические интересы, а также встраиваемость экономики региона в экономику страны и общероссийский рынок. Количественные параметры пороговых значений экономической безопасности должны рассчитываться применительно к определенному периоду. В этом случае имеется возможность осуществить сопоставление пороговых значений экономической безопасности с показателями прогноза социально-экономического развития, выявив тем самым реальные угрозы региональным интересам в области экономики и разработав меры по преодолению этих угроз.

Реализация этой идеи невозможна без создания оперативной информационно-аналитической системы наблюдений за динамикой показателей безопасности, т.е. постоянного мониторинга социально-экономических процессов в регионе. Результаты мониторинга и прогнозирования факторов, определяющих угрозу экономической безопасности, должны учитываться при формировании региональной экономической политики, а также в процессе прогнозирования и составления региональных бюджетов. Анализ же ситуации в Краснодарском крае показал, что разработан-

ный департаментом экономики и прогнозирования доходов края прогноз социально-экономического развития на 2002 г. и прогноз сводного финансового баланса на период до 2004 г., к большому сожалению, составлялись без учета перечня сигнальных индикаторов экономической безопасности, предложенных еще в 1999 г. Минэкономике в соответствии с рекомендациями Института экономики РАН.

Однако следует отметить, что внедрение данных рекомендаций в практику регионального прогнозирования – дело непростое, предполагающее серьезную подготовительную работу. Кроме постоянного мониторинга необходимо также осуществление экспертизы принимаемых решений по финансовым и хозяйственным вопросам с позиций экономической безопасности Краснодарского края. Такой экспертизе должны подвергаться важнейшие нормативные акты, принимаемые не только на региональном, но и на федеральном уровне.

В целом работу по созданию системы экономической безопасности в крае необходимо начать с разработки концепции экономической безопасности Краснодарского края и мер по реализации государственной стратегии экономической безопасности. В ней должны быть с учетом специфики края определены региональные интересы в области экономики, угрозы экономической безопасности края, количественные параметры пороговых значений, а также меры по преодолению этих угроз. Далее, необходимо разработать концепции экономической безопасности городов и районов края, интегрировать их и на этой основе создать единую систему защиты экономической безопасности региона.

Библиографический список

1. Сенчагов В.К. Экономическая безопасность: геополитика, глобализация, самосохранение и развитие. М., 2002. Кн. 4.

2. Геополитика, международная и национальная безопасность. М., 1999.

ЖИЗНЬ ФАКУЛЬТЕТА

13–14 мая 2002 г. успешно прошли первые защиты в диссертационном совете по политическим наукам: докторской диссертации Д. Г. Красильникова (Пермский ГУ) «Формирование и развитие межсистемных политических ситуаций в России в XX веке»; кандидатских диссертаций А. И. Кольбы (КубГУ) «Государство как субъект урегулирования этнополитических конфликтов на Северном Кавказе» и К. А. Говорухиной (КубГУ) «Политическая пропаганда в тоталитарном обществе».

18 апреля 2002 г. И. В. Самаркина успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата политических наук в совете Московской гуманитарно-социальной академии. Тема: «Школьный учебник в процессе политической социализации в постсоветской России».

КАФЕДРА

КОММУНИКАТИВНЫЕ
АСПЕКТЫ
ПОДГОТОВКИ
АГЕНТОВ
ПО РАЗВИТИЮ
ВНЕШНЕЭКОНО-
МИЧЕСКОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА
МЕСТНЫХ
СООБЩЕСТВ
С. Н. Бунчук

ИННОВАЦИОННАЯ
ИГРА
КАК ИНСТРУМЕНТ
ВОВЛЕЧЕНИЯ
НАСЕЛЕНИЯ
В РЕШЕНИЕ
МЕСТНЫХ
ПРОБЛЕМ

*Т. А. Мясникова,
Л. М. Степанова*

РАБОЧАЯ
ПРОГРАММА
КУРСА
«СОЦИАЛЬНАЯ
ГЕРОНТОЛОГИЯ»
Е. С. Тамбиянц

КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ АГЕНТОВ ПО РАЗВИТИЮ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ

С. Н. Бунчук

С начала нынешнего столетия концепция «развития местных сообществ» получила широкое распространение как в США, так и в Западной Европе. Превратившись в одно из наиболее актуальных направлений научной мысли с начала 1970-х гг., эта отрасль научных исследований переживает период бурного развития. Данная тенденция имеет место в России в первую очередь в силу важности перехода общества в принципиально новое состояние, а также вследствие необходимости подготовки высококвалифицированных специалистов – агентов по развитию, которые решали бы экономические, социальные, экологические проблемы непосредственно сообществ людей, а не географических районов или территорий.

Подготовка профессиональных кадров с университетским образованием, способных обеспечить процесс развития на уровне местных сообществ ведется в рамках системы, которую американцы называют «икстеншн» (extension). Данная система, установив прочные связи с местными сообществами, с одной стороны, и научными учебными подразделениями, с другой сто-

роны, не стала структурным элементом ни местных администраций, ни университетов. Она сохраняет автономию, имеет свой бюджет, свою структуру, самостоятельно определяет свою стратегию и концепцию развития.

Главное действующее лицо в системе – агент по развитию местного сообщества. Он является штатным работником «икстеншн». В своей деятельности он ориентируется на потребности местного сообщества, получая при этом научно-методическую и иную необходимую поддержку от центральных учреждений «икстеншн».

Будучи сравнительно молодой, эта профессия отличается от других тем, что не имеет жестких границ, очерченных определенной отраслью знания или производства, как другие профессии. Агент по развитию в рамках своей деятельности заимствует из целостной системы знаний элементы прикладного характера. Поэтому подготовка такого специалиста носит прикладной характер.

Исходя из основных признаков местного сообщества, можно сделать вывод, что не существует в практике двух одинаковых местных сообществ. Каждый раз агент по развитию сталкивается с различной комбинацией факторов, которая определяет средства развития и ставит его границы, например, внешнеэкономического сотрудничества местного сообщества. Данный специалист вынужден искать нестандартные подходы к интеграции конкретной и специфической местной экономики в региональное, национальное и (или) мировое экономическое пространство с учетом уникальных ресурсов территории.

Одной из функциональных задач агента в рамках организации внешнеэкономического сотрудничества после идентификации проблем местного сообщества, определения комбинации ресурсов, соответствия потребностей экономического развития в конкретной ситуации является

развитие социальных сетей и связей между людьми и организациями, а также стимулирование взаимодействия между различными группами людей для достижения обозначенных стратегических целей.

В этой связи особенно важна коммуникативная подготовка специалистов по развитию внешнеэкономического сотрудничества местных сообществ. Поскольку факультет управления Кубанского государственного университета принимает участие в подготовке такого рода специалистов, то требуется рассмотреть вопрос о коммуникативных аспектах подготовки будущих профессионалов по развитию.

Традиционно курс обучения иностранному языку в неязыковом вузе строится по тематическому принципу в соответствии с профилем факультета. Обучение видам речевой деятельности (чтение, перевод, устная речь) осуществляется взаимосвязано в рамках тем, которые дублируют или дополняют тематику специальных дисциплин. Такая организация учебного процесса по иностранному языку в новых условиях может стать тормозом интенсификации обучения, так как на первый план выступает не иностранный язык со своей спецификой, а информационное содержание темы. Кроме того, обучение иностранному языку осуществляется без дифференциации на конкретные виды речевой деятельности (устная речь, чтение, перевод), что осложняет не только процесс обучения, но и возможности самосовершенствования студентов старших курсов в избранном виде речи из-за отсутствия методик, направленных на овладение именно этим аспектом речевой деятельности.

С учетом особого спроса на специалистов, владеющих иностранными языками, и новых требований к организации учебного процесса в вузе (упор на индивидуальную самостоятельную работу студентов) была разработана новая структура курса обучения иностранным языкам для

подготовки соответствующих специалистов. В ее основу положены системно-деятельностный подход к обучению и модульное построение курса.

Системно-деятельностный подход в опоре на логико-коммуникативные универсалии и речевой опыт в родном языке предполагает следующее: студенты осваивают иностранный язык как новый инструмент формирования собственных мыслей и восприятия устной и письменной речи носителей другого языка. При этом акцент делается на осмысление речемыслительной деятельности в родном языке и перенос речевых умений в иностранный язык. Студенты познают метод изучения неродного языка и способ овладения иноязычным инструментарием в целях общения.

Модульное построения курса обучения иностранному языку позволяет более полно реализовать принцип дифференциации обучения разным видам речевой деятельности на основе их взаимосвязи. Деятельностный модуль представляет собой относительно замкнутый цикл занятий, направленный на достижение одной из практических целей обучения, предусмотренных программой (устная монологическая и диалогическая речь, изучающее и ознакомительное чтение, перевод). Кроме того, для осуществления адаптации, преемственности и непрерывности обучения иностранному языку вводятся коррективный и обобщающий модули. В рамках модуля осваивается лексико-грамматический материал, необходимый и достаточный для профессионально-ориентированного иноязычного общения. При этом меняется функция преподавателя: от информационно-контролирующей в начале модуля до консультативно-координирующей в конце. В итоге обеспечивается осознанное самостоятельное достижение студентами такого уровня владения языком, который соответствовал бы их индивидуальным возможностям и отвечал требованиям программы.

Структура курса иностранного языка реализуется в следующих модулях:

1) вводно-коррективный курс (создание исходной лексико-грамматической базы и устно-речевой основы обучения иностранному языку);

2) устная речь (овладение навыками монологической и диалогической речи и двустороннего перевода);

3) изучающее чтение и перевод (формирование лексико-грамматических механизмов чтения и перевода, системного и линейного предложения);

4) гибкое чтение и реферирование (формирование механизмов гибкого чтения, лексико-грамматического и смыслового анализа текста);

5) обобщающий модуль (коррекция навыков самостоятельной работы и приемов самоконтроля, определения стратегии работы на старших курсах);

6) модуль делового бизнес-языка.

При организации обучения в рамках деятельностного модуля важную роль играют следующие факторы: исходный уровень владения данным видом речи, цель и структура учебной деятельности по его освоению, выбор программы обучения, интенсивная обработка языкового материала, обильная практика и оценка/самооценка достигнутого уровня владения языком. Описанная система обучения иностранному языку в рамках, например, первого, второго или дополнительного образования на факультете управления по специальностям «Менеджмент» и «Государственное и муниципальное управление» позволила бы использовать каждый модуль изолированно с учетом индивидуальных запросов студентов в рамках обязательных и факультативных курсов.

Модуль делового бизнес-языка реализуется в учебном плане за счет часов по выбору студента в цикле общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин или за счет

часов факультатива, причем обучение ведется преподавателем выпускающей специальной кафедры. Одна из особенностей построения этого модуля – создание специализированной группы студентов для изучения ряда дисциплин специализации на английском или немецком языках. К числу таких дисциплин относятся: основы местного хозяйства, предпринимательство, мировая экономика. Одним из направлений совершенствования языковой подготовки может быть подготовка на иностранном языке отдельными студентами курсовых и дипломных работ, а также сдача государственного экзамена по специальности.

Таким образом, подготовка агентов по развитию для местных сообществ приграничного Краснодарского края становится актуальной задачей в связи с расширением взаимовыгодного сотрудничества со странами Азово-Черноморско-Средиземноморского региона, причем развитие коммуникативных способностей – неотъемлемая часть системы подготовки будущих специалистов.

ИННОВАЦИОННАЯ ИГРА КАК ИНСТРУМЕНТ ВОВЛЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В РЕШЕНИЕ МЕСТНЫХ ПРОБЛЕМ

Т. А. Мясникова, Л. М. Степанова

За последнее десятилетие в России произошли существенные изменения в понимании социально-экономического развития муниципальных образований. Смещение акцента от наращивания промышленного потенциала города-фабрики к повышению качества жизни местного населения дает нам новый взгляд на основные результаты и ресурсы развития местного сообщества.

К экономическим ресурсам, традиционно описываемым экономической теорией (труду, земле, капиталу, НТП и предпринимательской способности) следует добавить такой ресурс, как социальный капитал – сети сотрудничества, социальные нормы, доверие, традиции совместных действий [7, с. 113].

Социальный капитал является «цементом», который связывает остальные ресурсы развития. Без достаточно развитого социального капитала социально-экономическое развитие местного сообщества в современном понимании (т.е. с целью повышения качества жизни местного населения) невозможно. Наиболее ярко это проявляется при планировании и реализации программ развития.

На сегодняшний день почти каждый российский город имеет документ, называемый планом, программой, концепцией, стратегией социально-экономического развития. Как правило, эти планы не реализуются, так как они были разработаны местными властями или по заказу местных властей на основании их представления о том, что нужно городу. Однако субъекты развития города имеют собственные интересы, не совпадающие с представленными в планах. Избежать этого противоречия можно только путем совместного планирования, тогда каждый субъект планирования сможет через достижение целей местного сообщества, осуществлять свои личные цели, что является единственным условием для того, чтобы субъект взял на себе затраты и ответственность за реализацию принятых планов социально-экономического развития. Для организации совместного планирования, основанного на партнерских отношениях и принятия реальных решений, необходимо доверие друг к другу, т.е. социальный капитал.

Социальный капитал в отличие от других ресурсов самонарачивается при его использовании. Например, при успеш-

ном совместном планировании в местном сообществе проясняются позиции и интересы субъектов развития (предпринимателей, общественных организаций, жителей, местных органов власти), создаются формы их конструктивного взаимодействия и условия для повышения активности местного населения. Все это ведет к росту доверия между субъектами, т.е. приумножает социальный капитал [3].

Ситуация осложняется тем, что местные сообщества, осознавая существование проблем, не знают, что можно предпринять для их решения и не умеют действовать сообща из-за непонимания, конфликтов, неуважения друг к другу и властям, а местное правительство не уделяет достаточного внимания вовлечению, активизации населения. Поэтому прежде всего необходимо выработать у населения навыки совместных действий, увеличить социальный капитал.

Политика опоры на собственные силы придает процессу участия населения в развитии местного сообщества большее значение, чем непосредственным результатам развития. Основная идея, что люди могут, хотят и должны сотрудничать в решении проблем своего сообщества, дает возможность максимально использовать человеческий и социальный капитал. Но и политика технического содействия развитию не отрицает важность вовлечения населения в управление развитием, хотя рассматривает его как дополнительное условие [7, с. 116–121].

Вовлечение населения в планирование развития позволяет обеспечить демократическое принятие решений, поскольку предполагает широкое участие членов сообщества; расширяет возможности проявления творческой активности индивидов, их самореализации; способствует достижению согласия между представителями различных групп интересов; служит самым эффективным инструментом развития социального капитала местного сообщества; по-

выпадает жизнеспособность местного сообщества, делая его более восприимчивым к новшествам и способным адекватно реагировать на происходящие перемены.

Проблема вовлечения населения в управление развитием местного сообщества на сегодняшний день выходит на первое место по своей важности. Население российских муниципальных образований в большинстве случаев пассивно, не умеет и не хочет принимать участие в принятии управленческих решений. Это связано прежде всего с укрепившейся за долгие годы существования административной системы привычке, что ничего нельзя изменить, что все «наверху решат», а также с недоверием к местным администрациям. Самые лучшие начинания, попытки администрации привлечь население к принятию решений часто рассматриваются как популизм, попытка очередной раз «заморочить голову».

В такой ситуации одной информационной кампании недостаточно, хотя она является неотъемлемой и очень важной частью привлечения населения.

Одним из наиболее эффективных инструментов вовлечения населения является инновационная игра. В отличие от других технологий вовлечения (тренинг, реклама, собрание и пр.), она ориентирована на перспективу, развитие инновационного потенциала, социального капитала.

Инновационная игра используется для группового решения широкого круга сложных слабоструктурированных проблем перспективного характера [6, с. 2].

Она строится на следующих принципах [6, с. 5]:

- системности, т.е. игра программируется и организуется как целостная система человеческой деятельности и взаимодействий;
- самопрограммирования, т.е. изменения в ходе игры в соответствии с ситуацией;

– саморазвития, т.е. ориентации на выявление новых средств решения проблем, новых форм деятельности и взаимодействий;

– контролируемой борьбы, т.е. соревновательности взаимодействия с общей корпоративной направленностью;

– развивающего обучения, т.е. ориентации не на расширение объема знаний, а на освоение и разработку новых средств и форм разрешения социальных проблем.

В инновационной игре используются логико-технические, социотехнические и психотехнические средства.

Логико-технические средства включают в себя технологию группового решения проблем (используется для решения сложных слабоструктурированных проблем, не поддающихся формализованному описанию и являющихся нестандартными) и систему особых техник мышления (анализ, синтез, сведение, восхождение, индукция, дедукция, рефлексия, понимание, выращивание идей, непонимание, сомнение, проблематизация, критика, отрицание, инверсия, приведение к абсурду) [6, с. 18].

Для организации интенсивного развития групп и создания продуктивно и творчески работающих групп используются социотехнические средства: программы организации групповой работы и дискуссий. Психотехнические средства направлены на создание оптимальных межличностных взаимоотношений в группах; они включают в себя рефлексивные средства, средства развития организационных умений и социоинженерные средства [6, с. 34]:

Применение логикотехнических, социотехнических и психотехнических средств в комплексе позволяет создать жизнеспособную, ориентированную на новые решения группу, способную решать сложные слабоструктурированные проблемы (настоящие и будущие) [6, с. 42].

Программа организации инновационной игры состоит из трех этапов работы: подготовки игры, проведения игры, завершения игры.

Подготовка инновационной игры является сложной процедурой и требует значительных затрат времени. Она включает: выявление проблемной ситуации, на разрешение которой может быть направлена игра; информационную подготовку; замер исходного состояния, ориентаций и психологических особенностей будущих участников; материально-техническую подготовку; разработку программы игры; подготовку участников [6, с. 7].

Для успешной разработки и проведения инновационной игры необходим организатор, который бы взял на себя первичное выявление проблемы, привлечение консультантов-игротехников, организацию проведения игры и помощь в реализации разработанных в ходе игры решений. Такими субъектами могут стать организации некоммерческого сектора, в частности, организации содействия развитию местных сообществ.

Фонд поддержки развития местных сообществ (не имеющая членства некоммерческая организация) мог бы взять на себя функции организации инновационных игр по вовлечению местного населения в решение коллективных проблем. Фонд имеет ряд преимуществ в организации инновационных игр: квалифицированную команду консультантов, помещение, опыт (хотя и небольшой) организации конференций и семинаров, предполагающих применение активных технологий обучения (20–22 октября 2000 г. был проведен семинар для кандидатов от партии «Яблоко» в депутаты местного самоуправления; в 2001 г. был проведен тренинг «Деловое общение» со студентами факультета III–IV курсов) [4, с. 48].

В качестве примера инновационной игры, направленной на вовлечение населения в решение коллективных проблем, рассмотрим программу «Благоустройство двора». В

основу программы были положены технологии, описанные в методическом пособии «Программа инновационной игры» под редакцией Н. Т. Сорокиной [6], а также на основе методических рекомендаций Центра Организации Объединенных Наций по населенным пунктам (Хабитат).

Был проведен первичный анализ проблемной ситуации, сложившейся во дворе домов 155, 155/1, 157/1 по улице Ставропольской г. Краснодара; выявлены группы интересов («против» бездомных животных, «за» бездомных животных, владельцы собак, родители, у которых есть маленькие дети, пенсионеры, подростки, владельцы автомобилей, садоводы, жители двора, не вошедшие в другие группы).

Описание ситуации: существует двор между многоэтажными домами 157/1, 155 и 155/1. Жителей домов не устраивает планировка двора, уборка, режим вывоза мусора и состояние мусорных баков. Все жители трех домов разделились на две группы: первая не любит бездомных собак и считает, что необходимо принять меры для их уничтожения; а другая подкармливает собак и кошек. Конфликт между первой и второй группой находится в латентной стадии. Существуют и другие конфликты между группами интересов жителей домов: владельцы автомашин ставят машины под окнами и вырубают деревья для постройки гаража, что не нравится жителям 1–3-х этажей; владельцы собак гуляют с ними без намордников; молодежь собирается около скамеек, что также не нравится жителям (в основном 1–3-х этажей). Кроме того, у дома 155/1 существуют собственные проблемы: на втором этаже собираются подростки и распивают спиртные напитки; некоторые жильцы не хотят платить за услуги консьержа; необходимо провести косметический ремонт общественного коридора.

Описание данной проблемной ситуации было составлено по результатам личных бесед, наблюдениям, а также по высказываниям жителей двора на домовых собраниях.

Видение идеального двора также составлено по высказываниям жителей (см. таблицу).

Группы интересов	Видение идеального двора
«Против» бездомных животных	Во дворе отсутствуют домашние животные
«За» бездомных животных	Во дворе есть кормушки и поилки для бездомных животных
Владельцы собак	Везде можно гулять с собаками без намордника; дети играют в специально отведенном месте
Родители, у которых есть маленькие дети	Центральная часть двора устроена под детскую площадку; мусорные баки отгорожены перегородкой; въезд во двор машин запрещен
Пенсионеры	Больше зелени; скамеечки; молодежь собирается за пределами двора
Подростки	Несколько дополнительных скамеек со столиками
Владельцы автомобилей	Дополнительное место для размещения автомобилей / гаражей
«Садоводы»	Вскрыть асфальт в центральной части двора и посадить деревья
Все жители двора	Озеленение, дополнительные скамейки, детская площадка, место для выгула собак, уборка и вывоз мусора, решение проблемы гаражей, дополнительное освещение и безопасность, т.е. благоустройство двора

Ситуация осложняется тем, что жители двора, осознавая существование проблемы неблагоустройства двора, не знают, что можно предпринять для ее решения, и не умеют действовать сообща (непонимание, конфликты, неуважение друг к другу). Поэтому прежде всего необходимо выработать у жителей двора навыки совместных действий. Инновационная

игра позволит не только выработать навыки совместных действий, но и непосредственно решить проблему.

Поскольку ситуация видится жителями как решаемая только своими силами (из-за недоверия к любым властным структурам), ее можно рассматривать как нестандартную и новую, а проблему благоустройства – как сложную и слабоструктурированную.

Предполагаемые участники группы: жители домов 155, 155/1, 157/1 по улице Ставропольской, МУРЭП №1, владельцы ларьков, примыкающих к границам двора.

Были определены примерные затраты на проведение игры (7200 у.е.) и возможные источники финансирования (гранты, средства городской / краевой администрации, добровольные пожертвования жителей двора, учитывая общее количество жителей двора, из расчета около 8 у.е. с 1 жителя). Организатором может выступить Фонд поддержки развития местных сообществ. Предполагаемые консультанты – преподаватели факультета управления Кубанского государственного университета.

Цель проведения инновационной игры «Благоустройство двора» – развитие у участников навыков сообща решать коллективные проблемы; основной продукт игры – план благоустройства двора и схема мероприятий по реализации этого плана. Игра распланирована на 10 дней и предполагает использование логикотехнических, социотехнических и психотехнических средств (1-й день – знакомство и формирование малых групп; 2-й день – диагностика задачи, диагностика ситуации; 3-й день – диагностика и постановка проблем; 4-й день – определение целей; 5-й день – выработка решений; 6–7-й день – разработка проекта; 8–9-й день – разработка программы реализации проекта; 10-й день – осмысление полученных результатов, подведение итогов, оценка произошедшего, завершение игры).

Непосредственные результаты предложенной игры – это идеи и решения, найденные в ходе игры, улучшение групповых характеристик, новое понимание проблем, своего места в их решении и т.д. Перспективные результаты – внедрение найденных решений, дальнейшее использование новых методов работы, развитие новых направлений деятельности бывших участников игры и т.д.

Для оценки эффективности разработанной игры было предложено 6 процедур для определения: эффективности игры с точки зрения решения содержательных задач; экономической эффективности; эффективности игры по динамике качества предлагаемых решений; эффективности игры по субъективным оценкам участников; эффективности игры с точки зрения личностного роста участников; эффективности игры с точки зрения ее развития [6, с. 93]. Основным перспективным результатом проведения предложенной инновационной игры следует считать благоустройство двора, снятие конфликта между жителями, повышение их активности и позитивного настроения.

Библиографический список

1. Анисимов О.С. Введение в теорию деятельности. М., 2000.
2. Балабанов А. Активные образовательные технологии в сфере муниципального управления // Муниципальная служба. 2001. № 2 (14).
3. Карасев Ф.Г. Социальный капитал соседских сообществ. М., 2001.
4. Мясникова Т.А. Тренинг-центр как структура фонда поддержки развития местных сообществ // Муниципальная служба. 2001. № 2 (14).
5. От исполнительства к стратегии развития местного сообщества / Под ред. Т. Т. Авдеевой, С. Н. Железко, Ю. В. Филиппова. Краснодар, 1996.
6. Программа инновационной игры / Отв. ред. Н. Т. Сорокина. Ярославль, 1987.
7. Филиппов Ю.В., Авдеева Т.Т. Основы развития местного хозяйства: Учебник. М., 2000.

РАБОЧАЯ ПРОГРАММА КУРСА «СОЦИАЛЬНАЯ ГЕРОНТОЛОГИЯ» *

Тема 1. ВВЕДЕНИЕ В ГЕРОНТОЛОГИЮ

Понятие, содержание, задачи, актуальные проблемы современной геронтологии. Предмет геронтологии. Основные понятия: пожилой человек, возраст, поколение, продолжительность жизни, старение, долголетие, геронтологические стереотипы, демографическое старение, ресоциализация, адаптация и др. Уровни геронтологических исследований (индивид, малая группа, социальная структура).

Социально-гигиенические, социологические и демографические вопросы старости и старения. Подходы к определению старости с практической и теоретической точек зрения: хронологический, социологический, биологический, функциональный и др. Возраст. Поколение. Периодизация пожилого возраста ВОЗ: пожилые, старые, долгожители.

Старость как категория культуры. Историческая трансформация понятия «пожилой человек» в европейской культуре: античность, Средневековье, Новое и Новейшее время. Относительность понятий «молодость – старость» в современном мире в зависимости от сферы общественной жизни (спорт, искусство, наука, политика, семейно-брачные отношения и т.д.). Связь возраста и социального статуса. Выход на пенсию как социальная граница между «средним возрастом» и старостью. Проблемы лиц старшего возраста.

Рекомендуемая литература

Основная

Яцемирская Р.С., Беленькая И.Г. Социальная геронтология. М., 1999. С. 5–10.

* Программа составлена Е. С. Тамбиянц, преподавателем кафедры новейшей отечественной истории и социологии КубГУ.

Дополнительная

Елютина М.Э. Геронтология социальная // Российская энциклопедия социальной работы: В 2 т. М., 1997. Т. 1. С. 88–92.

Елютина М.Э. Историко-понятийная рефлексия слова «старость» // Российский журнал социальной работы. 1998. № 1/7. С. 23–28.

Тема 2. ПРОБЛЕМЫ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СТАРЕНИЯ

Старение как биологический процесс. Календарный и биологический возраст, их соотношение. Определение биологического возраста. Естественное, замедленное и преждевременное старение с медицинской и соционормативной точек зрения.

Теории старения: старение как генетически запрограммированный процесс, старение как результат разрушения организма под действием неблагоприятных факторов и др.

Особенности здоровья населения пожилого и старческого возраста и методы его изучения. Физиологические изменения в старости (функции ЦНС, гормональный баланс, костная и мышечная ткань и т.д.). Физическое и психическое здоровье пожилых. Наиболее распространенные заболевания лиц престарелого возраста и их зависимость от образа жизни. Проблема продолжительности жизни.

Самооценка здоровья и социальное самочувствие пожилых людей. Э. Эриксон: возрастной кризис пожилого человека – «умиротворение – отчаяние». Типы старения: биологическое, социально-психологическое, профессиональное, нравственно-эстетическое и др.

Социальные и психологические последствия раннего или позднего ухода на пенсию. Адаптация к возрастным изменениям, статусу пенсионера и социальным переменам в стране. Теория символического интеракционизма: коммуникация как средство взаимного приспособления общества и стареющего человека.

Рекомендуемая литература

Основная

Яцемирская Р.С., Беленькая И.Г. Социальная геронтология. М., 1999. С. 18–22.

Дополнительная

Ярская-Смирнова Е.Р. Социальное конструирование инвалидности // Социс. 1999. № 4. С. 38–45.

Козлова Т.З. Здоровье пенсионеров: самооценка // Социс. 2000. № 12. С. 89–93.

Тема 3. ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК В МИРЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Условия и образ жизни населения предпенсионного возраста. Пожилой человек в семье. Брачное состояние пожилых людей и его зависимость от пола и возраста. Мотивы и перспективы заключения брака в пенсионном возрасте. Отношение окружающих к бракам пожилых мужчин и женщин с ровесниками и более молодыми людьми.

Основные типы семей в современной России: нуклеарная, расширенная, модифицированная широкая семья. Факторы, влияющие на выбор места и формы проживания стариков (совместно с детьми или отдельно): наличие супруга, материально-жилищные условия, близость проживания детей, наличие и количество внуков, трудовая деятельность, наличие подсобного хозяйства и т.д. Особенности сельских и городских семей.

Взаимоотношения с детьми и внуками. Место и функции бабушек и дедушек в зависимости от возраста внуков. Семейные роли в традиционной и современной семье. Смерть и преемственность поколений: культурные различия в традиционных и современных обществах, влияние этнокультурных факторов. Жестокость по отношению к пожилым. Причины семейных конфликтов.

Материальное положение пожилых, бюджет семьи: пенсия и иные источники доходов. Влияние пола, этнической

принадлежности и места жительства на условия жизни. Проблема жилья.

Современный рынок труда: частичная и полная занятость пожилых. Причины продолжения трудовой деятельности. Идея «разумного предела» (Канада) при продолжении трудовой деятельности. Проблемы трудоустройства. Возрастные ограничения при приеме на работу. Возможности получения образования и профессиональной переподготовки людей пенсионного возраста в России и за рубежом.

Субкультура пожилых. Мода, музыкальные и художественные пристрастия. Теория субкультуры (А. Роуз): культура как стержень, интегрирующий пожилых людей в особую группу, обособленную от других возрастных групп; идея создания поселений пожилых людей.

Досуг престарелых и проблемы его организации. Общественные объединения пожилых людей и клубы по интересам. Теория активности: сохранение в пожилом возрасте прежних потребностей и интересов, сопротивление пожилых людей попыткам исключить их из общества. Роль религии в жизни пожилого человека. Теория возрастной стратификации: уникальность опыта и образа жизни каждого поколения пожилых людей.

Рекомендуемая литература

Основная

Яцемирская Р.С., Беленькая И.Г. Социальная геронтология. М., 1999. С. 70–73.

Дополнительная

Краснова О.В. Бабушки в семье // Социс. 2000. № 11. С. 108–116.

Кондакова Н.И., Иванова Э.В. Трудовая занятость пенсионеров Москвы // Социс. 2001. № 11. С. 47–50.

Тема 4. Пожилый человек и общество

Социальные функции пожилых людей в различных типах обществ. Престижность возраста и ее историческая трансформация: первобытное общество – зрелость, Древний Рим, Китай – старость, Европа: XVII в. – молодость, XIX в. – детство, XX в. – юность.

Геронтологические социальные стереотипы: геронтофилия, геронтофобия, агглютинативные модели поведения, рефлексия старости. Проблема взаимодействия поколений.

Теория разъединения (Э. Каминз, У. Генри): взаимное отчуждение стареющего человека и общества, его причины и последствия. Пожилый человек и/или общество как инициатор «разъединения». «Освобождение» пожилого человека от обязательств перед обществом. Р. Батлер: «эйджизм» как возрастная дискриминация. Теория меньшинств: ограничение прав и предрассудки общества в отношении стариков.

Связь пожилых людей с общественным классом: теория пролетаризации (пожилые люди – малообеспеченная, нуждающаяся в поддержке категория населения), теория неизменности статуса (предшествующий опыт и занимаемое до выхода на пенсию положение влияют на статус пожилого человека).

Пожилые люди как объект и субъект государственной политики. Формы политического участия пенсионеров; влияние на государственную (в том числе и социальную) политику. Геронтократические общества. Отношение пожилых к социальным переменам.

Рекомендуемая литература

Основная

Яцемирская Р.С., Беленькая И.Г. Социальная геронтология. М., 1999. С. 34–38.

Дополнительная

Волынская Л.Б. Престижность возраста // Социс. 2000. № 7. С. 120–124.

Ковалева Н.Г. Пожилые люди: социальное самочувствие // Социс. 2001. № 7. С. 73–79.

Тема 5. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Демографические характеристики престарелых. Средняя продолжительность жизни, ее зависимость от поколения, пола, расовых, этнических и социальных характеристик.

Демографическая структура населения. Динамика роста народонаселения. Особенности демографических изменений в XX в. Влияние условий жизни, медицинского обслуживания, социального обеспечения на демографические процессы. Военные конфликты и их последствия. «Демографическая революция», ее причины и результаты.

Понятие демографической старости. Уровни демографической старости. Возможности влияния на процесс демографического старения. Методика измерения демографического старения Э. Россета. Шкала Дж. Сандберга.

Основные модели демографических процессов: модель «молодого населения» – районы с высокой рождаемостью, значительной смертностью и низкой средней продолжительностью жизни; модель «старого населения» – районы с низкой рождаемостью, низкой детской смертностью и высокой продолжительностью жизни.

Демографические процессы в современной России; их зависимость от экономической и политической ситуации. миграций и т.д. Демографическая политика государства. Демографическая ситуация в Краснодарском крае.

Рекомендуемая литература

Основная

Яцемирская Р.С., Беленькая И.Г. Социальная геронтология. М., 1999. С. 26–30.

Дополнительная

Старшее поколение в современной России / Авт.-сост. О. Здравомыслова, Ю. Качалова, А. Севортьян, И. Шурыгина. М., 1997.

Тема 6. ОТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВА К ПОЖИЛЫМ ЛЮДЯМ

Организация медико-социального обслуживания людей пожилого и старческого возраста. Система здравоохранения, медицинское обслуживание и патронаж пожилых. Функции гериатра.

Геронтологическая государственная политика, правовые вопросы геронтологии.

Причины появления и история развития пенсионных систем в России и за рубежом. Социальные и демографические последствия принятия законов о пенсионном обеспечении.

Проблема определения пенсионного возраста. Вариант МОТ: 65 лет для мужчин и 60 лет для женщин. Реальные колебания пенсионного возраста в разных странах: от 60 до 67 лет у мужчин, от 55 до 67 лет у женщин. Преобладание экономических интересов при определении пенсионного возраста. Разница между законодательно установленным и фактическим возрастом ухода на пенсию.

Пенсионное обеспечение за рубежом. Государственная система пенсионного обеспечения. Система дополнительного (добровольного и обязательного) пенсионного страхования.

Пенсионная система РФ. Цели реформы пенсионного обеспечения.

Отражение проблем престарелых граждан в законодательстве РФ. Политика краевых и городских властей в отношении пенсионеров. Формирование общественного мнения.

Рекомендуемая литература

Основная

Яцемирская Р.С., Бельнская И.Г. Социальная геронтология. М., 1999. С. 187–190.

Дополнительная

Качина Н. Проблемы реформирования пенсионной системы // Социальное обеспечение. 2001. № 2. С. 18–22.

Тихонова Н.Е., Шкартан О.И. Российская социальная политика: выбор без альтернативы? // Социс. 2001. № 3. С. 21–31.

Щуко Л.П. Законодательство по социальной защите различных категорий граждан в РФ. М., 1998.

О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов: Федеральный закон от 02.08.95 № 122-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 32. Ст. 3198.

Тема 7. СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ

Специфика социальной работы с населением пожилого и старческого возраста.

Принципы социальной работы с пожилыми людьми, предложенные ООН: группы принципов «независимость», «участие», «уход», «реализация внутреннего потенциала», «достоинство».

Социальное попечительство над престарелыми. Виды социальной работы с пожилыми людьми. Специфика работы геронтологических центров, центров временного проживания, семейных домов престарелых. Надомные услуги: организация питания, доставка продуктов и товаров первой необходимости, медикаментов, помощь в оплате коммунальных услуг, уборке и т.д.

Организация юридической и медицинской помощи престарелым.

Психологические особенности социальной работы с пожилыми клиентами.

Рекомендуемая литература

Основная

Яцемирская Р.С., Беленькая И.Г. Социальная геронтология. М., 1999. С. 161–166.

Дополнительная

Основы социальной работы: Учебник. М., 1998. С. 216–221.

Савинов А.Н., Зарембо Т.Ф. Организация работы социальной защиты. М., 2001.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА К КУРСУ

Александрова М.Д. Проблемы социальной и психологической геронтологии. Л., 1974.

Альперович В.Д. Социальная геронтология. Ростов н/Д, 1997.

Волынская Л.Б. Престижность возраста // Социс. 2000. № 7. С. 120–124.

Гидденс Э. Социология. М., 1999.

Дельпере Н. Защита прав и свобод граждан преклонного возраста. М.: Деловая книга, 1993.

Елютина М.Э. Геронтология социальная // Российская энциклопедия социальной работы: В 2 т. Т. 1. М., 1997. С. 88–92.

Елютина М.Э. Историко-понятийная рефлексия слова «старость» // Российский журнал социальной работы. 1998. № 1/7. С. 23–28.

Здоровье, образ жизни и обслуживание пожилых. М., 1992.

Ковалева Н.Г. Пожилые люди: социальное самочувствие // Социс. 2001. № 7. С. 73–79.

Козлова Т.З. Здоровье пенсионеров: самооценка // Социс. 2000. № 12. С. 89–93.

Краснова О.В. Бабушки в семье // Социс. 2000. №11. С. 108–116.

Основы социальной работы. М., 1999.

Пенсионная реформа в России: причины, содержание, перспективы / С.Н. Васин и др. СПб., 1998.

Психология пожилого возраста в аспекте психологической и социальной работы: Метод. рекомендации. Самара, 1996.

Российская энциклопедия социальной работы: В 2 т. М., 1997.

Социальная геронтология: современные исследования. М., 1994.

Социальная поддержка пожилых людей. Из опыта социального обслуживания на Кубани. Краснодар, 1997.

Социальная работа с пожилыми людьми: Настольная книга специалиста / Отв. ред. Е.Н. Холостова. М., 1995.

Социология / Под ред. В.И. Курбатова. Ростов н/Д, 1998.

Старшее поколение в современной России / Авт.-сост. О. Здравомыслова и др. М., 1999.

Томпсон Д. Л., Пристли Д. Социология: Вводный курс; Пер. с англ. М.; Львов, 1998.

Шапиро В.Д. Человек на пенсии: социальные проблемы и образ жизни. М., 1980.

Ярская-Смирнова Е.Р. Социальное конструирование инвалидности // Социс. 1999. № 4. С. 38–45.

Яцемирская Р.С., Беленькая И.Г. Социальная геронтология. М., 1999.

Периодические издания

Российский журнал социальной работы.

Психология зрелости и старения.

Социс (Социологические исследования).

Социально-гуманитарное знание.

Социальное обеспечение.

Социальная защита.

СЕМИНАРСКИЕ ЗАНЯТИЯ

Тема 1. ПОНЯТИЕ «СТАРСТЬ» И ЕГО ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ

1. Старость как медицинская и культурная категория.
2. Историческая и географическая трансформация понятия «пожилой человек».
3. Влияние вида деятельности на определение границы старости в современном обществе.

Задание для самостоятельной работы и обсуждения

Определить примерный возраст следующих категорий людей: «пожилой футболист», «молодой ученый», «пожилая актриса», «старая дева», «молодой политик», «молодая бабушка» и т.д.

Рекомендуемая литература

Елютина М.Э. Историко-понятийная рефлексия слова «старость» // Российский журнал социальной работы. 1998. № 1/7. С. 23–28.

Волинская Л.Б. Престижность возраста // Социс. 2000. № 7. С. 120–124.

Старшее поколение в современной России / Авт.-сост. Е. Здравомыслова и др. М., 1999.

Тема 2. ОБРАЗ ЖИЗНИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

1. Творческая письменная работа: «В каком возрасте я хотел(а) бы уйти на пенсию. Чем бы я хотел(а) заниматься, достигнув пенсионного возраста».
2. Обсуждение результатов, сравнение планов студентов с реальным поведением знакомых им пенсионеров.

Тема 3. ОТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВА К ПОЖИЛЫМ ЛЮДЯМ

(анализ законодательной базы)

1. Права отдельных категорий пожилых людей (ветераны, инвалиды и т.д.) и их отражение в законодательстве РФ.

2. Гарантированные государством социальные услуги, предоставляемые пожилым людям.

3. Законы Краснодарского края, направленные на поддержку пожилых.

Рекомендуемая литература

Дельпере Н. Защита прав и свобод граждан преклонного возраста М., 1993.

О ветеранах: Федеральный закон РФ от 12.01.95 № 5-ФЗ // Социальная защита. 1996. Вып. 7. С. 11–42.

О прожиточном минимуме и адресной социальной помощи в Краснодарском крае: Закон Краснодарского края от 19.06.1998 г. №125-КЗ // Информационный бюллетень Законодательного Собрания Краснодарского края. 1998. № 27.

О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 24.11.95 № 181-ФЗ // Социальная защита. 1996. Вып. 15. С. 78–85.

О федеральном перечне гарантированных государством социальных услуг, предоставляемых гражданам пожилого возраста и инвалидам государственными и муниципальными учреждениями социального обслуживания: Постановление Правительства Российской Федерации от 25.11.1995 г. № 1151 // Собрание законодательства РФ. 1995. № 49. Ст. 4798.

Социальная поддержка пожилых людей. Из опыта социального обслуживания на Кубани. Краснодар, 1997.

Шуко Л.П. Законодательство по социальной защите различных категорий граждан в РФ. М., 1998.

Тема 4. СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ

1. Организация работы по социальной защите населения.

2. Виды помощи и услуг, оказываемых пенсионерам. Их специфика в городской и сельской местности.

3. Требования, предъявляемые к профессиональной и психологической подготовке социальных работников.

4. Особенности пожилых клиентов социальных служб.

Рекомендуемая литература

Социальная работа с пожилыми людьми: Настольная книга специалиста / Отв. ред. Е.Н. Холостова. М., 1995.

Осень жизни. Опыт социального обслуживания граждан пожилого возраста в Краснодарском крае. Краснодар, 2001.

Савинов А.Н., Зарембо Т.Ф. Организация работы социальной защиты. М., 2001.

О статусе работника социальной службы государственных и муниципальных учреждений социального обслуживания Краснодарского края: Закон Краснодарского края от 19.06.97 № 88-КЗ // Информационный бюллетень Законодательного Собрания Краснодарского края. 1997. № 19.

К О Н Т Р О Л Ь Н Ы Е В О П Р О С Ы

1. Предмет и задачи геронтологии.
2. Демографические характеристики и периодизация пожилого возраста.
3. Престижность возраста и ее историческая трансформация.
4. Принципы ООН и Декларация прав старого человека.
5. Основные геронтологические теории.
6. Медико-биологические характеристики старения.
7. Физическое и психическое здоровье пожилых.
8. Процесс демографического старения населения, его характеристики.
9. Социальные причины и последствия демографического старения.
10. Виды старения.
11. Адаптация к старению и уходу на пенсию.
12. Новые социальные роли пенсионеров.

13. Условия жизни пожилых людей.
14. Особенности субкультуры пожилых.
15. Общественные организации и объединения пожилых людей.
16. Досуг пожилых людей. Возможности и формы его организации.
17. Проблемы занятости и работоспособности пенсионеров.
18. Этнокультурные особенности отношения к пожилым людям.
19. Место и роль пожилого человека в семье.
20. Брачное состояние и поведение пожилых.
21. Развитие системы пенсионного обеспечения.
22. Пенсионный возраст и факторы, влияющие на его изменение.
23. Социальное попечительство над пожилыми людьми.
24. Виды и специфика социальной работы с пенсионерами.
25. Социальные стереотипы старости.
26. Проблема взаимодействия поколений.
27. Пожилые люди как объект и субъект государственной политики.

ЖИЗНЬ ФАКУЛЬТЕТА

Весна и лето 2002 г. для кафедры ГМУ были временем не только подведения итогов, но и строительства будущего. Из числа выпускников 2002 г. на кафедру пришли «новобранцы» — три аспиранта и три молодых преподавателя. Это гордость и надежда нашей кафедры!

Летом 2002 г. преподаватель кафедры ГМУ С. Н. Бунчук прошла обучение на международных летних курсах в университете Альберт-Людвигс-университет (г. Фрайбург, Германия) по экономической программе на немецком языке, включающей лекции и семинары по экономическому развитию Германии.

ASPIRANTIUM
OPERA

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ:

ВАРИАНТЫ

КЛАССИФИКАЦИИ

В. З. Измайлов

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: ВАРИАНТЫ КЛАССИФИКАЦИИ

В. З. Измайлов

Термин «технология» применительно к социальным явлениям используется достаточно широко в специальной литературе. При этом самое распространенное толкование сводится к определению технологии как совокупности приемов и методов, выполняемых в установленной последовательности и позволяющих достичь заранее ожидаемого результата при допустимых затратах. Нельзя не обратить внимания на известную «механистичность» такого понимания [4, с. 3–5; 5].

Однако следует иметь в виду, что все социальные технологии, и избирательные в первую очередь, дают только вероятностный результат, на получение которого можно рассчитывать только в том случае, если не изменится перечень и соотношение действующих факторов, определяющих динамику предвыборных кампаний. А это представляется практически невозможным, поскольку ни один из участников предвыборной гонки не в состоянии монопольно формировать ее сценарий: во-первых, именуемые «электоратом» граждане далеко не всегда являют собой податливый материал для манипулирования; во-вторых, слишком велико общее число действующих факторов; в-третьих, постоянно меняется их соотношение и степень значимости.

Названные причины ставят исследователя перед необходимостью отдавать себе отчет в том, что применительно к выборам термин «технология» носит условный характер и может быть определен как *совокупность приемов и методов влияния, изменяющих вероятность распределения голосов и получения ожидаемого результата избирательной кампании посредством воздействия на поведение ее участников*. В этом случае область применения понятия «избирательные технологии» становится шире. Недостатком же «механистического» определения было то, что оно проецировалось только на «позитивно» ориентированные стратегии участников, т. е. на такое положение дел, при котором каждый из кандидатов ставит задачей получить максимальное количество голосов «за».

Таким образом, электоральные технологии по своей природе являются технологиями игровыми [8]. И коль скоро мы рассматриваем избирательные кампании с точки зрения теории игр со многими участниками, переменной суммой во время предвыборной конкуренции и нулевой суммой во время процедуры голосования (смена суммы требует отдельного исследования), то необходимо одновременно учитывать несколько игровых параметров. Всякая игра включает в себя как минимум пять составляющих: а) участников; б) предмет (т. е. то, вокруг чего разворачиваются действия); в) правила (регулятивы, определяющие действия участников); г) ресурсы; д) стратегии участников.

Если рассматривать выборы как игру со многими участниками, то необходимо выделить три типа электоральных технологий.

1. *Манипулятивно-регулятивные технологии*. К ним относятся приемы и методы, позволяющие ставить участников игры в фактически неравное положение в отношении

возможностей использования наличных ресурсов. В качестве пояснения можно привести следующий пример.

Известно, что существуют жесткие ограничения на размеры финансовых средств, которые могут быть пожертвованы юридическими и физическими лицами в пользу кандидата, а также юридические ограничения в порядке и процедуре использования партийных средств тем или иным кандидатом. В то же время по существу не было серьезных ограничений на деятельность во время избирательных кампаний независимых фондов и некоммерческих общественных организаций. А они, как показала практика, обладают весьма серьезными возможностями как в мобилизационном плане, в частности, агитационно-пропагандистском. Представляется, что именно существовавшая на тот момент система регулятивов (она определяла порядок ведения кампании и процедуры голосования) позволила Б. Ельцину мобилизовать огромные материальные и финансовые средства во время проведения выборов 1996 г. за счет использования сети различных фондов и общественных организаций (достаточно вспомнить одни «Народные дома»). Что касается Г. Зюганова, то он располагал только поддержкой КПРФ, чья деятельность жестко контролировалась положением о выборах, а других «независимых» организаций у данного кандидата не было. Это особенно сказывалось на возможностях использования телевидения и радио.

Иными словами, манипулятивно-регулятивные технологии при формальном равенстве сторон могут обеспечить фору одному или нескольким кандидатам. Такой тип технологий широко использовался в США, например, в кампании 1961 г. Дж. Кеннеди и Э. Стивенсона, о чем красноречиво рассказал Дж. Гэлбрейт в своих мемуарах [3].

возможностей использования наличных ресурсов. В качестве пояснения можно привести следующий пример.

Известно, что существуют жесткие ограничения на размеры финансовых средств, которые могут быть пожертвованы юридическими и физическими лицами в пользу кандидата, а также юридические ограничения в порядке и процедуре использования партийных средств тем или иным кандидатом. В то же время по существу не было серьезных ограничений на деятельность во время избирательных кампаний независимых фондов и некоммерческих общественных организаций. А они, как показала практика, обладают весьма серьезными возможностями как в мобилизационном плане, в частности, агитационно-пропагандистском. Представляется, что именно существовавшая на тот момент система регулятивов (она определяла порядок ведения кампании и процедуры голосования) позволила Б. Ельцину мобилизовать огромные материальные и финансовые средства во время проведения выборов 1996 г. за счет использования сети различных фондов и общественных организаций (достаточно вспомнить одни «Народные дома»). Что касается Г. Зюганова, то он располагал только поддержкой КПРФ, чья деятельность жестко контролировалась положением о выборах, а других «независимых» организаций у данного кандидата не было. Это особенно сказывалось на возможностях использования телевидения и радио.

Иными словами, манипулятивно-регулятивные технологии при формальном равенстве сторон могут обеспечить фору одному или нескольким кандидатам. Такой тип технологий широко использовался в США, например, в кампании 1961 г. Дж. Кеннеди и Э. Стивенсона, о чем красноречиво рассказал Дж. Гэлбрейт в своих мемуарах [3].

2. *Организационные технологии* рассчитаны на то, чтобы оптимально использовать материально-финансовые и духовные ресурсы кампании. К последним относится прежде всего научный потенциал – методики проведения быстрых и достоверных мониторингов общественного мнения, методики составления социологических прогнозов и осуществления политологической экспертизы, методики оптимального использования эфирного времени и печатных площадей для эффективного воздействия на аудиторию, правильно организованная работа штабов и активистов кампании и т.д., включая психологические тренинги и правовую подготовку последних. В число этих технологий входят также методики организации сбора, обработки и анализа информации, а также методики формирования и использования каналов дезинформации. В определенных стратегиях такие технологии используются в деструктивном плане, т. е. для того, чтобы помешать соперникам правильно использовать имеющиеся материальные, финансовые и информационные ресурсы [5; 7].

Нетрудно заметить, что технологии первого и второго типа касаются электорального поведения опосредованно. На практике они нередко используются в качестве вспомогательных, особенно если речь идет о широкомасштабных кампаниях, таких, как выборы губернаторов или президентов.

3. С развитием прикладной политологии и психологии массовых коммуникаций ведущую роль все чаще играют *суггестивные технологии*. Их содержанием является целенаправленное внушение, имеющее целью добиться определенного электорального поведения.

Суггестивными технологиями считаются все методики проведения избирательных кампаний, основанные на формировании мотивации, различной по форме и содержанию, но нацеленной на то, чтобы мобилизовать граждан на со-

вершение определенной последовательности действий, определяющих конечные результаты голосования. Такие технологии основываются на различных принципах и включают в себя целый класс определенных методик и способов внушения.

Можно выделить следующие их разновидности, которые различаются по содержанию мотивации тем, что находит свое выражение в соответствующих образцах (или модулях) поведения: ассоциативно-подражательные; десигнативные; казуальные; аффективно-реактивные.

Электоральное поведение, будучи разновидностью социального действия, предполагает наличие диспозиции, складывающейся до того, как индивид совершает ряд поступков (или действий в собственном смысле слова). Это означает, что формированию конкретной по содержанию мотивации предшествует оценка индивидом (или группой) наличного положения дел, после чего им выстраивается субъективно значимое побуждение к действию. Для того чтобы осуществлять такое «выстраивание» целенаправленно, и применяются суггестивные технологии.

Библиографический список

1. Афанасьев Н.Н. Поведение избирателей и электоральная политика в России // Полис. 1995. №3.
2. Бирюков Н.И. Возможно ли в современной России прогнозировать массовое электоральное поведение? // Полис. 1997. №1.
3. Гэлбрейт Дж. К. Жизнь в наше время. М., 1986.
4. Запрудский Ю.Г. Технологии в политике и политические технологии (Вместо введения) // Политические технологии: Тез. докл. Ростов н/Д, 1998.
5. Избирательные технологии и избирательное искусство: грани возможного: Круглый стол // Власть. 2001. №4.
6. Избирательный процесс: теория и практика // Вестник МГУ. Сер.
18. Социология и политология. 1998. №4; 1999. №1.

7. Ковлер А.И. Избирательные технологии: российский и зарубежный опыт. М., 1995.

8. Кошелюк М. Выборы: Магия игры. Технологии победы. М., 2000.

КОПИЛКА МУДРЫХ МЫСЛЕЙ

*Из двух зол я всегда выбирала то, которого раньше не
пробовала.*

Мэй Уэст

*Ничто так не портит ваше прошлое, как согласие
выдвинуть свою кандидатуру на выборах.*

NN

*Честный политик – тот, кому руководитель его
избирательной кампании не говорит, как тот выиграл
выборы.*

Дж. Робинсон

ЛАУРЕАТЫ
СТУДЕНЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

УПРАВЛЕНИЕ
ОТХОДАМИ
(ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ,
МИРОВОЙ ОПЫТ,
ВОЗМОЖНОСТИ
ПРИМЕНЕНИЯ
В Г. КРАСНОДАРЕ)

Т. А. Ликсукова

ОПЫТ ОПИСАНИЯ
ПОСЕТИТЕЛЕЙ
«ДНЯ КАРЬЕРЫ»

А. Пинчук,

С. А. Коваленко,

С. Козлов

УПРАВЛЕНИЕ ОТХОДАМИ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ, МИРОВОЙ ОПЫТ, ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ В Г. КРАСНОДАРЕ)

Т. А. Ликсукова

Любой технологический процесс, осуществляемый человеком, сопровождается выделением в окружающую среду отходов, требующих дополнительных усилий на вторичную переработку их или захоронение. Человек использует всего 2 % вовлеченных материалов, а 98 % остается в окружающей среде. Поэтому нет ни одного предприятия или населенного пункта, для которого была бы полностью решена проблема отходов.

Переработка и утилизация твердых бытовых отходов – одна из наиболее острых проблем, стоящих в настоящее время перед многими городами России.

Краснодар не является исключением из сложившейся практики.

В связи с этим есть необходимость рассмотреть теоретические аспекты управления отходами, мировой опыт в этой области, а также возможность применения его в местных условиях г. Краснодара.

Теоретические аспекты проблемы управления отходами

Твердые бытовые отходы (ТБО), или «твердые муниципальные отходы» (Му-

nicipal Solid Waste), как их принято называть на Западе, – это отходы, захоронением которых исторически занимались городские власти. Однако в настоящее время в развитых странах значительное количество бытовых отходов собирается и перерабатывается не городскими коммунальными службами, а частными предприятиями, которые имеют дело с промышленными отходами. По мере роста количества и разнообразия отходов, усложнения отношений, связанных с их утилизацией, были выработаны различные классификации и определения типов отходов. Некоторые из них были положены в основу национальных законов, регламентирующих порядок обращения с различными типами отходов.

Итак, отходы классифицируются по происхождению (бытовые, промышленные, сельскохозяйственные и т.д.) и по свойствам. Самое известное разделение по свойствам, принятое в законодательствах большинства стран, – это деление на опасные (т.е. токсичные, едкие, воспламеняющиеся и пр.) и неопасные отходы.

Комплексное управление отходами (Integrated Waste Management) (КУО) начинается с изменения взгляда на то, чем являются бытовые отходы. Традиционные подходы к проблеме ТБО ориентировались на уменьшение опасного влияния на окружающую среду путем изоляции свалки от грунтовых вод, очистки выбросов мусоросжигательного завода и т. д. Нетрадиционный взгляд на проблему состоит в том, что *гораздо проще контролировать то, что попадает на свалку, чем то, что попадает со свалки в окружающую среду*. Основа концепции КУО состоит в том, что бытовые отходы включают различные компоненты, которые не должны в идеале смешиваться между собой, а должны утилизироваться отдельно друг от друга наиболее эконо-

мичными и экологически приемлемыми способами. К другим *принципам КУО* относятся следующие.

1. ТБО состоят из *различных* компонентов, к которым должны применяться *различные* подходы.

2. *Комбинация* технологий и мероприятий, включая сокращение количества отходов, вторичную переработку и компостирование, захоронение на полигонах и мусоросжигание, должна использоваться для утилизации тех или иных специфических компонентов ТБО. Все технологии и мероприятия разрабатываются в комплексе, дополняя друг друга.

3. *Муниципальная система* утилизации отходов должна разрабатываться с учетом конкретных местных проблем и базироваться на *местных* ресурсах. Местный опыт в утилизации ТБО должен постепенно приобретаться посредством разработки и осуществления небольших программ.

4. Комплексный подход к переработке отходов базируется на *стратегическом долговременном планировании*, обеспечивает гибкость, необходимую для того, чтобы быть способным адаптироваться к будущим изменениям в составе и количестве ТБО и допустимости технологий утилизации. Мониторинг и оценка результатов должны непрерывно сопровождать разработку и осуществление программ утилизации ТБО.

5. *Участие городских властей*, а также всех групп населения (т. е. тех, кто собственно «производит» мусор) – необходимый элемент любой программы по решению проблем ТБО.

Только комбинация нескольких взаимодополняющих программ и мероприятий, а не одна технология, пусть даже самая современная, может способствовать эффективному решению проблемы ТБО.

Мировой опыт в области управления отходами

Обращение с твердыми бытовыми отходами является серьезной проблемой, встающей перед всеми странами мира. Развитые страны, осознавая важность этой проблемы, учредили регулирующие программы, в то время как экономически развивающиеся страны продолжают обращаться с отходами весьма примитивным способом, складывая их на открытых поверхностных свалках. Экономически развивающимся странам следует принять программу по управлению твердыми отходами и издавать соответствующие предписания и акты, и строго контролировать их выполнение. С целью защиты окружающей среды и устойчивого развития, экономически развивающиеся страны должны разработать национальную политику по управлению отходами и программы по вторичной переработке и начать проводить исследования по оценке количества и качества ТБО незамедлительно.

На протяжении 25 лет (с 1975 по 2000 г.) Европейское сообщество разработало реально действующее законодательство, играющее важную роль в области отходов.

Во-первых, данное законодательство исходит из ряда принципов, таких, как профилактика, принцип «кто загрязняет, тот платит». Во-вторых, оно содержит ряд директив, подлежащих включению в национальные законодательства, а также положения, имеющие прямое действие.

Европейский опыт свидетельствует, что экологические программы могут стимулировать соблюдение законов, если они содержат соответствующие экономические стимулы: экологические выплаты; субсидии за соблюдение природоохранного законодательства.

Возможности применения опыта других стран в области управления отходами в г. Краснодаре

На сегодняшний день ситуация с ТБО в городе складывается следующим образом.

Ежегодный объем отходов, подлежащих захоронению в г. Краснодаре составляет 1 200 000 м³.

В состав бытового мусора г. Краснодара входят бумага, текстиль, садово-пищевые отходы, металл, кожа, древесина, камни (кирпич, черепки фаянсовые, глиняные и фарфоровые, штукатурка, булыжник, битум), пластмасса (упаковка из полимерных материалов, изделия из пластмассы), отсев менее 16 мм (очистки овощей и фруктов, смет комнатный, дворовый, прочие трудно классифицируемые части отходов. До 90 % его массы сильно загрязнены пищевыми остатками и минеральными частицами (влажность 35–50 %). Ежегодно в г. Краснодаре реализуется около 60 млн полиэтиленовых бутылок, большая часть которых попадает на свалку. Основная доля ТБО представлена бумагой, пластмассой и пищевыми отходами. Средняя плотность бытовых отходов изменяется в пределах 0,19–0,23 т/м³.

Весь объем собираемого городского мусора транспортируется на открытый поверхностный полигон в х. Копанской, который не соответствует современным стандартам санитарного полигона. На сегодняшний день в городе нет комплекса по переработке ТБО, нет также системы раздельного сбора ТБО и т. д.

Говоря о применении зарубежного опыта в области управления отходами в г. Краснодаре, необходимо учитывать ряд объективных и субъективных факторов, т. е. важны не только общие тенденции в управлении отходами, складывающиеся в России, но и особенности местных условий, ресурсов и возможностей.

На наш взгляд, возможно частичное применение опыта Германии, хотя есть существенные различия в системе распределения властных полномочий: действует принцип субсидиарности, система согласования интересов (медиация) – своеобразное консультирование с различными слоями общества и т.д.

Несомненно, неотъемлемой частью утилизации отходов должны стать мероприятия по сокращению количества отходов, вторичная переработка отходов и компостирование, поскольку только комбинация нескольких взаимодополняющих программ и мероприятий, а не одна технология может способствовать эффективному решению проблемы ТБО. Необходима также переориентация производителей и потребителей на продукты и упаковку, приводящие к меньшему количеству отходов, как это было сделано в Германии.

Следует также ужесточить требования законодательства, что заставит муниципалитет и предприятия искать новые решения в области управления и переработки отходов.

В мировой практике существует несколько моделей частно-общественного сотрудничества, от включения частных компаний в глобальную систему по договору подряда до привлечения муниципалитетами частного капитала с целью формирования новых структур по размещению отходов. Так, например, стратегия г. Берлина и компании BSR как государственной организации в настоящее время воплощается путем расширения деятельности в новых сферах управления отходами. Данный опыт достаточно позитивен, чтобы рассмотреть возможность его применения.

Самое простое, что могут сделать местные власти для поощрения сбора вторсырья, – это способствовать созданию *центра по его сбору*. В российских условиях мог бы оказаться успешным опыт установки во дворах контейне-

ров для макулатуры и стеклопосуды. Важную роль может сыграть экономический стимул – введение дифференцированной платы за вывоз (утилизацию) отходов, зависящей от его количества.

Применительно к г. Краснодару возможно создание на базе действующих в городе предприятий единого производственного комплекса, включающего в себя три сортировочные станции и пункты по селективному сбору вторичного сырья. При этом снижение нагрузки на действующий полигон ТБО, изменение состава и качества размещаемых на нем отходов позволят обеспечить экологическую безопасность его эксплуатации. Создание единого производственного комплекса по переработке ТБО на базе комплексной технологии дает возможность повысить уровень экологической безопасности в городе, обеспечить эффективный контроль за образованием и движением отходов, стабилизировать затраты на переработку ТБО, оптимально решить проблему переработки ТБО города с наименьшими капитальными затратами. Итак, для радикального решения проблем благоустройства города и управления отходами необходимы:

- строительство экспериментального предприятия по переработке ТБО;
- индустриализация переработки ТБО;
- совершенствование системы сбора и транспортировки ТБО, специализированных автохозяйств, расширение выпуска современных контейнеров для селективного сбора вторичных ресурсов;
- разработка и внедрение схемы санитарной очистки города, предусматривающей создание системы учета и контроля за образованием, хранением и утилизацией ТБО;
- ликвидация несанкционированных свалок с последующей рекультивацией территории;

- проектирование строительства и реконструкции пунктов сбора вторичного сырья;
- внедрение программы по селективному сбору ТБО с утилизацией и переработкой в товар народного потребления;
- создание общественных и иных форм организации контроля за сбором, хранением и перемещением отходов;
- подготовка нормативной и иной документации;
- экологическое воспитание и образование населения.

ОПЫТ ОПИСАНИЯ ПОСЕТИТЕЛЕЙ «ДНЯ КАРЬЕРЫ»

А. Б. Пинчук, С. А. Коваленко, С. В. Козлов

В ноябре 2001 г. в Муниципальном кадровом центре проводилось мероприятие – «День карьеры». Приглашались выпускники вузов и техникумов (колледжей). Был проведен сплошной опрос, т. е. опрошены все посетители. Из числа 230 респондентов 60 % с высшим образованием и 40 % с довысшим. Обработке подверглись данные, полученные от респондентов 18–25 лет. Главной целью было выяснение предпочтений на рынке труда выпускников вузов и колледжей. Среди вузовских респондентов более 80 % не моложе 21 года, у невузовских – в основном от 18 до 21 года. Если брать в расчет то, что в техникумах обучение короче, то в массив попали как раз выпускники или студенты старших курсов. За основу были взяты три показателя: уровень образования (на текущий момент), возраст и опыт работы. Эти показатели сравнивались с остальными данными, полученными при опросе. Проанализируем ответы на заданные вопросы.

1. *На какую вакансию (должность) вы претендуете?* Все ответы были отсортированы по отраслям. Невузовские респонденты предпочтение отдают промышленности и сфере управления, финансов, права. Вузовские респонденты также выделяют сферы управления, финансов и права, но и значительное место отводят сфере образования, науки и медицины. Прослеживается главное различие, которое по своей сути логично. Респонденты видят себя на той должности, которая соответствует их специальности по диплому.

2. *Собираетесь ли вы продолжать свое образование и где?* Более 80% невузовских респондентов собираются продолжать учебу, из них 95 % – в вузе. Если студенты вузов правильно поняли вопрос, то это говорит о том, что молодежь стремится учиться, но каким методом? В основном «да» отвечали респонденты 18–22 лет, и только 8 из них собираются продолжать обучение в аспирантуре.

3. *Какие дополнительные знания, по вашему мнению, необходимо приобрести для успешного трудоустройства?* Ответы были рассортированы на практические и академические знания. У обеих групп в основном указываются практические знания (более 70 %). Это говорит о том, что молодежь сначала стремится получить академические знания, а уж затем практические (говоря о них как о дополнительных). Однако полученные данные можно толковать по-иному: молодым хватает академических знаний, а некоторым они и не нужны вовсе. Цифры говорят о недостатке практических навыков, что делает актуальными идею дополнительного образования и необходимость при выборе дисциплин больше исходить из практических нужд. Как показывает анализ, с приобретением опыта работы идет изменение оценки важности академических и практических знаний – от практических к академическим, т. е. чем больше опыта, тем важнее становятся академические знания.

4. *Какой способ поиска работы более эффективен?* У обеих групп показатели примерно равны. Треть респондентов надеется на агентства по трудоустройству и еще треть – на знакомых. Ситуация говорит о том, что молодежь другие способы поиска работы (объявления в СМИ, самостоятельно, Интернет) считает неэффективными, слишком долгими. По данным исследования видно, что с опытом надежда на агентства по трудоустройству падает и растет надежда на знакомых.

5. *Имеете ли вы опыт работы?* 60 % невузовских и 45 % вузовских респондентов имеют опыт работы. Это может говорить о том, что у невузовских больше возможностей работать во время учебы, так как некоторые из них получают технические специальности, в отличие от вузовских, которые изучают одну теорию. На весь массив всего 6 респондентов отметили учебную практику в качестве опыта работы, т. е. та 1/3 респондентов, которая не имела опыта работы, хотя должна была его иметь, не считает учебную практику работой. Интересно, что среди вузовских студентов 13% имели опыт работы более одного раза, чего вообще нет у невузовских. Все они не моложе 20 лет и только один из них 18-летний. Наверное, это отдельные личности, которые отличаются особым стремлением, упорством, трудолюбием и т. д.

6. *Где и в какой должности вы ранее работали?* Этот вопрос сортировался также, как и 1-й вопрос. Почти у половины невузовских респондентов (из тех, кто работал) есть опыт работы в промышленности, у вузовских – 16 %. Общая тенденция проявляется в сфере торговли, рекламы, обслуживания и туризма. Скорее всего, деятельностью, связанной с этой сферой, респонденты занимались до поступления в учебное заведение, а также во время учебы. что сейчас не редкость, именно в этой области. Примеча-

тельно, что всего лишь 15 % обучались (обучаются) в этой сфере. Среди вузовских студентов примерно треть имела опыт работы в сфере управления, финансов и права (у невузовских – 8 %), что, вероятно, связано с тем, какую профессию они выбрали.

7. *Что для вас наиболее важно?* Было предложено проанализировать четыре фактора: высокую заработную плату, возможность карьерного роста, деятельность, связанную с профессией, самостоятельность и ответственность позиций. 35 % невузовских респондентов ставят высокую заработную плату на 1-е место, в то время как только для 17 % вузовских это имеет самое важное значение. Наверное, для невузовских работа – это прежде всего средство заработка. Можно уверенно говорить о том, что возможность карьерного роста – самый важный фактор для респондентов. Более 40 % всех опрошенных ставят его на 1-е место. Вероятно, это самый объемный фактор, который может включать в себя все остальные. Вместе с тем эти показатели говорят о желании молодого поколения выделиться, стать независимым, т. е. главную роль играют личностные, индивидуальные факторы и их воплощение. Всего лишь 10 % невузовских респондентов ставят деятельность, связанную с профессией, на 1-е место, в то время как 37 % вузовских считают этот фактор самым важным. Прослеживается главное различие между этими группами. Вузовские в основном хотят иметь работу, связанную с их профессией, они в этом более уверены. Это говорит и о том, что невузовские учатся в основном ради получения диплома как такового, а не ради его содержания, т. е. главное – сам факт получения диплома. Скорее всего, у них нет желания по окончании учебы работать по профессии или они не видят в этом особого смысла, считают бесперспективным. И

примерно 6 % всех респондентов ставят на 1-е место самостоятельность и ответственность позиций.

8. *Какие обязанности вы готовы выполнять?* Одну группу составили ответы, где отдано предпочтение умственным обязанностям, другую – физическим. У вузовских респондентов ситуация 50 : 50. 85 % вузовских респондентов готовы к умственной работе. С чем связано стремление вузовских выполнять и умственные, и физические обязанности? Если имеется в виду готовность, то, наверное, идет некий процесс переориентации с физических на умственные обязанности у студентов техникумов. Наблюдается смена интересов. Заметим, что в последнее время появилось немало гуманитарных колледжей. Надо сказать, что было много таких ответов, как: «любые» и «любые, за дополнительную плату». Видимо, для молодежи не так уж и важно, что они будут выполнять. Но в данном случае нельзя сказать, что для респондента все равно: ящики таскать или бухгалтером работать.

Затем ответы были отсортированы по предпочтению работе с людьми и работе с вещами. Большее предпочтение отдается работе с вещами. Изначально не совсем было ясно, почему у вузовских прослеживается тенденция выполнять работу «с вещами». Но если посмотреть на изначальную кодировку, то все станет вполне понятным: 1) в массив попало много бухгалтеров; 2) было много ответов – работа на ПК.

9. *На предприятии какой сферы деятельности вы хотели бы работать?* Половина вузовских респондентов желает работать в промышленности, более 45 % вузовских отдают предпочтение сфере торговли, рекламы, обслуживания и туризма, как и 30 % вузовских. Как видим, молодежь стремится к более новым, в последнее время наиболее популярным и развивающимся направлениям. В

сравнении с 1-м вопросом исчезает желание работать в сфере управления, финансов и права.

10. *Считаете ли вы себя талантливым руководителем и обладаете ли вы организаторскими способностями?* 65 % невузовских и 80 % вузовских респондентов ответили положительно. Поскольку анкета заполнялась интервьюером со слов респондента, вряд ли тот, кто не считает себя талантливым руководителем, отважился бы об этом сказать незнакомому человеку. В то же время невузовские более объективны, но не так уверены в себе, как вузовские респонденты. Возможно, это объясняется тем, что именно в вузе готовят руководителей. Следует также отметить, что с возрастом растет уверенность в обладании какими-либо организаторскими способностями.

11. *Что, по вашему мнению, является залогом профессионального успеха?* Более 70 % респондентов говорят о внутренних качествах, а остальные – об отношении к внешнему окружению, к миру. Внешним обстоятельствам (удача, хорошая работа, карьерный рост и т. д.) уделили внимание менее 5 %. Если рассматривать более конкретно, то у вузовских респондентов профессиональный опыт и личностные качества противостоят отношениям с людьми у невузовских, т. е. прослеживается главное различие между этими группами. Если же брать в общем, то ведущую позицию получили знания, образование, интеллект.

ОСТРОВ
НЕВЕЗЕНИЯ:
(заметки о книге
А. П. Прохорова
«Русская модель
управления»
М., 2002)
С. А. Морозов

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ
ПСИХОЛОГИЯ:
«ЕДИНСТВЕННО
ВЕРНЫЙ»
ПОДХОД
УЖЕ НАЙДЕН?
А. А. Лузаков

ОСТРОВ НЕВЕЗЕНИЯ: заметки о книге А. П. Прохорова «Русская модель управления» (М., 2002)

С. А. Морозов

В аннотации на обложке книги А. П. Прохорова можно прочесть: «И какой же русский не любит рассуждать о проблемах управления в своей стране! Книга А. П. Прохорова вторгается в область русской управленческой мифологии... Знакомые всем проблемы рассматриваются под непривычным углом зрения. В результате пестрая мозаика явлений, охватывающих тысячелетнюю российскую историю, складывается в стройную систему взглядов (можно даже сказать в теорию), позволяющую ответить на... «вечные вопросы»...».

В предисловии научный редактор журнала «Эксперт», заслуженно уважаемого специалистами в гуманитарных отраслях знаний, господин А. Привалов с восторгом пишет о том, что читатель получит «стройное и... убедительное объяснение привычной всем нам двойственности в оценке этой самой русской модели. Ведь, с одной стороны, мы от колыбели знаем, что все в нашей стране делается сикось-накось, что управленческие решения девяносто девять раз из ста вопиюще неэффективны и просто бездарны. С другой же стороны, мы имеем все основания гордиться феерическими, не имеющими аналогов достижениями отечественных

управленцев, решавших задачи, очевидно нерешаемые... Чтение вам предстоит, не буду скрывать, невеселое. Перспективы улучшения качества управления в России, по Прохорову, не весьма радужные» (с. 7–8).

Ожидая эту книгу, анонсируемую журналом «Эксперт» на протяжении нескольких месяцев, я предполагал увидеть солидный научный труд, который опирается не на мифологию, пусть даже и народную (ох уж это народопоклончество – «народ всегда прав») (с. 9).

Безусловно, мифология занимает в жизни русского народа не последнее место. Однако, говоря о мифологизации управления в России, нельзя не иметь в виду всечеловечность этого явления. И вне общемирового контекста рассмотрение этих проблем способно породить лишь новые мифы. А реальность иная... Вспомним беспомощность и растерянность американских политиков в ходе подсчета голосов на недавних выборах президента, американских менеджеров в период эвакуации «Близнецов» 11 сентября и т.п.

Одним из источников этой мифологии является сакрализация управленческих процедур и самого управленческого процесса в целом. А также ожидания разочарованных десятилетием свободных рыночных отношений представителей технической интеллигенции, безгранично верящих в математические модели и аналогии, знающих историю России либо по мемуарам советских военачальников периода Великой Отечественной войны, публицистике «Огонька» конца 1980-х – начала 1990-х гг., переизданиям Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева и, главным образом, В. О. Ключевского. Как говорится, «поел картошки – и уже агроном!».

Любая работа начинается с концептуализации анализируемых проблем, которая базируется на рабочей гипотезе. Уже в первой главе, озаглавленной «Неконкурентное устройство русского общества» (с. 15–29), А. П. Прохоров,

ставя во главу угла конкуренцию, полагает, что в русских землях она изначально отсутствовала, а если и была, то крайне неэффективной. Отсюда вольные сравнения русско-го средневековья и сталинской эпохи, государственного управления и производственного менеджмента, ситуаций переходного периода, кризисных этапов развития, например периода Великой Отечественной войны, и иных эпох, характеризующихся стабильным развитием (см. с. 23 и сл., с. 84 и сл.). Эти методологические просчеты – сравнение малосравнимого и несравнимого, естественно, заводят автора в ложную мифологическую конструкцию, столь милую сердцу отечественного западника – русская модель управления изначально неэффективна по своей природе!

Между тем уважаемый автор обходит вниманием, и не без основания (иначе и результаты его исследования были бы иными!), успешное развитие российской экономики в 1880-е гг. – начале XX в. Вспомним переход к золотому содержанию рубля, превратившему его в устойчивую мировую валюту, вспомним железнодорожный бум, вспомним невиданный приток иностранных инвестиций, наконец, стремительный рост экономики в 1909–1913 гг., который вывел российскую экономику на первое место в мире по темпам роста.

Автор уклонился от исследования предпринимательской (а не традиционно средневековой купеческой) культуры России XIX–XX вв., не «увидел» таких успешно действующих отечественных компаний, как «Панинтер», «Калина», «Северсталь», «Очаково», не уделил должного внимания индивидуальному предпринимательству как основе формирования малого бизнеса.

Вне поля зрения автора остались и такие важные принципы исследования моделей управления, как типология лидерства, структура власти, модели принятия решений,

типы личности работников, мотивация работников, система контроля и вознаграждения, ресурсы и способы их использования, управление маркетингом, стили конкурентного поведения на внутренних и внешних рынках и т.п. Если эти вопросы каким-либо образом и затрагиваются, то о них говорится вскользь, походя, вне всякой системы.

Для А. П. Прохорова и русский, не знавший крепостной зависимости черносошного Севера, сибирских просторов, казачьего Юга России, и крепостной Центрального Нечерноземья и Черноземья – один образ: малоспособный к созидательной конкуренции русский. А это глубокое и серьезное заблуждение. Мир русских многообразен, полифоничен. В нем отражаются различные реализованные и нереализованные модели развития.

Однако, прочитав столь ожидаемую книгу, я обнаружил, что так и не получил ответа на вопрос о «русской модели управления».

Вообще рассуждать о «социалистической модели» управления как о русской мне представляется натяжкой – цена достижений того времени была неоправданно высока, а тяжесть утрат – безмерна! Империи, в том числе и с социалистической риторикой, неэффективны как формы организации социума.

Конечно, у автора мы находим и ряд любопытных наблюдений, которые, впрочем, нуждаются в дальнейших исследованиях: о кластерных структурах русского общества, о дуализме русской души, об отношении к богатству и уравниловке. Наивно полагаю, что на результатах авторских «штудий» сказался подбор материала, за который автор благодарит Е. Диунову, – ведь материал не подбирают для иллюстрации авторской концепции, а изучают, чтобы эту авторскую концепцию сформировать на доказательной базе! Отсюда отсыл-

ки к «Начальной летописи» для иллюстрации русской духовной жизни в XVI–XIX вв. (с. 68 и сл.).

Что же касается заимствований и инноваций, то нельзя не вспомнить не только Алексея Михайловича, Петра Великого, В. И. Ленина, И. В. Сталина, Е. Т. Гайдара и др., но и те плачевные результаты, к которым приводили подражания в одежде, языке, организации производства и управления (американский тейлоризм, организация производства и технологии поверженной Германии, американские модели «чикагской экономической школы» и т.п. (с. 160–187).

Эти заимствования без учета отечественной почвы приводили не к инновационным моделям развития, а неизбежно вели к кризису и величайшему социальному напряжению, которые преодолевались ценой неимоверных жертв, создавая иллюзию об «Острове невезения» на Востоке Европы.

Сдержанный оптимизм автора относительно будущего России понятен – он скептик западнического толка и его влекут устоявшиеся стереотипы (с. 317–346). Читатель может разделять эту позицию и с восторгом принимать рецензируемое сочинение как подтверждение своих взглядов. Однако он может и не разделять суждения А. П. Прохорова, а, засучив рукава, взяться за изучение русской модели управления. И сравнить полученные результаты с выводами, представленными в книге!

Книга А. П. Прохорова пробуждает желание заняться такого рода анализом. Скажем же спасибо уважаемому автору за постановку интересной проблемы!

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ: «ЕДИНСТВЕННО ВЕРНЫЙ» ПОДХОД УЖЕ НАЙДЕН?

А. А. Лузаков

Организационная психология и организационное поведение (можно дискутировать о соотношении и границах между этими предметами, но они очень близки по содержанию) – это дисциплины, которые недавно появились в учебных планах студентов управленческих специальностей. На факультете управления КубГУ их в том или ином объеме, под тем или иным названием изучают или будут изучать большинство студентов. Для будущих менеджеров это – одна из ключевых дисциплин «поведенческого» блока. При широком понимании предмета организационная психология – прикладная отрасль психологии, изучающая все аспекты психической деятельности и поведения людей в организациях. Ее цель – повышение эффективности труда, создание благоприятных условий для труда, индивидуального развития и психического здоровья членов организации [1, с. 16]. При такой трактовке организационное поведение является частью организационной психологии. В зарубежной практике в предметную сферу организационной психологии (она сложилась в США к 1970-м гг. и иногда называется индустриально-организационной) часто включаются также и те исследования, которые в России отнесли бы к психологии управления, психологии труда, инженерной психологии и эргономике. В другой традиции больше предпочитается термин «организационное поведение», именно так называют соответствующую дисциплину, и акценты здесь несколько другие. Близкими проблемами занимается и организационное развитие (именно под таким названием читается спецкурс студентам-психологам фа-

культета управления КубГУ, объединяющий элементы теории организации и организационного поведения). Названия и границы дисциплин в Америке и Западной Европе, что называется, не устоялись. Во многих вузах России эти курсы уже несколько лет читаются, но следует признать, что отечественная теория и практика в этой области находится лишь на стадии становления, поэтому учебные программы строятся во многом на материалах зарубежных исследований. Учебники, которые изданы за последние годы, – это в основном переводы с английского (Дж. В. Ньюстром, К. Дэвис. Организационное поведение. СПб., 2000; Л. Джуэлл. Индустриально-организационная психология: Учебник для вузов. СПб., 2001; Р. Дафт. Организации: Учебник для психологов и экономистов. СПб., 2002 и др.). Не останавливаясь на достоинствах и недостатках этих книг, заметим, что даже если бы они были идеальны, они все-таки оставались бы текстами, отражающими иную социально-экономическую и психологическую реальность. Известно, что некоторые социально-психологические и управленческие закономерности, добросовестно описываемые западными авторами, в российских условиях проявляются либо с большим своеобразием, либо вообще не применимы, и потому дидактическая полезность таких учебников для наших студентов снижена. Велика потребность в доступных книгах, обобщающих отечественный опыт (а он имеется) или опирающихся пусть и на зарубежный опыт, но изложенный с учетом ментальности российского читателя и сегодняшних проблем российских предприятий и организаций.

Недавно появившееся учебное пособие А. Н. Занковского (Организационная психология. М., 2000) – это первое отечественное пособие, излагающее организационную психологию в систематическом виде и столь подробно.

Сам факт появления такого учебника — значительное событие. Именно поэтому необходимо остановиться на его достоинствах и недостатках.

Автор — сотрудник Института психологии РАН, имеющий значительный опыт исследовательской, консультативной и преподавательской работы, в том числе в зарубежных университетах. Пособие рекомендовано к использованию Российской академией образования (РАО). Первое, что обращает на себя внимание, — внушительный объем книги (почти 650 страниц). По охвату проблем и представленному материалу она носит энциклопедический характер. Вместе с тем для студентов, которые уже изучили курс социальной психологии и психологии управления, представленный материал является явно избыточным. Известно, что в программах некоторых вузов США такая классическая дисциплина, как социальная психология, оказалась поглощена организационной психологией (заметим, важнейшие разделы социальной психологии при этом заботливо сохранены, о чем свидетельствует содержание зарубежных учебников). В отечественных вузах согласно образовательным стандартам управленческих специальностей социальная психология не является обязательной и может вводиться или не вводиться по усмотрению вуза. При этом есть риск, что будущие менеджеры просто не получают некоторых фундаментальных и практически важных знаний, если эти знания не будут предусмотрительно включены преподавателями в другие дисциплины. Видимо, автор данного пособия хотел свести такой риск к минимуму, и тогда включение больших разделов из социальной психологии (они составляют до половины объема книги) можно считать оправданным. Это разделы о методах исследования, планировании эксперимента, группах, лидерстве, власти, мотивации, ценностях. Поэтому данное пособие мож-

но особенно рекомендовать тем студентам, которые приступают к изучению организационной психологии или организационного поведения, не изучив предварительно социальную психологию. Для изучающих дисциплину «Управление персоналом» полезной окажется последняя глава («Отбор персонала»). Особенно важна она для не-психологов. Здесь психологически корректно и понятно описаны принципы и методы психодиагностики в профотборе, чего нельзя сказать о многих учебниках по управлению персоналом.

К сожалению, пособие опирается почти исключительно на исследования авторов из США. Причем в основном это достаточно старые американские работы – 1950–1970-х, реже 1980-х гг. Остается гадать, что это – принципиальная позиция автора или следствие слишком долгого пути учебника от авторского стола к читателю. Если первое, то, наверное, нам предлагают согласиться, что все самое главное написано именно в те годы. Впрочем, в этом есть некоторый резон, так как американская организационная реальность тридцати-сорокалетней давности больше, чем США сегодня, похожа на российскую реальность. Как бы то ни было, знакомство с классикой в данной области полезно. Тем более, что представлена она стилистически хорошо. Это тот самый случай, когда читать изложение эффективней, чем оригинальные американские учебники или их переводы.

Хотелось бы видеть в тексте размышления и факты, показывающие, как все это соотносится с сегодняшними проблемами российских предприятий и организаций, как специфически преломляется в наших условиях. Но этого в пособии, к сожалению, нет.

Особенность данного пособия заключается в том, что в нем не просто излагаются различные концепции и факты,

но имеется четко выраженная теоретическая позиция. Психологические проблемы в организации рассматриваются в контексте организационной власти, которая, по мнению А. Н. Занковского, является базовым организационным процессом, обеспечивающим приоритетность общих целей организации над индивидуальными целями работников. Можно разделять или не разделять этот подход (далее я скажу об альтернативных концепциях), но сама попытка теоретически целостного, а не мозаичного, эклектичного построения учебника должна приветствоваться. Правда с оговоркой, что студенту должны быть доступны и другие пособия по предмету, написанные с иных, столь же четко определенных теоретических позиций. Но этого пока нет.

Показательны названия основных частей книги: «Организационная власть», «Власть и организация», «Власть и группа», «Власть и индивид». Автор справедливо отмечает слабость традиционных определений организаций как «инструмента достижения цели» или «системы, объединенной общей целью». Откуда берется цель? На фоне возрастания в культуре и управлении внимания к интересам отдельных индивидов и групп (а не макрогрупп и противостоящих систем, как было ранее) яснее обнаруживается противоречие между общей целью организации и целями отдельных его членов. Разрешение этого противоречия и консолидация различных целей в общую на самом деле может происходить различными путями, в том числе за счет власти и подчинения. Но в книге организационная власть понимается как единственный механизм, позволяющий придать какой-либо цели статус общей. «Общая организационная цель по своей сути – это индивидуальная цель субъекта организационной власти» (с. 143). Заметим, что в исследованиях организаций можно обнаружить две давние и наиболее явно противостоящие друг другу метафоры (хотя всего

таких метафор больше). Либо организация понимается как рыночное поле, где происходит ролевой обмен, либо она мыслится в первую очередь как поле власти и подчинения. А. Н. Занковский – яркий представитель второго направления. Он подчеркивает, что организационная власть – это процесс использования организационных средств «для изменения целей поведения сотрудников в заданном направлении, даже в том случае, когда это противоречит их желаниям, интересам и убеждениям» (с. 41).

Очень подробно, гораздо подробнее, чем в американских учебниках по социальной психологии, излагаются известные эксперименты С. Милгрэма. В них показано, как вполне порядочные люди, подчиняясь власти экспериментатора и авторитету науки, наказывали свою «жертву» (подставного участника эксперимента) электротоком, доводя напряжение до величин, опасных для ее здоровья и жизни. В отличие от самого С. Милгрэма, который указывал на индивидуальную вариативность поведения людей в этой ситуации, А. Н. Занковский приходит к очень категоричному выводу, что индивидуальные различия в характере, ценностях и мировоззрении людей почти не имеют значения, а истоки их поведения – в привычной необходимости подчиняться организационной (шире – социальной) власти. В организациях с точки зрения «объективной» необходимости человек может уже не думать о своей индивидуальной ответственности, ведь уже не он сам определяет цели. «Поэтому поведение индивида необходимо рассматривать как следствие механизма властного принуждения, встроенного в организацию» (с. 147). «...Повиновение как сущность этих (иерархических. – *А.Л.*) отношений отодвигает на периферию сознания и поведения законность и моральный аспект выполняемых действий. Положение подчиненного изначально предполагает повиновение лю-

бым указаниям и следование любым целям начальника» (с.150). Далее окончательно растерянному и разуверившемуся в человеческой природе читателю дается некоторая надежда. Для того чтобы повиновение людей было не деструктивным (т.е. аморальным и противозаконным), а конструктивным, необходимо, чтобы в организации существовали некие «надежные механизмы, обеспечивающие властью только тех индивидов, чьи идеи, ценности и взгляды позволяют им формировать цели, не противоречащие общечеловеческим представлениям о добре и справедливости» (с. 151). С задачами формирования таких механизмов связано многое из того, что делается организационными психологами в области профессионального отбора, изучения мотивации, ценностей и лидерства. С этим последним утверждением автора трудно не согласиться. Но этот и подобные штрихи теряются на фоне безысходной картины всемогущей организационной власти и маленького беспомощного человека, который фатально обречен ей подчиняться. На мой взгляд, именно не вписывающиеся в концепцию автора индивидуальные различия людей, разнообразие их реакций на одни и те же обстоятельства, способность некоторых из них осознанно выбирать себе организационную среду и даже изменять ее – вот те реальные факты, которые существенно снижают применимость «властной» метафоры в изучении организаций и объяснении организационного поведения.

Мне трудно отделаться от мысли, что появление психологического учебника с такой концептуальной основой слишком хорошо отвечает наметившимся в последнее время в России идеологическим и политическим тенденциям к ограничению плюрализма, поискам «сильной руки» и нового «единственно верного» учения. Остается надеяться на появление в самое ближайшее время книг, написанных с

иных позиций. Иначе у студентов, особенно непсихологов, может сложиться впечатление, что перед ними новейшее и самое лучшее достижение теоретической мысли в области организационной психологии.

Если иметь в виду отмеченные недостатки, то пособием вполне можно пользоваться как качественным обзором классических зарубежных исследований по социальной и организационной психологии.

КОПИЛКА МУДРЫХ МЫСЛЕЙ

*Естествоиспытатели открывают
всего лишь то, что есть,
а гуманитарии – даже то,
что могло бы быть.*
Болеслав Пашковский

*Ум и наука подчиняются моде
столько же, сколько сережки и пуговицы.*
Д. И. Фонвизин

ЖИЗНЬ
ФАКУЛЬТЕТА

ГЕНДЕРНОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ
В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ
СТАНОВЛЕНИИ
ЛИЧНОСТИ

Л. Н. Ожигова

ГЕНДЕРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СТАНОВЛЕНИИ ЛИЧНОСТИ

Л. Н. Ожигова

За последние несколько лет интерес к гендерным проблемам в научном сообществе не уменьшился, а даже принял устойчивый характер. Традиционным стало проведение различных гендерных школ, семинаров и конференций, направленных на институционализацию гендерной тематики и развитие гендерных сообществ. Однако, если в регионах центральной России уже около 10–15 лет действуют крупные исследовательские и практические центры, изучающие гендерные проблемы (Московский центр гендерных исследований, Санкт-Петербургский центр независимых социологических исследований и др.), то для Южно-Российского региона проблема институционализации гендерной тематики является актуальной.

На юге России (Краснодарский, Ставропольский края и Республика Адыгея) гендерная тематика только начинает утверждаться как отдельное направление научной и образовательной активности. Между тем решение гендерных проблем в области профессиональной социализации личности является особо важным для нашего региона. Именно здесь в силу исторических и этнических обстоятельств особо устойчивы

гендерные стереотипы и ограничения в профессиональной деятельности, связанные с традиционным пониманием роли мужчины и женщины в казачьей и адыгейской культурах. В современных условиях жестко фиксированные гендерные стереотипы мешают формированию новой культуры профессиональных отношений и не способствуют становлению демократического общества.

В последние годы кафедры психологии личности и общей психологии факультета управления Кубанского государственного университета активно содействовала развитию гендерного образования: разработаны учебные программы и накоплен опыт преподавания по различным гендерным дисциплинам; уже третий год проводятся межвузовские научно-практические конференции по гендерной тематике; выполняются курсовые, дипломные и диссертационные исследования, направленные на изучение и преодоление гендерных стереотипов и социального неравенства.

Особое значение для развития гендерной тематики не только в КубГУ, но и в целом для Южного региона имеет осуществляемый сейчас кафедрой психологии личности и общей психологии проект «Гендерное образование в профессиональной социализации личности». Реализация проекта стала возможной при поддержке Женской сетевой программы Института «Открытое общество» (фонд Сороса).

Основная цель проекта – повышение гендерной квалификации профессорско-преподавательского состава вузов Краснодарского и Ставропольского краев и Республики Адыгея и развитие академического сообщества Юга России, объединяющего исследователей, преподавателей и практиков, работающих в области проблем гендерного образования.

Одна из важнейших задач проекта – проведение серии семинаров по проблемам гендерного образования в профессиональной социализации личности для специалистов региона с участием ведущих российских исследователей.

В первом семинаре, проведенном 22 июня 2002 г., приняли участие около 40 человек – студенты, аспиранты, преподаватели, ученые различных гуманитарных отделений и кафедр Краснодарского и Ставропольского краев и Республики Адыгея, представители общественных организаций.

Что такое гендер и гендерное образование? Как пол человека может быть связан с его профессиональным выбором и карьерой? Что мешает и что способствует современным женщинам и мужчинам добиваться успеха в профессии? Все эти вопросы обсуждались на семинаре.

Так что же такое гендер? Это социально-психологический пол личности, то, как личность воспринимает себя как мужчину или женщину и как подтверждает свою половую принадлежность в обществе через поступки. В каждом обществе существуют представления о том, какими должны быть мужчины и женщины, как они могут себя вести, какими видами деятельности им следует заниматься. Доктор философских наук, профессор Уральского государственного технического университета Г. А. Брандт, выступая на семинаре, отметила, что в большинстве традиционных обществ поддерживается четкое деление на сферы реализации мужчины – публичная (политическая и профессиональная деятельность) и женщины – приватная (частная, семейная сфера). В условиях современного общества существенно изменились представления о путях и способах реализации женщины и мужчины. Равные политические и социальные права для мужчин и женщин в России позволяют каждому выстраивать свою жизнь в соответствии с собст-

венными интересами и потребностями. Однако стереотипы поведения продолжают влиять на личность и часто затрудняют ее профессиональное становление.

Преподаватель кафедры психологии личности и общей психологии КубГУ И. А. Сапогова в своем выступлении привела данные социально-психологических исследований, согласно которым всякий профессиональный выбор всегда связан с гендерными представлениями личности и с тем, какие усилия мужчина или женщина прилагают, чтобы подтвердить свою половую принадлежность и «нормальность» в обществе. Все это не просто позволяет поддерживать мифы о «настоящей» мужественности или женственности, но и порождает существенные социальные проблемы: гендерный дисбаланс в различных профессиях; социальное неравенство, основанное на дискриминации по половому признаку; «стеклянный потолок» в карьерном росте для женщин и мужчин в профессиях, где существуют жесткие гендерные стереотипы.

В докладе Л. Н. Ожиговой, доцента кафедры психологии личности и общей психологии КубГУ, были рассмотрены проблемы институционализации гендерных исследований в России. Докладчик отметила, что продолжается процесс интеграции гендерного подхода в другие научные дисциплины: психологию, социологию, философию, педагогику и т.д. Несмотря на все методологические трудности и противоречия это позволяет существенно расширить области и предметы исследования в этих науках.

Большой интерес у участников вызвало сообщение Н. Ю. Рымарева, студента V курса отделения социальной работы факультета управления КубГУ, который представил важную информацию о ресурсах Интернета в области гендерной теории и практики.

Острую дискуссию среди участников вызвала тема о влиянии идей феминизма на развитие гендерных исследований и гуманистического подхода в системе профессионального образования. В высказываниях слушателей появилась общая тенденция, которая связана с тем, что в России феминизм непопулярен, часто оценивается негативно. Это происходит из-за того, что о нем практически ничего не известно, а многие идеи просто неверно трактуются. Участникам семинара удалось расширить свои знания в области феминистской теории, узнать новое об основных положениях феминистской мысли и убедиться в том, что именно демократические идеи, сформулированные в рамках различных направлений феминизма, сначала в общественной жизни, а затем и в системе наук (философии, социологии и т.д.), позволили пересмотреть дискриминирующие женщину теории и обозначить важнейшие проблемы современного мира: насилие над личностью и нарушение прав человека.

В процессе обсуждения участники пришли к заключению, что гендерные исследования в Южно-Российском регионе находятся в стадии определения предмета исследования, но уже сейчас понятно, что направление это важное. В многонациональном пространстве Южно-Российского региона идеи ненасилия, толерантности и соблюдения прав и свобод личности имеют важнейшее значение. Гендерное образование в профессиональном становлении, т. е. включение теорий и практик, поддерживающих гендерное равенство, даст возможность снизить давление стереотипов на самореализацию личности.

Можно сказать, что первый семинар позволил создать общее смысловое пространство для дальнейших контактов его участников, но только обозначил те проблемы, которые существуют в гендерном образовании. Опыт и перспек-

тивы решения этих проблем планируется обсудить в ходе дальнейших семинаров, которые намечены на сентябрь–ноябрь 2002 г. и февраль 2003 г. Темы следующих семинаров: «Социально-психологические исследования гендерных проблем: предмет и направления», «Гендерное образование в профессиональной социализации личности: опыт и перспективы» и «Социально-психологические исследования гендерных проблем и карьеры в Южно-Российском регионе».

Важно отметить, что реализуемый проект имеет существенную особенность, он позволяет привлечь максимальное число участников к различным направлениям деятельности проекта за счет постоянно обновляемого содержания виртуальной дискуссии на сайте проекта (ugen2002.kubsu.ru).

Сложная организационная и содержательная работа по подготовке семинаров, созданию сайта и планируемого издания сборника статей по гендерной тематике, осуществляется силами лаборатории по гендерной психологии и конфликтологии. Лаборатория, открытая при кафедре психологии личности и общей психологии в ходе реализации проекта, позволит продолжить работу по развитию гендерного направления в регионе.

Примечательно, что в организации и проведении семинара активное участие приняли различные структуры: ККОО «Центр социально-психологических технологий «Перспектива», ККОО «Консультационный образовательный центр», Южный центр культуры, образования и науки США при КубГУ. Все это свидетельствует о том, что обсуждаемые на семинаре проблемы имеют важное значение для Южно-Российского региона.

Сведения об авторах

Бунчук Светлана Николаевна – преподаватель кафедры государственного и муниципального управления факультета управления КубГУ.

Васильева Екатерина Викторовна – студентка V курса факультета управления, специальность «политология».

Виноградов Виктор Петрович – советник мэра г. Череповца, директор организационно-методического центра.

Измайлов Владимир Закирович – зам. генерального директора ООО «Соддействие и взаимопомощь», аспирант кафедры политологии и политического управления факультета управления КубГУ.

Коваленко Сергей Александрович – студент II курса факультета управления, специальность «социальная работа».

Козлов Сергей Владимирович – студент II курса факультета управления, специальность «социальная работа».

Кузьмичева Надежда Ивановна – канд. экон. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления КубГУ.

Кукосян Ованес Гайкович – д-р психол. наук, профессор, академик Международной академии наук высшей школы, почетный академик Международной психологической академии, заслуженный деятель науки Кубани, заслуженный профессор КубГУ.

Лисукова Тамара Анатольевна – студентка V курса факультета управления, специальность «государственное и муниципальное управление».

Лузаков Андрей Анатольевич – канд. психол. наук, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления факультета управления КубГУ.

Морозов Сергей Александрович – д-р филос. наук, профессор, декан факультета экономики, управления, рекламы КГУКИ.

Мясникова Татьяна Алексеевна – преподаватель кафедры государственного и муниципального управления факультета управления КубГУ.

Оберемко Олег Алексеевич – канд. социол. наук, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления факультета управления КубГУ.

Ожигова Людмила Николаевна – канд. психол. наук, преподаватель кафедры психологии личности и общей психологии факультета управления КубГУ.

Пинчук Алексей Борисович – студент II курса факультета управления, специальность «социальная работа».

Прончихина Светлана Владимировна – инспектор отдела кадров ЗАО «РА-Кубаньнефтемаш».

Степанова Лэлла Муллануровна – студентка V курса отделения государственного и муниципального управления факультета управления КубГУ.

Тамбиянц Елена Станиславовна – преподаватель кафедры новейшей отечественной истории и социологии КубГУ.

Издается с марта 1999 г. Периодичность – 4 номера в год.
Регистрационное свидетельство Р2829 от 16.03.99

Главный редактор *Е. В. Морозова*, д-р филос. наук, профессор

Редакционная коллегия:

О. А. Оберемко, зам. гл. редактора, канд. социол. наук, доц.;
Г. С. Курбатова, отв. секретарь;
Т. Т. Авдеева, д-р экон. наук., проф.;
А. М. Ждановский, канд. ист. наук., доц.;
А. А. Лузаков, канд. психол. наук, доц.;
З. И. Рябикина, д-р психол. наук, проф.;
В. М. Юрченко, д-р филос. наук, проф.

Адрес редакции:

350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, комн. 404-н.
Тел. (8612) 69–95–63, 69–95–64.

Дизайн художников *М. Н. Марченко*, *С. Г. Ажгихина*.
Оригинал-макет *Г. А. Литвяковой*.

Подписано в печать 25.09.02. Уч.-изд.л. 12,0. Усл. печ.л. 10,46
Тираж 200 экз. Цена свободная. Заказ № 367

Кубанский государственный университет.
350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Тип. Кубанского госуниверситета.
350023 г. Краснодар, ул. Октябрьская, 25.